9.202.6
3-32.
Т3(2Г-6Мо)я54
М 792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

Записки
9

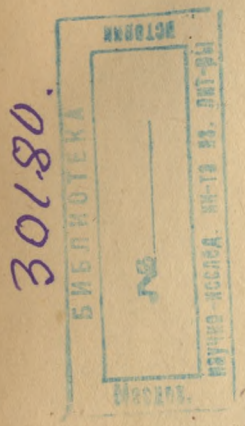
История и археология

МОРДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК—1947

9:902.6
З-32
V

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

Т3(2Р-6Мо)
М792
57



Записки
9

История и археология

1977
проверена
1983 г.

МОРДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК—1947

Заслуженный деятель науки
доктор исторических наук
профессор ***В. Н. Бочкарев.***

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ РУССКОГО НАРОДА ЗА СВОЮ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ В XV ВЕКЕ.

В процессе перехода удельно-княжеской Руси от феодального раздробления к территориальному и политическому объединению русскому народу приходилось всё время сталкиваться с враждебными выступлениями Орды и Литвы. При этом татарская опасность была в это время много сильнее литовской, т. к. формально русские земли были в зависимости от Золотой Орды.

Если татарские ханы смотрели на всю Русь не только удельно-княжескую, но и Новгородско-псковскую, как на свой улус, и требовали прежде всего уплаты себе дани, то литовские великие князья претендовали на восточно-русские земли в целях объединения всех их под своей властью и старались добиться этого то вооружённой рукой, то путём дипломатических соглашений.

С татарами борьба велась чуть не ежегодно, с Литвой — значительно реже. Татарские вторжения больше опустошали южные и юго-восточные пределы удельно-княжеской Руси, тогда как литовская агрессия своим объектом имела западные и северо-западные русские территории—Смоленское великое княжество и Новгородско-псковский край. От Орды пытались освободиться, от Литвы стремились оборониться.

Как Литовскому великому княжеству, так и Золотой Орде было крайне важно не допустить образования централизованного русского государства, начало которому было положено разгромом Мамая на Куликовом поле.

Образовавшийся ещё в исходе XIV века Литовско-ордынский блок, в течение последующих 100 лет не раз давал себя знать. Если Ягайло помогал Мамаю в 1380 г., то Казимир IV был союзником Ахмата, когда тот в 1480 г. шёл на Ивана III.

В настоящем очерке освещается только одна сторона той упорной, напряжённой борьбы, которую в XV веке вёл русский народ, отстаивая свою национально-политическую независимость, а именно его столкновения с Золотой Ордой и Казанским царством. Сделать это тем более важно, что процесс объединения русских земель вокруг Москвы ускорен был борьбой с внешней опасностью, в особенности—борьбой за освобождение страны от власти Золотой Орды. Это прекрасно подтверждается следующим положением Энгельса: „покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига". Сложившаяся на востоке Европы политическая обстановка в связи с борьбой с татарами, турками и другими восточными народами требовала „незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия".[1])

I.

Куликовскую битву 1380 г. обычно считают переломным моментом во взаимоотношениях между удельно-княжеской Русью и Золотой Ордой. Если в первые 140 лет татарского ига Русь была слабее Орды в силу своей феодальной раздробленности, то за последние 100 лет существования ордынской власти над Русью это иго фактически становилось всё слабее, т. к. процесс феодального объединения создавал условия политической силы и мощи русской земли в её борьбе за свою национальную независимость.

Сама Орда, где процесс феодального раздробления в в XV веке обнаруживался всё сильнее, не могла уже проявлять свою власть над Русью так решительно и грозно, как это имело место до 1380 г. Однако, несмотря на видимое ослабление Орды, она всё же и после победы Дмитрия Донского над Мамаем пыталась держать в подчинении себе феодально-княжескую Русь напоминая о своей власти над нею не только требованием дани, но и походами против неё, когда эта дань своевременно не уплачивалась.

1) ПРИМЕЧАНИЯ см. в конце статьи.

После убийства Мамая в Кафе в 1380 г. в Золотой Орде при поддержке Тамерлана захватил Тохтамыш—хан Синей или Заяицкой Орды. Он соединил в своих руках обе Орды—Синюю и Золотую, чем временно поднял значение последней и восстановил её господство над русскими князьями, подорванное победой Дмитрия Донского на Куликовом поле. Однако, в последующей борьбе с Тамерланом Тохтамыш был побеждён и должен был искать спасения в Литве у великого князя Витовта. Разорив Астрахань и предав огню Золотоордынскую столицу Сарай, Тамерлан включил Золотую Орду в состав своей громадной среднеазиатской империи.

Конец царствования Тохтамыша описан русскими летописями под 1395 г. как время, с одной стороны, торжества враждебных ему претендентов на ханский стол, а с другой, больших смут в Орде среди татарской знати. Если Соф. II говорит лишь о Темир-Аксаке, как русские источники называют Тамерлана, приписывая его появлению в Орде не столько низложение Тохтамыша, сколько то, что он „велику брань сотвори, много мятежа воздвиже в Орде и на Руси", то Соф.I главный упор в своём изложении делает на появление в Орде нового хана, говоря: „бысть бои царю Темир-Кутлую с царём Тохтамышем и сеча велика, и одоле царь Темир-Кутлуй и седе на царстве, а Тохтамыш беже в Литовскую землю".

Никон. же летопись, опуская имена, даёт под тем же 1395 г. яркую картину внутренних усобиц в Орде, вероятно, уже после бегства Тохтамыша: „Бысть во Орде Тохтамышеве промежу великих князей нелюбие велие и размирие много, бысть им бои на реце на Волзе межи собою и паде много князей и татар на том бою Сентября в 8 день"[2]). С 1396 г. Золотоордынские ханы стали назначаться Тамерланом, но их положение было крайне шатким[3]): сторонников у них в Сарае почти не было, а Тохтамыш и его сыновья при поддержке Витовта подымали смуту в Орде, стараясь вернуть себе ханский престол. Фактически власть в Орде была в руках темника Едигея, которого русские летописи называют Заяицким князем. Являясь ставленником Тамерлана Едигей поднял на некоторое

время военный авторитет Орды, разбил в 1399 г. на реке Ворскле Витовта, убил в 1407 г. Тохтамыша, обосновавшегося к этому времени на верховьях Иртыша, а в 1408 г. вероломно напал на Москву, заставив Василия 1 снова уплачивать дань в Орду.

Однако и на Руси в нач. XV в. отношение к Орде было уже совсем иным, чем в XIV в. Вот как, например, говорит об этом послание Едигея к великому князю Василию Дмитриевичу: „ Слышание наше таково, что ся неправо у тебя чинит в городах: послы царёвы и гости из Орды к вам приедят и вы послов и гостей на смех поднимаете, да еще велика им обида и истома у вас чинится". В Орду Московский князь не ездил, очевидно: учитывая частую смену в ней ханов и длительные смуты, царившие в ней. Об этом узнаём всё из того же послания Едигея: „Темир-Кутлуй сел на царстве, а ты улусу государь учинился и от тех мест у царя еси во Орде не бывал; царя еси во очи не видал, ни князей, ни старейших бояр, ни менших, ни иного еси никого не присылывал. И потом Шадибек осмь лет царствовал и у того еси такожь не бывал и никого еси ни с которым словом не посылывал. И Шадибеково царство такоже ся минуло и ныне царь Булат-Салтан сел на царство и уже третий год царствует. Такоже еси ни сам не бывал, ни сына, ни брата, ни старейшего боярина не присылывал. А над толикым великим улусом старейшей еси великий князь, а вся твоя дела недобры и не правы". Неуплата дани Василием 1 в Орду мотивировалась им по словам Едигея тем, что „ся улус истомил, а выхода взяти не на чем"[4]).

Авторитет Орды в глазах русских князей всё более падал. Так во время конфликта Ивана Михайловича Тверского с его братом Василием Михайловичем Кашинским этот последний в 1413 г. прибыл с татарами в Кашин, но Тверские заставы его к Кашину не пустили, и он снова должен был вернуться в Орду [5]).

Но и в это время, когда силы Орды были в значительной степени подорваны, её политика в отношении удельно-княжеской Руси была всё той же, как и раньше: „обуздывать одного русского князя при помощи другого, питать их раздоры, приводить их силы в равновесие и не позволять никому из них укрепляться"[6]).

Прекрасным комментарием к этим словам Маркса является „Повесть об Едигеевом нашествии", помещённая в Никон. летописи под 1408 г. Её автор высказывает много ценных мыслей об ордынской политике в отношении Руси нач. XV в. Эта политика была направлена на поддержание в русской земле феодального разъединения и нескончаемых столкновений князей друг с другом. Косвенно осуждая доверчивость Василия 1 по отношению к татарам, помощью которых он пользовался в своих столкновениях с Литвой, автор „Повести" проводит такую мысль: „Изначала Измаильтяне лукав мир имеют с Русскими князи, наипаче же к вел. князю Василию Дмитриевичу, лестно мирующе с ним". Вместе с тем он особенно подчёркивает коварство татар в отношении русских: „Никогда же бо Измаильтяне истину глаголют христианом". Подчеркивая злохитростную политику Орды, автор отмечает, что когда татар немного, они „лестно и злоковарно и мир и любовь сотворяют и яд свой тайно имеют, и мир глубок обещавают, и таковым пронырьством Русских князей друг с другом враждуют и от любве их отлучают и особную рать межи их составляют, и в той разности сами втайне подкрадают их, злии волцы христианом обретаются научением отца их сатаны"[7]).

Орда и при Едигее и после него разжигала рознь между русскими князьями, питала их усобицы и всячески старалась подорвать господствующее положение Московской великокняжеской линии. „Поддерживая местный сепаратизм,—говорит об Едигее А. Н. Насонов,—он отрывал местные княжества от Москвы и тем самым ослаблял ее волю и влияние. „Следуя по этому пути, Едигей старался сохранить самостоятельное по отношению к Москве положение княжеств Рязанского и Тверского, а также восстановить самостоятельность Нижегородского княжения"[8]). Выдвигая нижегородских князей в качестве соперников Василия 1, Едигей не прочь был и в других областных княжествах ослабить старшую великокняжескую линию. Так в 1404 г. Пронский удельный князь Иван Владимирович „пришед с татары безвестно", согнал с Рязанского стола великого князя Федора Ольговича, после чего объединил в своих руках Рязань и Пронск [9]). В Нижнем Новгороде Даниил и Иван Борисовичи посажены были Едигеем во время его похода на Москву в 1408 г. После Едигея Зелени-Салтан выдаёт ярлык Нижегородским

князьям на Нижний—Новгород, а Тверского князя вызывает в Орду, желая всячески обострить его отношения с Москвою. То же видим и при Улу-Мухамете, в царствование которого Даниилу Борисовичу удалось ещё раз выйти из Орды „великим князем" на Нижегородский стол.

Однако, центробежные силы всё более давали себя знать в Золотой Орде в связи с развитием в ней Феодальных отношений. Татарская знать превращалась в крупных землевладельцев и прочно обосновывалась в своих улусах, почти не считаясь с властью ханов. Зависимость русских князей от Орды становилась всё более номинальной. Дань всё чаще заменялась поминками или подарками, которые князья посылали ханам в Орду, и то не регулярно. Это ослабление Золотой Орды особенно усиливается с отделением от неё в 40-х гг. XV в. Казанского царства, а несколько позднее—Крымского.

Всё чаще и чаще в Орде происходят усобицы. В 1422 г. хан Барак захватил власть в Орде, разбив своего соперника Куйдадата. В 1432 г. на хана Улу-Мухамета „пошел Кичи-Ахмет царь", от которого он впоследствии должен был спасаться бегством [10]).

Прекрасным дополнением к этим сообщениям русских летописей об ордынских делах 20-х и 30-х г г. XV в. может служить письмо Литовского вел. князя Витовта к великому магистру Ливонского Ордена от 1 января 1425 г. „Татарское государство,—читаем мы в нём,—раздвоено и разделено, так что там теперь 6 государей, которые борятся за власть. Один из них Махмет находится при нас, а другие живут в разных местах, т. к. их земли велики и обширны" [11]).

С 1437 года в Золотой Орде захватил власть Кичи-Ахмет, изгнав из неё Улу-Мухамета. Для укрепления своего положения он в 1440 г. убил виднейшего ордынского князя Мансупа. [12]) Одновременно усиливается Синяя или Ногайская Орда, ханом в которой был Седи-Ахмет. Царевич Мазовша, напавший на Москву в 1451 г., был его сыном. В 1452 г. Седи-Ахмет, разбитый Язи-Гиреем Крымским, бежал из Ногайской Орды и искал спасения в Литве. В 1459 г. Седи-Ахметовы татары делали попытку нападения на Русь. [13]).

Поднять былое значение Золотой Орды и восстановить её расшатанную власть над русскими княжествами задумал сын Кичи-Ахмета-Ахмет, которого русские источники

называют Ахматом. Впервые Ахмет упоминается под 1460 г., когда он безуспешно подступал к Переяславлю Рязанскому. Это было в самом конце княжения Василия Темного, когда только что стихла феодальная война, чуть-ли не 30 лет подряд раздиравшая удельно-княжескую Русь. Но попытки Ахмета успеха не имели, и при нём с 1462 г. формально, а с 1480 г. фактически закончилась зависимость Руси от Орды, главной причиной чего была ликвидация на Руси феодальных „полугосударств" и окончательное формирование под властью московских великих князей единого национального русского государства.

2.

Обычно полагают, что походами Тохтамыша в 1382 г., Тамерлана в 1395 г. и Едигея в 1408 году ограничивались нападения татар на Русь после Куликовской битвы и что последним неудачным нападением Орды на Русь был поход Ахмата в 1480 г. Это представление в корне неправильно. Факты, почерпнутые из летописей, развертывают перед нами яркую картину бесконечных нападений различных татарских царевичей и мурз на русские княжества, особенно на окрайные—южные и юго-восточные.

По мере того, как орда распадалась на отдельные ханства и улусы, появлялось немало татарских феодалов разных рангов и наименований, которые часто „изгоном", т. е. неожиданно, врасплох, нападали на Русь, грабительски опустошая города и земли. В этом отношении XV век, особенно его первые 62 года, падающие на княжение Василия I и Василия II, полны бесконечных нападений и разорений со стороны татар, как ордынских, так и казанских. Из 62 лет 32 заполнены татарскими нападениями, а 30 были более или менее мирными. Это значит, что из каждых двух лет один год падает на военные столкновения удельно-княжеской Руси с татарами.

Если эти 32 года, в которые происходили нападения татар на Русь, распределить по двум следующим друг за другом княжениям—Василия Дмитриевича и Василия Васильевича, то получим такие интересные выводы: за время 1400—1425 гг., т. е. при Василии I имеем 12 лет [14]), отмеченных нападениями татар, а за последующие 37 лет—1425—1462, охватывающие княжение Василия II, таких годов, отмеченных нападениями на Русь татарских

отрядов, имеем уже 20 [15]). Следовательно, при Василии II было почти вдвое больше нападений татар на Русь, нем при Василии 1, что нельзя не поставить в прямую связь с длительной феодальной войной за годы его княжения, которая сильно подрывала обороноспособность страны. Широкие массы городского и сельского населения от этих татарских вторжений жестоко страдали, что не могло не создавать в конечном итоге громадного дружного порыва всех прогрессивных сил страны сплотиться и объединиться вокруг наиболее сильного феодала и поддержать его в борьбе как с феодальным сепаратизмом, так и с татарской агрессией.

Центральное место в татарских нападениях на Русь при Василии 1 занимает бесспорно поход Едигея на Москву в 1408 г. О нём мы находим в большинстве летописей, особенно в таких московских сводах, как Воскресен. и Соф. II летописи, обширные повести, иногда даже под отдельным заголовком: „Об Едигее или об Едигеевой рати" [16]). Этот поход направлен был в первую очередь против вел. кн. Василия Дмитриевича. Причём, приблизительно за месяц до прихода Едигея под Москву Василий 1 от одного прибывшего из Орды татарина получил извещение: „Князь велики Ордыньский Едигей хощет воевати землю твою" [17]). При приближении Едигея Василий 1 с семьёй выехал в Кострому, москвичи же, засев в Кремле, выжгли весь посад. Став в селе Коломенском 26/XI, Едигей 1/XII „распусти по всей земли вои", а для преследования Василия 1 отправлено было тридцатитысячное войско. Опустошению на этот раз подверглась великокняжеская область, т. е. центральные Окско—Волжские города. Взяты, разорены и выжжены были Переяславль, Юрьев, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верея, Нижний Новгород и Городец. Под Москвой Едигей первоначально предполагал зимовать, подвергнув её продолжительной осаде, но уже через месяц, в последних числах декабря, получив тревожные вести из Орды, он предпринял обратный поход, взяв с Москвы выкуп в 3000 рублей, „а людей множество в полон поведе" или, как сказано в Новгород. 1 летописи, „всех христиан секуще, акы траву" [18]).

Нашествие Едигея было колоссальным бедствием для русской земли: „Округняя места около Москвы вся поплени и пусто сотвори". К этому прибавились ещё громадные бедствия от лютой зимы. Не забудем, что Едигей стоял под Москвой как раз в разгар зимы, в декабре: „А иное многое множество христиан от зимы изомроша, бяше бо тогда зима тяжка и студена зело, и виалицы и ветри велици" [19]).

Отступление Едигеевой рати от Москвы современники рисуют в виде колоссального ограбления всей страны: „Отшедшим же татарам с множеством полона и всякого товара и всякого узорочиа наимавшеся, полона же толико множества ведяху, яко многы тысяци числом превосхождааше; жалостно же бя видяху и достойно слез многих, яко един татарин до четыредесять христиан ведяше, с нужею повязавши". Таким образом, вся тяжесть этого татарского погрома обрушилась на плечи широких масс городского и сельского населения, что ярко выступает из слов летописца, которыми он заитоживает свой полный драматизма рассказ об Едигеевом нашествии: „И бысть тогда во всей Русской земли всем христианом туга велика и плач неутешен и рыдание и кричание, вся бо земля пленена бысть, начжь от земля Рязанскиа и до Галича и до Белоозера вси бо подвизашася и вси смутишася, многи бо напасти и убытки всем человекам содеяшося и болшим и меншим и ближним и далним и не бысть такова, иже бы без убытка был, но вси в тузе и скорби мнозе и печалью обдержими" [20]).

Другим ярким эпизодом в истории татарских нападений на Русь при Василии 1 было разграбление Владимира в 1410 г., произведённое сравнительно небольшим татарским отрядом (в 150 человек) царевича Талыча. Этот татарский отряд приведён был на Владимир Даниилом Борисовичем, одним из тех нижегородских князей, которые вели длительную и упорную борьбу с Василием 1 из-за Нижнего Новгорода. Вместе с татарами в захвате и ограблении Владимира принимал участие и отряд этого Нижегородского князя, тоже в 150 человек, под начальством боярина Семена Карамышева. Следовательно, здесь татары привлечены были на Русь самими русскими князьями в связи с их феодальными усобицами. Опустошение Владимира царевичем Талычем и Семеном Карамышевым современники описывают так: „Они же изграбивша вся церкви и град весь и люди попленивше, иных изсекоша, огнем град запалища и многое множества богатства, злата и сребра вземща, отъидоша". При этом пленные

передавали, что татары ничего из одежды не грабили „но токмо златое и серебреное и от кузни многое бесчисленное поимаша множество, а денги мерками делиша межи собою“ [21]). Таким образом, через два года после нашествия Едигея, обрушившегося на территорию Московско-Владимирской великокняжеской области, разграблен был также один из центральных городов—Владимир.

Однако, проникновение татар за Оку в центральное междуречье было явлением довольно редким; их отряды обрушивались преимущественно на Заокские украйные места, входившие в состав Рязанского княжества. При этом почти всегда нападения были неожиданные, небольшими отрядами или, по летописной терминологии, „изгоном“. Так, в 1400 г. Олег Рязанский вместе с князьями Пронским, Муромским и Козельским в урочище Червлёный Яр, близ Хопра на Дону, побил множество татар и взял в плен царевича Мамат-Салтана и других ордынских князей [22]). В 1402 г. татары приходили на Рязанские окрайные места, „много зла сотворивше“. В 1405 г. татары „изгоном“ снова приходили на Рязань. В 1408 г., одновременно с походом Едигея на Москву, татары напали на Рязанское княжество и „побиша рать коломенскую“. В 1411 г. снова имело место нападение татар на Рязанское княжество, на этот раз на Елец и Подонские места, т. е. на более южную его часть [23]).

Одновременно подвергались нападению от татар пограничные с русскими княжествами Литовские владения. Так два года подряд татары нападали на Одоев: в 1423 г. под предводительством царя Барака и в 1424 г. во главе с царём Куйдадатом [24]).

В большинстве случаев все эти нападения встречали дружный отпор. Так, в 1405 г. за татарами, напавшими на Рязань, организована была погоня вел. кн. Рязанским Федором Ольговичем, которая настигла татарский отряд: „Они шедше татар биша и полон отъяша и многих татар поимаша и возвратишася на Рязань со многою радостью“. В 1411 г. за татарами также была организована рязанцами погоня, причём „они их биша и полон отняша“. Но в 1415 г. татары взяли Елец, убит был елецкий князь, одни из ельчан захвачены были татарами, а другие убежали в Рязань [25]). Оба нападения татар на Одоев были удачно отбиты. В 1423 г. Бараку Одоева взять не удалось, и хотя он и отступил в „поле“ с большим полоном,

но князь Юрий Романович Одоевский и Мценский воевода Григорий Протасьев настигли его и „много полону отняша“. В 1424 г. при нападении Куйдадата вел. князь Витовт просил в Москве „помочь на царя“. Однако, хотя „московская сила не поспела“, Куйдадату нанесено было под Одоевом Литовскими полками огромное поражение: „силу его пресекли, а сам царь убежал, а царици поймали“. Одну послали в Литву к Витовту, а другую в Москву к Василию [26]).

3.

Переходя к татарским вторжениям в русские княжества при Василии II, не следует забывать, что в это время уже происходит распад Золотой Орды и выделение из неё Казанского царства. Поэтому феодальной Руси 20-х—50-х гг. XVв. приходилось иметь дело не столько с нападением ордынских царей, сколько с набегами казанских татар, отряды которых возглавлялись то самим казанским царём, то различными царевичами из ближайшей его родни.

Как и в первой четверти XV в., главные удары татарских вторжений обрушивались на пограничные со степью, в первую очередь, Рязанские места. Также подвергались нападению лежавшие по соседству с Русью Литовские города. Однако, пользуясь длительной феодальной войной в удельно-княжеской Руси, татары при Василии Темном проникали до самой Москвы и даже далеко на северо-восток за Волгу в такие места как Лух и Галич. Центральным событием всех этих татарских вторжений на Русь при Василии II было его поражение под Суздалем в 1445 г. и захват его в плен Улу-Мухаметом.

Однако, понять самый факт нападения на Русь Улу-Мухамета в 1445 г. можно лишь помня, что он был первым казанским царём и что с 30-х г г. XV в., фактически бок о бок с русскими княжествами, возникло новое Казанское ханство.

Появление Улу-Мухамета у русских границ относится к 1436 г., когда он прибежал „в мале дружине своей“, будучи изгнан из Орды „от великого Едигея старого, Заяицкого князя“. Таким образом, Улу-Мухамет, как ордынский царь, был в сущности низложен, „царства свое-

го лишен" и даже едва избежал смерти „и мало от него (Едигея—В. Б.) смерти не прия". Скитаясь всюду „яко хищник и разбойник", Улу-Мухамет приблизился к русским пределам. К Василию II, который в своё время получил великокняжеский ярлык от него, как от ордынского хана, он отправил с смиренным молением „не рабом, но господином и любимым братом себе имянуя его". Он просил Василия II дать ему возможность „мало время починути от труду своего и собратися з градными своими многими вои и возвратитися вскоре на врага своего на Заяицкого князя Едигея". Василий II „приял его с честою", как „царя и господина своего", почтил его дарами и „друголюбие с ним великое сотвори". Такое отношение Василия II к Улу-Мухамету объясняется не только тем, что он именно им был утверждён на великокняжеском столе, но также и тем, что этот ордынский хан к нему весьма благоволил: „10 лет царства своего не взимаша дани с него и оброков". Улу-Мухамет и Василий II заключили между собой соглашение—„обещание и клятву взяша": не обижать друг друга, пока царь не отступит от русской земли. „При этом для кочевья Улу-Мухамету были предоставлены Василием II „Белские места", т. е. местность поблизости от города Белева. Улу-Мухамет начал там собирать воинов для борьбы с Едигеем, но Василий II стал опасаться, как бы он не напал на русские княжества, тем более, что лица, окружавшие Василия, усиливали в нём подозрения относительно Улу-Мухамета. Василий трижды посылал к нему с требованием: „Да скоро отоидет от земля его, не браняся". Но Улу-Мухамет со своей стороны просил Василия: „мало ми время помедли, яко вборзе имам пойти от земля твоея, никоего же зла тебе никако сотворих". Он даже готов был и на будущее время гарантировать Василию II своё расположение к нему: „Егда мя бог устроит и паки сести на царствии моем, рад есмь с тобою имети дружбу верну и любовь сердечню и незабытну". По уверению Улу-Мухамета дружелюбным отнсшением к русской земле должны быть проникнуты и все преемники его на Ордынском столе: „И еще же сыновом моим прикажю по себе служити тебе и норовите тебе и детем твоим, и русское писание тебе дам на себя и на сынове своя и на внуцы, за печатми златыми, дани и оброков у тебя не имати, ни земля твоя воевати, не

ходити, ни посылати" [27]). Всё это Улу-Мухамет говорил, засев довольно прочно в Белеве.

Однако, Василий II, не доверяя заверениям Улу-Мухамета, отправил против него большое сорокатысячное войско под главным начальством своих двоюродных братьев—Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного. В состав этого войска входили кроме московских полков также довольно значительные отряды князей Тверского и Рязанского. Всё это происходило в ноябре 1437 г., причём русское войско, идя против татар, вело себя в своих же русских землях ничуть не лучше, чем татары: „Идущим же им к Белеву, говорит летописец,—все пограбиша у своего же православного христианства и мучяху людей из добытка и животину бююще назад себе отсылаху и неподобнаа и сквернаа деяху".

Улу-Мухамет имел в Белеве не более 3000 человек. При первом столкновении русские одержали над татарами победу, но на следующий день, 5/XII—1437 г., они, очевидно застигнутые татарами врасплох, понесли под Белевом громадное поражение. Это имело место как раз в тот самый мемент, когда уполномоченные обеих сторон вели между собою переговоры и когда Улу-Мухамет через своих послов, говоря русским князьям, чтобы они не шли на него до утра, т. к. он хочет „прочь отступити", заверял их: „Дасть ми бог буду на царстве, и доколе буду жив, дотоле ми земли русские стеречи, а по выходы ми не посылати, ни по иное почто". Это поражение под Белевом произвело на современников громадное впечатление, тем более, что „худое малое оное безбожных воинство бесчисленное христиан воинство съодоле и изби, яко единому Агарину десяти наших и выше того одолети". Погибли в этом бою преимущественно рядовые воины, хотя пало не мало и воевод, „князи же болшии убегоша здрави". Одно из современных сказаний в таких весьма ярких выражениях подводит итоги этому разгрому русской армии под Белевом: „И осташася токмо на том побоище, от 40 тысяч воя, братя великого князя, пять воевод с ними, с немногими воины, бегающе по дебрям и по стремнинам и по лесу. И мало живых не яша и самех воевод; избави Господь от сего". Это поражение летописцы объясняют возмездием за то разорение, какому подвергали русские полки население тех мест,

по которым они проходили „яко неправедне бо ходящим нашим и свое христианство преже губящим“ [28]).

Приближение Улу-Мухамета к русским границам могло вызывать среди русских князей тем большую тревогу, что почти все первые 13 лет княжения Василия II заполнены вторжениями различных татарских отрядов, главным образом в пограничные южные княжества. Так в 1426, 1437 и 1438 гг. татары приходили, по летописной терминологии, на Рязань, т. е. в пределы Рязанского княжества. Правда, нападениям подвергалась, главным образом, Украина или, как сказано в одной из летописей, „украйные села поимаша“. Но все эти нападения татар сопровождались большим разорением. То и дело летопись отмечает о татарах: „возвратишася с полоном в „поле“, или „много зла учиниша“. Далеко не всегда население успевало дать татарам отпор. Так, ни в 1437, ни в 1438 г г. татары не подвергались преследованию со стороны рязанцев. Только при первом нападении в 1426 г. за ними организована была погоня: „Рязанцы же в погоню идоша за ними и постигоша их, биша и полон отъяша“ [29]).

В 1430 г. ордынский князь Айдар напал на Мценск. Правда, в то время это был литовский город, но лежал он почти у самой русской границы. При этом вероломно был захвачен мценский воевода Григорий Протасьев, но хан Махмет приказал отпустить Протасьева на Русь и даже, как отмечает летопись, „почтил его дарами“ [30]).

В 1429 г. татары произвели нападение на Галич, Кострому, Плес и Лух. Пришли они, по словам летописи, „безвестно“, т. е. вполне неожиданно и притом среди зимы в декабре—январе. Взять Галич татарам не удалось, хотя они под ним простояли месяц, но Галицкие волости они повоевали; Кострому же, напав на нее „изгоном“, им удалось попленить. Так как это уже было нападение на великокняжескую Московскую область, то преследование татар организовано было Василием II. Он послал вслед за быстро отступающими по Волге татарами своих дядей Андрея и Константина Дмитриевичей, а также свои полки под начальством боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского. В этом походе среди воевод мы видим князя Федора Константиновича Добрынского и князя Федора Стародубского Пестрого. Преследование продолжалось до самого Нижнего Новгорода. Правда, полным

успехом оно не увенчалось, т. к. татары отступили весьма быстро, но все же их арьергард довольно сильно пострадал, и почти весь захваченный татарами полон был отбит [31]). Всё это говорит о том, что и у Василия II и у других русских князей было основание не доверять Улу-Мухамету, когда он засел в Белеве, и попытаться отбросить его от русских границ

Однако, неудача под Белевом поставила удельно-княжескую Русь лицом к лицу с Улу-Мухаметом, который в ближайшие 8 лет после своей Белевской победы всё время вторгался в пределы русской земли. „История о Казанском царстве“ так характеризует позицию, занятую Улу- Мухаметом в отношении русских княжеств в 30-х—40-х г г. XVв.: „И тот царь Улу-Мухамет велию воздвиже брань и метежи в русской земле паче всех первых царей Казанских... многие грады руския оступи и всяко им озлобление тяжко наведе“. [32]).

Первое нападение Улу-Мухамета на Русь было летом 1439 г., когда он 3/VII „изгоном“ или безвестно пришёл к Москве и стоял под ней по одним летописям неделю, по другим 10 дней. Самый город Москву, т. е. Кремль, ему взять не удалось, но все московские посады он сжёг: сёла и волости все „извоевал“ до самого Тверского рубежа, а „хрестьянского люда иссече и в плен сведе, зла много учини земли русской“. Василий II, не имея достаточно сил для отпора татарам, ушёл за Волгу, а в Москве оставлен был воеводой князь Юрий Патрикеевич, который и засел в Кремле со многими сотнями людей, укрывшихся там от татар. На обратном пути Улу-Мухамет выжег Коломну „множество людей пленил и иссекл“ [33]).

После своей победы под Белевом Улу-Мухамет, „обогатися велми и повоева и поплени русские пределы и наполнився всякого добра русского до избытка своего“, направился к Волге и захватил пустой город Казань, бывший Саинов юрт. Местное население, главным образом, черемисское и болгарское „ради ему быша“ и умоляло его „быти ему заступнику бедом их и помощника от насилия воевания руского“. Поблизости от старой Казани Улу-Мухамет построил новый деревянный город. Так положено было основание новой Казанской Орде. Процарствовал в Казани Улу-Мухамет 7 лет и вместе со своим младшим сыном Юсуфом был зарезан своим стар-

30180.
БИБЛИОТЕКА
№
ИСТОРИИ

шим сыном Мамутеком [34]). Об этом последнем автор „Истории о Казанском царстве“ говорит: „Сей бысть отца своего злее на хрестьяны, воевати Руская земля“ [35]). Так к 40 г. г. XV в. на средней Волге бок о бок с юго-восточным рубежом слагавшегося русского государства возникает новый оплот татарской власти, в значительной степени более сильный, чем ослабевшая к тому времени Золотая Орда. В этом Казанском царстве возрождалась Золотая Орда, что прямо отмечают современники, говоря: „От злого древа, реку же от Золотыя Орды, злая ветвь произыде, Казань, горки плод изнесе“ 36).

4.

Однако, не надо думать, что с основанием Казанского царства прекратились нападения на Русь со стороны Орды. На самом деле вторжение татар в пределы русских княжеств к средине XV в. всё усиливаются, направляясь теперь из двух центров: с одной стороны из Орды, а с другой, из Казани. Так, на протяжении трех лет с 1442 по 1444 г г. можно констатировать три нападения татар: два из них были на Рязанское княжество и одно на Муром. При этом на Рязань и в 1442 и в 1443 г г. приходили татары из „Большой Орды“, на Муром же в 1443 г. напал царь Махметь, т. е. Улу-Мухамет Казанский.

Одно из этих нападений на „Рязанские украйны“ в 1442 г. было для татар удачно: они „много зла сотвориша и отъидоша с полоном“, но зато другие два сопровождались для них поражением. Так, в 1443 г. царевич Мустафа пришёл на Рязань со „множеством татар ратью“. Сперва он повоевал Рязанские волости и даже обосновался близ Рязани в укреплённом городке, но затем был разбит наголову соединёнными силами рязанцев и присланного из Москвы великокняжеского войска, причём как сам Мустафа, так и многие татарские князья были убиты в бою [37]) В 1444 г., во время нападения Улу-Мухамета на Муром, там был сам Василий II. Татары пришли в разгар зимы. Им дан был отпор, хотя и в очень трудных условиях: „татар, по словам летописи, — били по селом... и на боях руки знобили“ [38]).

Таким образом, начиная с 1442 г., великокняжеская власть в лице Василия II принимает деятельное участие в обороне русской земли от татар, нанося им удары и

под Рязанью и под Муромом. В бою с царевичем Мустафой участвует великокняжеский „двор“, т. е. личное войско Василия II, в Муроме же даёт отпор Улу-Мухамету сам Василий II. Очевидно опасность от татар в этот момент была весьма велика. Степень этой опасности возрастала от того, что Улу-Мухамету из Казани удалось продвинуться вверх по Волге и обосноваться в Нижнем Новгороде [39]), правда, не в самой укреплённой его части, так называемом Новом городе, а где-то по соседству с ним — в Старом городе. Отсюда, из этой вновь захваченной татарами опорной точки уже на принадлежавшей Москве территории, и направляет Улу-Мухамет свои удары на прилегающие к Нижнему Новгороду города и места.

Приближался 1445 г., момент наивысших успехов Казанской татарской орды над самим Василием II. В сентябре 1444 г. татары приходили на рязанские украины. Осенью того же года они „воевали“ мордву. Если в отношении татар, напавших на мордву, можно определённо предполагать, что они были из Казани, то рязанскую украину опустошали, надо думать, татары ордынские. Но зимой в начале 1445 г. на Муром напал уже сам Улу-Мухамет. Против него и на этот раз выступил Василий II, „царь же возвратился бегом в Новгород Старой“ [40]).

Этот зимний поход против Улу-Мухамета был предпринят всеми московскими князьями сообща. Кроме Василия II в нём участвовали: Дмитрий Шемяка, Иван Можайский, Михаил Верейский и Василий Боровский. Со всеми этими князьями, а также с боярами и воеводами, т. е. с весьма значительной ратью Василий II прибыл во Владимир. Отсюда после 6/I 1445 г. он двинулся на Улу-Мухамета к Мурому. Условия этого зимнего похода были весьма трудные: „много христиан от мраза изомроша“. Татары под Муромом „иных избиша, а землю пусту сотвориша“. Победа московских полков была полной и Улу-Мухамет, понеся большие потери, бежал в Нижний. Кроме Мурома столкновения с татарами были под Гороховцом, часть их ходила воевать лух [41]). Через Суздаль и Владимир Василий II со всей своей ратью вернулся в в Москву.

Летом 1445 г. сыновья Улу-Мухамета вторглись снова в великокняжескую область, имея опорным пунктом по-прежнему Нижний Новгород. Во время этого вторже-

ния под Суздалем 7 июля был взят в плен Василий II, после чего татары покинули Нижний Новгород и ушли, по одним указаниям, в Курмыш на Суру, а по другим — прямо в Казань. Василий II в том же году осенью был татарами освобождён за большой выкуп.

В дальнейшем нападения татар на Русь при Василии II совпадают как раз с обострением феодальной войны, с моментом наиболее напряжённой борьбы между ним и Дмитрием Шемякой. Так весной 1446 г., на самую пасху, когда великокняжеский стол захватил в Москве Дмитрий Шемяк, а ослеплённый Василий II томился в Углицком заточении, Казанские татары приходили на Устюг, стояли под ним три месяца и подожгли город. Хотя устюжане и отогнали татар, но вынуждены были откупиться от них громадной по тому времени суммой в 11 тыс. рублей, выплаченной отчасти деньгами, отчасти „рухлядью", т. е. по всему вероятию, мехами [42]).

И после торжества Василия II над Дмитрием Шемякой в 1447 г. татарские нападения на территорию Московского великого княжества не прекращаются. В 1448 г. царь Казанский Мамутек посылал князей своих со многою силою „воевать" Владимир, Муром и другие города. Узнав об этом Василий II выслал против татар свои полки. В следующем 1449 г. имело место нападение уже не из Казанского царства, а из Большой Орды. Какие-то „скорые" татары Седи-Ахматовой Орды „догоняли" до Пахры. Взята была „в полон" жена князя Василия Оболенского, а христианам, по словам летописи, эти татары учинили много зла: „секли и в полон вели". Нападение татар из той же Большой Орды предпринято было и в 1450 г. По крайней мере, к вел. князю Василию Васильевичу во время его пребывания в Коломне пришла весть о том, что с „поля" идёт Марым Бердей Улан и с ним другие князья с многими татарами. Великий князь выслал против них царевича Касима с татарами и воеводу своего К. А. Беззубцева с коломничанами. Посланные настигли татар на реке Битюге в поле, многих побили, другие убежали [43]).

Но в 1451 г. русским полкам не удалось предотвратить татарского вторжения в пределы Московской великокняжеской территории. Царевич Мазовша, по одним версиям из Седи-Ахматовой, а по другим, из Казанской Орды, „изгоном" подступил к Москве, не встретив отпора с

русской стороны. Посады вокруг Москвы были сожжены, от дыма чуть не задохлись все, кто сидел в осаде в Московском Кремле. Татарами награблено было много всякого имущества. Но напуганные известием, что на них идёт большая великокняжеская рать, татары быстро отступили из-под Москвы, побросав все тяжёлые громоздкие вещи [44]).

С окончанием феодальной войны в 1553 г. великокняжеская власть значительно окрепла, что не могло не сказаться на обороноспособности русской земли. Татарам уже не удавалось проникать на Московско-Владимирскую территорию и им успешно давали отпор на подступах к Оке. Так, в 1455 и в 1459 гг. нападения на Русь предпринимались из Седи-Ахматовой Орды. В первом случае все те же „скорые" татары подошли к Оке, переправились через неё ниже Коломны и вступили в бой с русскими полками под начальством Ивана Юрьевича Патрикеева, но потерпели поражение. Через четыре года татарам удалось лишь подойти к Оке. Здесь они были встречены довольно значительными военными силами под начальством молодого вел. Князя Ивана Васильевича, которые высланы были „на берег" Василием II. За Оку, татар не пропустили. Наконец, в 1460 г. подступал к Переяславлю Рязанскому хан Ахмат, сменивший в Большой Орде своего отца Кичи-Ахмата. Хотя он побил много людей, но города взять не мог и повернул обратно в степь [45]). Очевидно и здесь татарам пришлось иметь дело с московскими полками, т. к. с 1456 г. Рязанское княжество, хотя юридически самостоятельное, фактически находилось в зависимости от Василия II.

Так, к исходу княжения Василия II феодальная Русь становилась заметно сильнее Орды. Москва явно превращалась в военно-политическое средоточие всех русских земель, а Орда, распавшаяся на ряд самостоятельных ханств, не способна была нанести поражение русским полкам, где бы татарам ни приходилось с ними сталкиваться.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Маркс и Энгельс, соч., XVI; ч. 1, стр. 450.
СТАЛИН, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1939, стр. 97.
2. ПСРЛ, VI, 124; V; 246; XI; 157.
3. Воскресенская летопись дает такой перечень ханов Золотой Орды после низложения Тохтамыша в 1395 г.: Темир-Аксак, Темир-Кутлуй, Алибек, Булат-Салтан, Зеди-Салтан (ПСРЛ, VII, 241).

4. ПСРЛ, XI, 209, 210.
5. ПСРЛ, XI, 220.
6. К. МАРКС, Секретная дипломатия.
7. ПСРЛ, XI, 205, 206.
8. А. Н. НАСОНОВ «Монголы и Русь», стр. 140—141.
9. ПСРЛ, XI, 203.
10. ПСРЛ, XVIII, 167, 172.
11. А. БАРБАШЕВ, Витовт последние 20 лет княжения, СПБ, 1891, стр. 190.
12. То, что происходило в Орде в 1440 г., очень выразительно передано в Никоновской летописи: «Тое же осени царь Махмет Болшиа Орды убил большего своего князя Мансупа и много татар тогда избиено бысть в Орде; не точию же тамо, но и в иных ордах мятеж бысть и размирие много и межиусобныя брани и рати» (ПСРЛ, XII, 30).
13. КАРМАЗИН, ИГР, т. V, прим. стр. 150—160, 196, 199, 214; 370. Изд. 5.
14. Это были годы: 1400, 1402, 1404, 1405, 1408, 1409, 1410, 1411, 1415, 1416, 1423 и 1424.
15. Это были годы: 1426, 1429, 1430, 1431, 1437, 1438, 1439, 1442, 1443, 1444, 1445, 1446, 1447, 1449, 1450, 1451, 1454 1456, 1459; 1460.
16. ПСРЛ, VIII, 82; VI, 136.
17. ПСРЛ, XI, 205.
18. ПСРЛ, VIII, 84 III, 103.
19. ПСРЛ, XI, 209, 208.
20. ПСРЛ, VIII, 84, 85; 1, 234; IV, 110; VI, 136; XVI, 157. Об Едигеевом полоне говорят документы 30-х г. г. XV в. Так в договоре Ив. Фед. Рязанского с вел. кн. Юрием Дмитр. Галицким 1433 г. читаем: «А что будет в моей отчизне Едигеева полону коли был Едигей у Москвы и кто будет того твоего полону запроважан и запридан в моей отчизне и который будет слободен тех ли отпустити» (С. Г. Г. и Д, 1, № 48).
21. ПСРЛ, VIII, 85, 86- III, 104; IV, 112; XI, XI, 216; XVI, 159 «Кузня» кованные и литые вещи из золота и серебра.
22. ПСРЛ, XI, 184.
23. ПСРЛ, XI, 283, 191; IV, 110; XI, 215, 225; VI; 40.
24. ПСРЛ, VIII, 91, 92; XI, 238; V, 262; VI, 262; XI, 239.
25. ПСРЛ, XI, 191; 215, 225.
26. ПСРЛ, XI, 238, V, 262.
27. ПСРЛ, XIX, 14—16.
28. ПСРЛ, XIX, 14, 19; VIII, 107; XII, 24, 25; V, 267.
29. ПСРЛ, XII, 6, 7, 26.
30. ПСРЛ, XII, 9.
31. ПСРЛ, VIII, 94; XII, 8; V, 263; VI, 143.
32. ПСРЛ, XIX, 20.
33. ПСРЛ, VIII, 107; XV, 491; XII, 30; V, 267; VI, 169.
34. Воскресенская летопись относит окончательное обоснование Мамутека в Казани к 6954 (1446) г. «Тое же осени царь Мамутек Улу-Мухамета сын, взял город Казань, Казанского князя Либея убил, а сам сел в Казани царствовати». (ПСРЛ, VIII, 114).
35. ПСРЛ, XIX, 20, 21.

36. ПСРЛ, XIX, 20.
37. ПСРЛ, XII, 42; VIII, III; V, 269; VI, 170.
38. ПСРЛ, XII, 61, 62.
39. По Никоновской летописи Улу-Мухамет захватил Нижний Новгород после битвы под Белевом, засел там «и тако зла от него много бываша» (ПСРЛ, XII, 63, 64).
40. ПСРЛ, XII, 62, 63. Выступление Василия II против Улу-Мухамета зимой 1445 г. Новгород. IV описывает так: «много крестьян от мраза измре, а иных татарове избиша, а землю пусту створиша», но итог этого столкновения неожиданно оказывается благоприятным для русских. «И пособи Бог великому князю Василию, и побегоша татарове, а инии побьени быша» (ПСРЛ, IV, 123).
41. ПСРЛ, XII, 63, 64.
42. А. А. ТИТОВ «Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку» М. 1903, стр. 2—3.
43. ПСРЛ, XII 73, 75—76:
44. ПСРЛ, XII, 76, 77. Митр. Иона в своём послании к Тверскому епископу Илии так подводит итоги этому опустошительному татарскому вторжению: «учинилось нашему православному христьянству от безбожного царя Казанского коликим святым божием церквам разорения и запустения и колико христьянския крови пролилося а иные много православного нашего християнства в бесерменство и полон пошло». Митрополит в связи с этим разореньем обращался в Тверь за помощью, убеждая Тверского вел. кн. Бориса Александровича прислать вспомогательное войско Василию II, который готовился к походу на Казань «со всею своею братьею и со всеми своими людми». Митрополит апеллировал к соображениям о национальном единстве всей русской земли: «и то обеих тех великих государей и всего нашего православного христианства общее добро» (А. И. 1, № 51).
45. ПСРЛ, XII, 109, 112—113.

И. И. Смирнов.

ВОССТАНИЕ БОЛОТНИКОВА И НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ.

Среднее Поволжье являлось одним из активных районов восстания Болотникова.

Приволжский район восстания охватывал (считая лишь уезды, о которых имеются прямые данные источников) Муромский, Арзамасский, Курмышский, Ядринский, Чебоксарский, Алатырский, Свияжский и частично Нижегородский уезды. [1]) Таким образом, он включал в себя значительную часть территории Среднего Поволжья. Характерной особенностью Приволжского района восстания являлась многонациональность состава его населения. Наряду с русским населением, большой удельный вес в нём имели черемисы-марийцы, мордва, чуваши, татары. Второй существенной чертой означенного района являлась интенсивность русской помещичьей и крестьянской колонизации [2]).

Эти черты Приволжского района придавали особый характер борьбе, развернувшейся в этих местах. Существенным моментом в этой борьбе было сочетание и переплетение борьбы социальной против феодального гнёта,—с борьбой национально-освободительной—против гнёта национального.

1) А. А. Э., т. II, №№ 60 и 61, С. Г. Г. и Д., т. II, № 151; „Костромская старина". Сборник, издаваемый Костромской учёной архивной комиссией, в. III, отд. I. № 2, стр. 4-11; Памятники истории Нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611-1612 гг. Действия Нижегородской учёной архивной комиссии, Сборник т. XI, стр. 3—4; А. Попов, Изборник, стр. 333—334. П.С.Р.Л., т. XIV, стр. 7; Белокуров. Разрядные записи за смутное время, стр. 44. (в дальнейших цитатах: Белокуров).

2) Вне этой характеристики следует оставить лишь Муромский уезд, который по социально-экономическому облику следовало-бы отнести к Подмосковному району, но который по ходу событий был связан именно с Приволжским районом.

Последнее обстоятельство следует особенно подчеркнуть, так как национально-освободительная борьба народов Поволжья имела свои, особые корни, хотя и крывшиеся, подобно борьбе русского крестьянства, в общем крепостническом характере русского государства. Проявления этой борьбы имели место задолго до восстания Болотникова—на протяжении всей второй половины XVI в., после завоевания Казанского ханства. Эта борьба продолжается и временами приобретает ещё больший размах и после поражения восстания Болотникова. Поэтому детальное исследование этой борьбы должно явиться предметом специального исследования. Но, подобно тому, как в более поздних крестьянских движениях—в восстаниях Разина и Пугачёва—борьба угнетённых народов России составляла существенный момент,—подобно этому и в восстании Болотникова существенным моментом являлась борьба народов Поволжья, которая и должна быть рассмотрена в связи с этим восстанием.

Социально-экономический облик Приволжского района лучше всего можно представить себе по материалам, относящимся к Арзамасскому уезду.

По подсчётам А. В. Эмаусского, развитие служилого землевладения в Арзамасском уезде в конце XVI и начале XVII в. характеризуется следующими цифрами: общее количество земли (поместной и вотчинной), принадлежавшей служилым людям Арзамасского уезда в 1585 г., составляло 54. 540 чети в поле, сена—90.073 копен. В 1621-1623 г. количество земли, которой владели служилые люду Арзамасского уезда возросло до 75.587 $^1/_2$ чети в поле, сена до 139.533 копен.

Еще более показательна динамика роста жилых дворов в поместьях и вотчинах Арзамасского уезда.

В 1585 г. насчитывалось 2270 крестьянских дворов и 223 бобыльских двора. В 1621—1623 г. было уже 4847 крестьянских дворов и 2630 бобыльских дворов.

Таким образом, за период 1585-1621-1623 гг. количество земли, принадлежавшей служилым людям, в Арзамас-

ском уезде увеличилось на 40%, количество же крестьянских бобыльских дворов — на 200% [1]).

Приведённые данные с исключительной наглядностью рисуют процесс развития помещичьего землевладения в Арзамасском уезде. Вместе с тем они не менее ярко характеризуют и процесс крестьянской колонизации земель Арзамасского уезда.

В этом процессе колонизации Арзамасского уезда наше внимание должны привлечь два момента: 1) За счёт каких земель росло помещичье землевладение в Арзамском уезде? 2) Откуда черпали Арзамасские помещики крестьян и бобылей для своих земель?

Что касается первого из поставленных вопросов, то главным источником помещичьего землевладения были, по справедливому замечанию А. В. Эмаусского, „мордовские земли, леса и прочие угодья" [2]). Если взять такой документ, как отдельные и межевые книги, определяющие границы поместных владений, то почти в каждой выписи из этих книг можно встретить в той или иной форме указание на мордовские земли [3]).

По подсчётам А. В. Эмаусского, по данным Арзамасских поместных актов, охватывающих период 1578-1618 гг., селения Арзамасского уезда распределялись по видам владения следующим образом:

Поместные	195 (70,9%).
Дворцовые	20 (7,2%).
Вотчинные	5 (1,9%).
Монастырские	6 (2,2%).
Нерусские	49 (7,8%).
Всего	275 (100%). [4])

Таким образом, к концу XVI—началу XVII в. нерусские (т. е. в подавляющем большинстве мордовские и незначительное количество татарских) селения ещё составляли около одной пятой общего количества населённых

[1]) А. В. Эмаусский, из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI—XVII вв. Труды Кировского научно-исследовательского института краеведения, т. VII, в. 3. Киров, 1934, стр. 9—10.

[2]) А. В. Эмаусский, Цит. соч., стр. 8.

[3]) Арзамасские поместные акты, под ред. С. Б. Веселовского, 1915, стр. 3, 11, 19, 34, 42, 56, 66, 77, 88, 91, 102, 106, 107, 108, 109, 125, 127, 138, 175, 179, 180, и т. д.

[4]) А. В. Эмаусский, Цит. соч., стр. 8.

пунктов. В то же время рост поместного землевладения имел своим результатом основание на бывших мордовских землях, розданных в поместье, русских поселений. Одной из отличительных черт поместного землевладения Арзамасского уезда являлось то, что массовое испомещение в Арзамасском уезде падает именно на конец XVI—начало XVII в. Всё это особенно обостряло и осложняло обстановку внутри уезда.

Какой остроты достиг земельный вопрос в Арзамасском уезде к началу XVII в., можно проиллюстрировать одним примером из материалов тех же Арзамасских поместных актов. В сентябре 1601 г., по царской грамоте, в ответ на челобитье Игумена Арзамасского Преображенского Спасского монастыря, арзамасский губной староста „дозривал и сыскивал Долгие поляны, што на Собакинском лесу, и про нее сыскивал што на ней пашенные земли и сенных покосов по смете, и хто ею владеет, и почему хто владеет, по даче или самовольством, и изстари та поляна бывала поместная ли, или вотчинная, или мордовская".

Обыск установил, что пашнями, дубравами и сенными покосами Долгой поляны владели „мордва да бортники деревни Пастьяновы". Владельцы Долгой поляны заявили, что „дали деи им ту поляну писцы Игнатей Зубов с товарыщи; и выпись деи у них на ту поляну есть". Однако „выписи перед губново старосту... не положили, а сказали, што выпись у них на ту поляну в Арзамасе в судной избе".

Цель и смысл всего этого обыска были совершенно очевидны. Отсутствие у мордвы д. Пастьяновой письменных документов, оформлявших их права на владение Долгой поляной, являлось достаточным формальным предлогом для отобрания у мордвы их земель и передачи Долгой поляны монастырю.

Это великолепно понимали и сами владельцы Долгой поляны, как об этом можно заключить из одного инцидента, имевшего место во время дозора, и занесённого поэтому в дозорные книги. Инцидент этот заключался в следующем: „мордвин же деревни Пастьяновы Васька Кичамасов сказал, што у них х той г Долгой поляне приписаны 3 поляны, да хотел имена полянам высказати, и товарищи его, деревни Пастьяновы мордва и бортники Арзюш Кирдюшов да Замора с товарыщи, высказати

про иные поляны мордвину Ваське не дали, а его Ваську хотели убити". [1])

Таким образом, отчаявшись удержать в своих руках Долгую поляну, мордовские крестьяне и бортники пытались спасти хотя бы те земли, которые ещё не были обнаружены царской администрацией.

Заявление же Васьки Кичмасова означало крушение этого плана мордовских крестьян.

То, что Васька Кичмасов едва не поплатился головой за своё предательство, показывает, насколько была накалена атмосфера в мордовской деревне накануне восстания Болотникова, равно как показывает и то, что корни борьбы, развёртывавшейся в Арзамасском уезде, лежали в области земельных отношений, в сфере борьбы за землю.

Вопрос о происхожденци арзамасского крестьянства освещён в источниках гораздо слабее, чем вопрос о землевладении.

Приведённые выше данные о росте количества крестьянских и бобыльских дворов в Арзамасском уезде с бесспорностью показывают, что такие темпы роста предполагали обязательный приток крестьянства в Арзамасский уезд извне, из других районов Русского государства.

Этот приток крестьянства в Арзамасский уезд осуществлялся, как можно думать, прежде всего за счёт беглого крестьянства. В этом отношении исключительный интерес представляют материалы о беглых крестьянах из вотчин Троицкого Сергиева монастыря. По подсчётам А. Г. Манькова, из 164 крестьян, бежавших в 1605-1612 г. из Нижегородских владений Троицкого Сергиева монастыря, 89 человек (или 54 проц.) бежало „За черту Оки", в Арзамасский, Курмышский, Алатырский, Ядринский уезды. [2]) А. Г. Маньков отмечает и другой момент, характеризующий бегство крестьян: значительная часть беглых крестьян оседала на землях помещиков и других землевладельцев, создавая таким образом новые группы крепостных крестьян в тех районах, куда крестьяне бежали от старых владельцев. [3]) Материалы

1) Арзамасские поместные акты, № 154.
2) А. Т. Маньков. Побеги крестьян в вотчинах Троице—Сергиева монастыря, в первой четверти XVII в. Учёные записки ЛГУ, № 80, 1941 (серия исторических наук, вып. 10), стр. 54.
3) А. Г. Маньков. Цит. соч., стр. 57-58.

Арзамасских поместных актов дают возможность очень рельефно выделить в составе крестьянства уезда эти новые элементы. По наблюдению А. В. Эмаусского, в Арзамасском уезде почти в каждой деревне можно встретить (при перечислении в акте крестьянских дворов) „новоприходцев" или просто „приходцев", которые живут здесь наравне со „старожильцами". [1])

Такой состав арзамасского крестьянства делал его особенно восприимчивым ко всяким проявлениям борьбы против феодальных землевладельцев. В Арзамасских поместных актах зарегистрирован целый ряд случаев бегства крестьян от своих помещиков „в межусобное время". [2])

Но в составе крестьянского населения Арзамасского уезда имелась и группа крестьян, свободных от власти помещиков. Наличие такой группы крестьянства объясняется тем, что известной части крестьянства, бежавшего в Арзамасский уезд, удавалось, хотя бы на время, сохранить добытую бегством свободу и осесть на землю в качестве свободного крестьянина. Однако, эта свобода могла продолжаться очень недолго: подобного рода крестьянские поселения также поступали в поместную раздачу, превращавшую и этих крестьян в крепостных.

В Арзамасских поместных актах сохранился один документ, раскрывающий именно эту сторону социально-экономических отношений данного района.

В 1612 г. помещикам Ф. Левашову и Я. Миленину была дана в поместье „новая деревня Полдомасова", расположенная на крайней юго-восточной окраине Арзамасского уезда, „за Пузскою засекою". Новым помещикам была дана „отказная грамота", удостоверявшая их права на д. Полдомасово. Однако, „крестьяне тое грамоты не послушали, отказыватца за них своим воровством не дали" в результате чего, как указывают в своём челобитье Ф. Левашов и Я. Миленин, они „на земской службе без запасов помирают голодом". Грамота кн. Д. Трубецкого и кн. Д. Пожарского предписывала арзамасскому воеводе привести крестьян д. Полдомасово в покорность и добиться подчинения их власти помещиков:

1) А. В. Эмаусский, цит. соч. стр. 26.
2) Арзамасские Поместные акты, № 404. Ср. А. В. Эмаусский, цит. со стр. 27 и 34.

„А будет тое деревни Полдомасова крестьяне наших грамот не послушают, а отказатися за Федора да за Якова в поместье не дадут, и ты б, господине, тое деревни Полдомасова велел привести, выбрав лутчих, крестьян человек дву или трех, да за то их непослушанье велел бити батоги, а, бив батоги, велел вкинути в тюрьму на . . . . дни, а, ис тюрьмы выняв, велел их отдати Федору да Якову и по прежней и по сей нашей грамоте велел тем крестьянам деревни Полдомасовой Федора да Якова слушати во всем“ [1]).

Борьба крестьян д. Полдомасово против превращения их из свободных в крепостных развернулась шестью годами позже восстания Болотникова. Но данный эпизод вполне правомерно может быть использован и для выяснения обстановки в Арзамасском уезде накануне восстания Болотникова. Ибо раздача земель и крестьян помещикам в Арзамасском уезде шла на протяжении всего конца XУ1 в. начала XV11 в., а история д. Полдомасово показывает, как реагировало крестьянство на крепостническую политику правительства.

Ещё более яркий факт, характеризующий борьбу крестьян Арзамасского уезда против их закрепощения, сохранил Карамзинский хронограф. В 1611 г., после захвата Смоленска поляками, руководители земского ополчения направили в Арзамас „Смольян дворян и детей боярских“, изгнанных поляками из Смоленских городов, „испоместити их из дворцовых сел“. Вместе с смоленскими помещиками „для разделу“ был послан представитель властей Н. В. Траханиотов. Однако, крестьяне дворцовых сёл оказали решительное сопротивление попытке превратить их в крепостных новоявленных помещиков,— „и дворцовые мужики не послушали, делить себя не дали, чтоб им не быть за ними в поместьях, и стояли многое время, и бои с мужиками были, толко мужиков не осилели, помогали мужикам Арзамасские стрелцы триста человек“ [2]).

Эти факты борьбы арзамасских крестьян бросают яркий свет на борьбу в Приволжском районе и во время восстания Болотникова.

---

1) Арзамасские поместные акты, № 348.
2) А. Попов. Изборник, стр. 352-353, с поправками опубликованными С. Белокуровым, стр. 277.

Особое место в составе населения Арзамасского и других уездов Приволжья занимали бортники. Участие бортников в восстании, как об этом свидетельствует Новый Летописец, делает необходимым выяснение социального лица этой группы. В литературе существуют весьма большие расхождения в трактовке бортников. С. Ф. Платонов, основываясь на том, что в разрядах XV1 в. бортникам вместе с „инородцами“ велся „особый счет“, относил бортников к инородцам“ [1]). Напротив, А. А. Гераклитов рассматривает бортников как русских, считая бортников наиболее древним элементом среди русского населения на мордовских землях. [2])

Из этих двух точек зрения верной является точка зрения А. А. Гераклитова. Отнесение С. Ф. Платоновым бортников к нерусскому населению Приволжья можно объяснить лишь неисследованностью истории Поволжья, когда писались его „Очерки по истории Смуты“. В источниках национальная принадлежность бортников указывается с полной определённостью. Не говоря о чисто русских именах бортников (см. ниже), они прямо называются в актах „русскими людьми“. Не вдаваясь в подробности, можно по вопросу о национальности бортников ограничиться выдержками из писцовых наказов 1619 и 1629 гг. писцам Арзамасского и Нижегородского уездов. В первом из наказов предписывается „писати в книги имянно, в котором селе и в деревне хто имяны мордвы и **бортников русских людей**...“ [3]) Второй из названных наказов не менее отчётливо выделяет бортников из нерусского населения Нижегородского уезда. Писцам предписывалось, „ставя перед собою бортников, и мордву, и черемису, и их разпрашивати, бортников по государеву (п. т.) крестному целованью, а мордву и черемису по их вере“ [4])

---

1) Платонов. Очерки, стр. 608, примеч. 104.
2) А. А. Гераклитов. Арзамасская мордва. Учёные записки Саратовского Государственного университета, т. VIII, вып. П. Педагогический факультет. Саратов, 1930, стр. 19, 24, 28, 42 и др.
3) Акты писцового дела. изд. С. Б. Веселовским, т. I, № 96. Цит. по изданию „Документы и материалы по истории Мордовской АССР. т. I, 1940, стр. 251.
4) Акты писцового дела, т. II, вып 1, № 64. Цитируется по „Материалам“, т. 1, стр. 271.

Исследования А. А. Гераклитова не только выясняют этническую принадлежность бортников, но и позволяют определить социальное лицо бортников. По мнению А. А. Гераклитова, появление бортников на мордовских и других национальных землях Поволжья было результатом русской колонизации Поволжья, причём колонизации вольной, а не насильственной: „вольная колонизация предшествовала подневольной: русский бортник появлялся среди Арзамасской мордвы раньше служилого человека и раньше крестьянина русского помещика или вотчинника"[1]).

Характерной чертой колонизации бортников являлось оседание бортников в мордовских поселениях и ведение бортниками своего бортного промысла в мордовских бортных ухожаях (см. у Гераклитова, цит. соч. стр. 25 и след.) Такой характер жизни и производственной деятельности бортников способствовал их сближению с мордовским населением. В то же время, будучи по своей социальной природе свободными от феодальной зависимости крестьянами, бортники оказывались в точно такой же степени объектом крепостнической колонизации Поволжья русскими помещиками, как и мордва. Захват мордовских земель и бортных ухожаев равно ударял и по русским бортникам. Но русские бортники испытывали на себе результаты развития крепостнических отношений в Поволжье и ещё более непосредственно. Подобно крестьянам чёрных и дворцовых земель, бортники также являлись объектом земельных раздач, превращаясь таким образом в крепостных крестьян [2]). Итоги этого процесса зафиксированы применительно к Нижегородскому уезду в писцовом наказе 1629 г.; „А которые бортники в нижегородских в бортных ухожаях ходят, а с тех

1) А. А. Гараклитов, Арзамасская мордва, стр. 19.

2) Социальное лицо бортников и их положение в начале XVII в, очень хорошо характеризуется одной из отписок Курмышскому воеводы С. В. Елагину некоего Алешки Уварова: „Послал (послан? И, С.) есми господине в Курмышской уезд в деревню Шершову (сие) дьяку Афонасью Овдокимову *в поместье* со всеми угодьи„. и яз, приехал в ту деревню Шершову; и бо(р)тники, господине. Шершовские отказали: „мы де живем ни в Курмышском уезде, в Нижегородском уезде, и *за помещики де мы не бывали ни за кем; сами, де мы земскую служим* службу", (Курмышские акты, № 4 от 25 декабря 1611 г.—Летопись занятий Археографической комиссии в. I. 1862 отд. II, стр. 10).

бортных ухожаев знамян оброк платили в Нижнем Новгороде, а ныне те бортники по государеву жалованью в раздаче за бояры, и за стольники и за приказными людьми, и за дворяны и за иноземцы в вотчине и в поместье, а с тех бортных ухожаев знамян в государеву казну не платят, а платят ныне своим вотчинником и помещиком, и те бортные ухожаи и знамена и всякие угодьи... написати за теми вотчинники и за помещики особно, своею статьею, опричь государевых оброчных бортных ухожаев и всяких угодей".[1]) Таких бортников, превращённых в крепостных крестьян, можно в большом количестве наблюдать в земельных актах первой половины XVII в. В качестве примера можно привести поместье Станислава Граевского, в Курмышском уезде, получившего его в 1624 г. В числе других угодий С. Граевский получил и бортные угодья: „из Осташевского бортного ухожья знамя жилое, да знамя пустое, да знамя вопче с Михайлом Стрижевским, а ходят в них крестьяне боярина князь Ивана Михайловича Воротынского разных деревень: знамя жилое, вилы з двумя рубежи, ходит бортник деревни Вадской Авдейко Михайлов, да знамя пустое, конь з четырьмя рубежи с праводом, ходили бортники деревни Медведевы Степанко Филипьев сын Шерстин да Микифорко Иванов"[2]). Приведённый пример позволяет установить три момента в судьбах Осташевского бортного ухожая и „ходивших" в нём бортников. В 1624 г. данный ухожай попал к помещику Граевскому; до этого он был пожалован князю И. М. Воротынскому, а еще раньше, очевидно, был „государевым бортным ухожаем". В данном случае, благодаря имени князя Воротынского, мы можем приблизительно определить и время перехода Осташевского ухожая в частные руки. Это имело место, вероятнее всего, в годы, близкие к восстанию Болотникова, к которым относится деятельность И. М. Воротынского.

Захват землевладельцами - феодалами бортных ухожаев и превращение в результате этого бортников в крепостных крестьян означали коренной переворот в поло-

1) Акты писцового дела, т. II, вып. 1, № 64. Цит. по „Материалам" т. 1, стр. 272.

2) Действия Нижегородской учёной архивной комиссии, Сборник, т. XV, вып. II, 1913. Выписка из писцовых книг Курмышского уезда, стр. 10.

жении бортников, терявших вместе с землёй и свободу. В этом и следует искать причину участия бортников в борьбе развернувшейся в Приволжье. В приведённом выше эпизоде, связанном с Долгой поляной, вместе с мордвой деревни Пастьяновой в борьбе против дозорщиков, угрожавших отобрать Долгую поляну, действуют и русские бортники, жившие в той же деревне. Этот характерный случай может служить как бы предвестником той совместной борьбы бортников и мордвы, которая развернулась в несравненно более крупных масштабах во время восстания Болотникова.

Итак, социально-экономическая обстановка в Арзамасе накануне восстания Болотникова характеризуется наличием двух групп противоречий: между русскими помещиками и местным национальным мордовским населением края, и между русскими помещиками и русским крестьянством. Что касается других уездов Приволжского района, то мы лишены возможности проделать аналогичное исследование внутренней обстановки в них перед восстанием Болотникова и вынуждены поэтому распространить на эти уезды выводы, полученные для Арзамасского уезда. Несомненное сходство социально-экономических условий этих уездов с Арзамасским уездом позволяет решиться на такой приём, а совместное участие всех Приволжских уездов в восстании Болотникова может служить известным подтверждением допустимости означенного приёма.

Период активного участия Приволжского района в восстании Болотникова падает на конец 1606—начало 1607 г. Такая датировка времени активной борьбы в Приволжских уездах может быть получена на основании материала Арзамасских поместных актов. В „Отказной книге по Арзамасу", содержащей различного рода документы по вопросам земледелия (опубликованной в „Арзамасских поместных актах"), легко обнаруживается период прекращения деятельности арзамасской администрации, в лице арзамасского городового приказчика Ю. Лобанова, с 30 сентября 1606 г. по 21 января 1607 г. (документы идут в такой хронологической последовательности: 21 июня, 26 июня, 30 июля, 2 августа, 7 августа, 9 сентября, 13 сентября, 17 сентября, 23 сентября, 30 сентября 1606 г., 21 января, 28 января

1607 г. и т. д.—Арзамасские поместные акты, по оглавлению). Отмеченный хронологический перерыв в документах, занесённых в „Отказную книгу", не может быть объяснён утерей документов или какими-либо иными случайными причинами, так как текст „Отказной книги" сохранился полностью. Таким образом, отсутствие в книге документов за октябрь 1606—январь 1607 г. свидетельствует именно о том, что в этот период прекратились самые действия арзамасской администрации по земельным делам.

Определение хронологии борьбы в Арзамасском уезде, сделанное нами на основании материала Арзамасских поместных актов, подтверждается данными и других источников о борьбе в Приволжье (как это будет видно из дальнейшего изложения).

О самой борьбе в Приволжском районе в источниках сохранились лишь очень отрывочные и общие сведения, и только взятые во всей их совокупности эти данные позволяют составить хотя бы некоторое представление о характере и масштабах борьбы.

В Новом Летописце событиям борьбы в Приволжье посвящена краткая глава: „О крепкостоянии Нижнего Новаграда от воров". В этой главе, помещённой после рассказа о приходе Болотникова к Москве, но до главы о победе над Болотниковым в Коломенском, сообщается в общей форме о том, что „в та же времена собрався мордва и бортники и боярские холопи и крестьяне, придоша под Нижней Новгород, осадиша. В них же старейшин два мордвина: Москов до Воркадин, и стояху под Нижним и многие пакости граду делаху" [1]).

Другой источник летописного типа, Карамзинский хронограф, сообщает несколько более подробные данные о движении в Приволжье. Рассказ Карамзинского хронографа по форме представляет собой запись о походе воевод В. Шуйского против восставших городов, но, в отличие от обычных разрядных записей, содержит и некоторые сведения о восставших и их действиях.

Рассказ Карамзинского хронографа помещён после рассказа об осаде воеводами В. Шуйского Калуги и о их поражении Болотниковым.

---

[1]) П.С.Р.Л., т. XIV, стр. 72.

Закончив рассказ о событиях под Калугой сообщением о снятии воеводами В. Шуйского осады Калуги и отходе их в Серпухов, автор переходит затем к описанию событий в Приволжье: „Того 115 году от царя Василья посланы воеводы Григорей Григорьевичь Пушкин Сулемша да Сергей Григорьев сын Ододуров, а с ними ратные люди володимерцы, суздальцы, муромцы, и велено им итти на Орзамас и на Олатарь, что те городы и с уездами были в измене — от царя Василья отложилися; и Орзамас и Олатарь с уезды привели к царю Василью. А на Олатаре воеводу Ждана Степановича Сабурова алаторские воры в воду посадили, а товарыща ево казанца Офонасья Степанова сына Нарманскова били и в тюрьму сажали, а животы их пограбили. А Нижней Новгород стоял за царя Василья, от воров от русских людей был в осаде, а стояли под Нижним русские люди и бортники и мордва, а с ними был за воеводы место Иван Борисов сын Доможиров, нижегородец, да с ним выбраны два мордвина, Варгадин да Москов. И как они уведали, что царя Василья московские люди идут на Орзамаские и на Олатырские места, и ис-под Нижнева воры разбежалися“ [1]).

В этом рассказе Карамзинского хронографа бросается в глаза сходство в описании осады Нижнего Новгорода с рассказом Нового Летописца. Очевидно, в основе данного рассказа Карамзинского хронографа лежит тот же источник (вероятнее всего какая либо разрядная запись), что и использованный Новым летописцем.

Можно обнаружить и еще один источник рассказа хронографа. В одной из разрядных книг, опубликованных С. Белокуровым, имеется следующая запись о посылке Г. Г. Пушкина и С. Г. Ододурова: „Того ж году послал царь Василей воевод Григорья Григорьева сына Пушкина да Сергея Ододурова с ратными людьми под Муром, под Орзамас, под Олаторь, и городы многие поворотили царю Василью и ко кресту привели“ [2])

Сопоставляя эту разрядную запись с рассказом Карамзинского хронографа, нетрудно убедиться в том, что, очевидно, автор хронографа использовал именно такого

1) А. Попов, Изборник, стр. 333—334.
2) Белокуров стр. 44,

рода запись. Однако, и в этом случае автор Карамзинского хронографа переработал свой источник на основании того запаса сведений (или источников), которым он располагал.

Взятый в целом, рассказ Карамзинского хронографа весьма интересен, так как позволяет гораздо более конкретно представить характер движения в Приволжье, чем это можно сделать на основании известия Нового Летописца. Но вместе с тем он требует и критической оценки. Так, он явно неверен в части хронологии, относя поход Г. Пушкина и С. Ододурова к 1607 г. Эта ошибочная хронология объясняется самой манерой изложения в хронографе: автор сначала закончил рассказ о Калуге, а затем перешёл к новому эпизоду. Другая ошибка, допущенная хронографом, касается Мурома. В то время, как разрядная запись помещает Муром в число городов, против которых были посланы Г. Пушкин и С. Ододуров, Карамзинской хронограф исключает Муром из городов, бывших „в измене“, и, напротив, называет „муромцев“ среди ратных людей в отряде Г. Пушкина и С. Ододурова. Из этих двух версий о Муроме верной является версия разрядной записи, так как факт участия Мурома в движении Приволжских уездов с бесспорностью устанавливается грамотой В. Шуйского в Муром от 15 декабря 1606 г. [1])

Центральное значение для характеристики борьбы в Приволжском районе, однако, должно принадлежать актовому материалу и, прежде всего, грамоте В. Шуйского в Свияжск от 25 ноября 1606 г. В этой грамоте особенно ценными являются данные, характеризующие борьбу нерусских народностей Приволжья. Одним из центров этой борьбы являлся г. Курмыш. Грамота приводит показания одного московского стрельца, приехавшего в Москву из Казани и, таким образом, пересекшего весь район борьбы в Приволжье. Из этих показаний мы узнаём о том, что в Курмыше действовал „вор новокрещен арземаской помещик Ондрюшко Борисов сын Казаков,

1) Действия Нижегородской учёной архивной комиссии, Сборник, т. XI, стр. 3—4.

назвався князем, а приводит на Курмыше всяких людей ко кресту тем же воровством, будто царю Дмитрею, и в татарове и в черемису в горную к Ядрину городу послал к шерти приводить татарина, а к Москве де никаких людей проезжих и гонцев не пропущает, грабит с воры, которые к нему прибрались, а иных побивает"[1])

Таким образом, Курмыш являлся центром движения крупного района, охватывавшего татар, горных черемисов (мари) и мордву. Возглавлявший движение в Курмыше новокрещен Казаков, повидимому, происходил из татарских мурз Арзамасского уезда, известная часть которых крестилась и вошла в состав русских служилых людей. Можно даже сблизить его с одним из таких мурз. В XVI в. некий „князь Шейсупов (повидимому выкрест из татар) получил в вотчину для крещения мордву села Казакова", в Арзамасском уезде [2]). Если прозвище „Казаков" связать с селом Казаковым, то можно высказать предположение, что Андрей Казаков являлся одним из потомков князя Шейсупова, что и дало ему возможность „назваться князем". Провозглашение А. Казаковым себя „князем", приведение „к кресту" на имя „царя Дмитрия" русского населения и рассылка людей для приведения к присяге („шерти") татар и горных черемис (мари); задержание царских гонцов и непропущение к Москве „никаких людей проезжих", равно как и расправы с ними,— всё это указывает на то, что борьба в районе Курмыша приобрела большой размах.

Важное дополнение к данным грамоты В. Шуйского в Свияжск по вопросу о движении нерусских народностей Приволжья содержится в одной из редакций Нового Летописца, в т. н. „Новом Летописце по списку Оболенского", где в числе городов, восставших против В. Шуйского, названы также и Чебоксары. Известие это находится в главе, где говорится о приходе „царевича Петра" („вора Илюшки") в Путивль и об убиении воевод по городам, и представляет собой простую запись о том, что в „Чебоксарех тогда ж убиша воеводу Тимофея Исаева сына Есипова, и которые грады от Москвы отступиша,

1) Костромская старина, в. III. 1894, отд. 1—й, стр 6.
2) И. Н. Смирнов, Мордва, 1895, стр. 93.

тех градов воевод всех побиша" [1]). Но, несмотря на свою краткость, оно ценно тем, что расширяет район восстания в Приволжье, включая в территорию, охваченную восстанием, а также и район, населённый чувашами, в центре которого находились Чебоксары. Мы, таким образом, получаем возможность говорить и об участии чувашей в борьбе в Поволжье уже в 1606—1607 гг., тогда как другие источники, называющие чувашей среди участников борьбы народов Поволжья, относятся к 1609 г. и ещё более поздним годам [2]).

Наряду с Курмышем и Ядрином, грамота в Свияжск отмечает и другой центр движения, указывая, что „в иных местех воруют арземаские и нижегородцкие помещики, приводят ко кресту воровством, Ивашка да Матюшка Борисовы дети Доможирова, да Сенка Родионов и иные воры" [3]).

Что касается самого Свияжска, то грамота В. Шуйского призывает жителей Свияжска быть верными царю и вести борьбу против восставших. В этих целях грамота предписывает свияжским воеводам, чтобы они „свияжским дворяном, и детем и боярским, и свияжским служилым князем, и мурзам, и татарам наше жаловалное слово сказали, чтобы они жили бесстрашно, и в Свияжском уезде по волостям велели беречи накрепко, где какие воры в Свияжском по слободам или в Свияжском уезде появятся и учнут в русских людех, и в татарех, и в черемисе смуту делать для грабежу, приводить ко кресту, а татар и черемису к шерти, или которые воры от воров же прибежат в Свияжской или в Свияжской уезд, и вы б им тех воров велели, имая, приводить к себе в Свияжской" [4]). Однако, удержать Свияжск на своей стороне (и даже использовать в качестве центра для борьбы с восстаниями в Поволжье, как увидим ниже, правительству В. Шуйского не удалось. Из грамоты патриарха Гермогена казанскому и свияжскому митрополиту от 22 декабря видно, что Свияжск также примкнул на определённом этапе к движению: когда в Свияжск „пришли... воры и богоотступники", то жители Свияжска („дворяне

1) „Новый Летописец—по списку кн. Оболенского", 1853, стр. 83.
2) А. А. Э., т. II, № 114/ II, № 116.
3) Костромская старина, в. III, стр. 6.
4) Костромская старина, в. III, стр. 5.

и дети боярские, и голова стрелецкая, и сотники, и пятидесятники, и десятники, и рядовые стрельцы, и земские торговые и черные люди") также целовали „крест по записи царевичу Дмитрею Углецкому", за что митрополит даже наложил на Свияжск церковный запрет [1]).

Чтобы закончить рассмотрение материалов о движении в Приволжье, следует остановиться на вопросе о положении в Муромском уезде. Мы уже отмечали, что основным источником здесь является грамота В. Шуйского от 15 декабря 1606 г. Из этой грамоты видно, что в Муроме тоже „воровали" и „изменяли" В. Шуйскому, причём грамота перечисляет имена „воров и изменников", стоявших во главе движения в Муроме—Г. Елизарова, С. Чаадаева и других. Грамота не указывает социальной принадлежности этих людей, называя их просто „муромцы". Но, судя по фамилиям (Чаадаев, Власьев, Новосильцев, Чертков), они принадлежали к служилым людям Мурома. Однако, в движении принимали участие и посадские люди, так как с челобитной о покорности В. Шуйскому были посланы „муромские посадские люди Семейка Черкасов с товарищи". Наконец, грамота отмечает и связи Мурома с другими центрами восстания в Приволжье, указывая, что „к вам же в Муром прислали из Нижегородского уезду наши изменники князь Иван Болховской да Ивашка Доможиров сына боярского Баженка Есина для ратных людей, чтоб вы прислали с ним на помогу ратных людей" [2]).

Таковы те сведения, которые сохранились в источниках о движении в Приволжском районе.

Это движение представляется очень сложным по составу участников, характеру и формам борьбы.

С одной стороны, мы видим в числе его участников русских крестьян, холопов, бортников, что свидетельствует об антифеодальном характере движения. С другой стороны, крупную роль в движении играла борьба поволжских народов – мордвы, черемисов (мари), чувашей, татар,—борьба, носившая национально-освободительный характер. При этом обе отмеченные струи в движении Приволжских уездов не являлись обособленными, а были

[1]) А. А. Э, т. II. № 61.

[2]) Действия Нижегородской учёной архивной комиссии, Сборник, т. XI, стр. 1—3.

тесно связаны как в плане идеологическом,—ибо движение шло под лозунгом „царя Дмитрия",—так и в процессе самой борьбы, что особенно ярко выявилось в осаде Нижнего Новгорода объединённым войском из русских холопов, крестьян и бортников и отрядов мордвы. Наконец, в Приволжье, как и в других местах к движению угнетённых низов примкнули известные элементы из числа русских помещиков, а также отдельные представители и феодальных верхов поволжских народов. Из русских помещиков наиболее видную роль источники отводят Ивану Борисовичу Доможирову, бывшему, по словам Карамзинского хронографа, „за воеводы место" в войске восставших, осаждавшем Нижний Новгород; его брату Матвею, а также князю Ивану Болховскому и Семену Родионову. Братья Доможировы являлись сыновьями Арзамасского воеводы Б. И. Доможирова. Б. И. Доможиров стал арзамасским воеводой при Лжедмитрии I [1]) и пробыл в этой должности до августа 1606 г.[2]), когда он, как можно думать, был смещён В. Шуйским. Эти данные из биографии Б. И. Доможирова могут в известной мере объяснить активное участие Доможировых в движении, шедшем под лозунгом „царя Дмитрия". Об И. Б. Доможирове сохранилось упоминание в разрядах, что он в 1604—1606 гг. был стрелецким головой Царевококшайске [3]) Основываясь на этом, П. Г. Любомиров высказал весьма вероятное предположение: „Не Ив. ли Доможиров был „голова стрелецкой из Кокшайского", встретивший „выше Свиязского города десять верст" отряд самозванца Илейки-Петра и сообщивший ему о гибели „на Москве Гришки Ростриги", о котором говорит в своих показаниях Петр-Илейка [4]). Если это так, то в таком случае И. Б. Доможиров был лицом, непосредственно знавшим о движении Петра-Илейки.

[1]) См. Арзамасские поместные акты, стр. 263, документ от 3 февраля 1606 г. Предшественник Б. И. Доможирова в Арзамасе, И. Б. Голочелов, упоминается последний раз в документе от 20 апреля 1604 г. —Там же, стр. 246.

[2]) Последний документ с его именем от 3 августа 1606 г. Там же стр. 291.

[3]) Белокуров, стр. 205.

[4]) П. Г. Любомиров, Очерки истории Нижегородского ополчения, изд. 2-е, 1939, стр. 323.

К этой же дворянско-помещичьей группе участников движения следует, очевидно, отнести и „муромцев".

Трудно сказать что-либо более конкретное о мотивах участия этих нижегородских, и арзамасских и муромских помещиков в борьбе, развернувшейся в Приволжье (за исключением отмеченных выше связей некоторых из них с Лжедмитрием I[1]). Можно лишь констатировать самый факт этого участия и, притом, участия активного.

Несколько иной характер носило участие в движении представителей социальной верхушки народов Поволжья. Вряд ли можно, например, сомневаться в том, что провозглашение А. Казаковым себя „князем" представляло собой попытку использования благоприятной обстановки для восстановления своих феодальных привилегий. Однако, реакционная тенденция такого рода актов представителей местной знати оттеснялась на задний план и парализовалась активным участием в борьбе широких масс мордовского, марийского и татарского населения Приволжья, которых объединял вокруг таких людей, как А. Казаков, самый факт их борьбы против царской администрации и которые своим участием в этой борьбе придавали ей антифеодальный, освободительный характер. Такой характер взаимоотношений между рядовыми участниками движения народов Приволжья и их руководителями можно видеть более отчётливо в случае с мордовскими „старейшинами"—Воркодином и Московым, которые были „выбраны" на свои посты участниками похода на Нижний Новгород.

О формах борьбы в Приволжском районе источники сообщают ещё более скудные данные, чем о составе её участников

Наиболее крупным событием в этой борьбе следует, повидимому, считать поход восставших на Нижний Новгород. Этот поход и осада восставшими Нижнего Новгорода—главного административно-политического центра Поволжья—как бы повторяет в местном масштабе поход и осаду Болотниковым Москвы. В связи с походом на Нижний Новгород источники сообщают некоторые данные и о внутренней организации сил восставших и о руководителях их войска. Существенный момент, характеризующий действия руководителей восстания в Приволжье, отмечает грамота В. Шуйского в Муром. Как мы видели, И. Доможиров и кн. И. Болховской пытались

установить связи с восставшим Муромом и привлечь его силы в своё войско, требуя от муромцев прислать „на помогу ратных людей".

Помимо сведений о военной борьбе восставших против воевод В. Шуйского, деятельность восставших освещается в источниках и ещё с одной стороны. Население района восстания приводилось к присяге на имя „царя Дмитрия". Этот момент равно характеризует и русские и нерусские центры восстания. Ценную деталь по этому поводу сообщает грамота патриарха Гермогена в Свияжск. Жители Свияжска целовали крест на имя царя Дмитрия „по записи". Это свидетельствует о том, что переход данного города на сторону восстания оформлялся соответствующим образом—путём составления особой крестоцеловальной „записи" с присягой „царю Дмитрию".

Отличительной чертой восстания в Приволжье следует считать значительно более низкий уровень форм борьбы и организации, чем в основных центральных районах восстания Болотникова. Насколько можно судить по данным источников, движение в приволжских уездах распространялось чисто стихийно, и отдельные центры восстания оставались, по сути дела, совершенно изолированными друг от друга. [1])

Что касается данных, которые характеризовали бы борьбу в Приволжье в плане социальном, то единственное, что сохранили источники—это известие о расправе восставших с алатырскими воеводами (особенно интересно сообщение о заключении одного из воевод в тюрьму—факт, свидетельствующий о наличии какой-то формы управления в восставшем городе), сообщение грамоты В. Шуйского в Свияжск об аналогичных действиях А. Казакова в Курмыше, да глухое указание Нового Летописца о „пакостях", учинённых восставшими во время осады Нижнего Новгорода. Вряд ли, однако, можно сомневаться в том, что таких актов стихийной расправы восставших, как с представителями царской администрации, так и с помещиками, было гораздо больше, чем их отмечено в источниках.

Наконец, следует поставить вопрос о том, были ли связаны участники борьбы в Приволжье с основными

1) Можно наметить два основных района восстания: Арзамасско—Алатырский и Курмышско-Ядринский.

центрами восстания Болотникова? В общей форме на этот вопрос можно ответить утвердительно. Движение в Приволжском районе было связано с восстанием Болотникова не только идеологически—лозунгом „царя Димитрия",—но и организационно-политически. Известие о такого рода связях сохранила грамота В. Шуйского в Пермь от декабря 1606 г. В показаниях П. Благово, приводимых в этой грамоте, находится весьма важное известие о действиях войска восставших под Нижним Новгородом. По словам П. Благово, когда он „шел в Кузмодемьянский, и встретил де его на дороге сын боярской Василей Вакулов, а сказал ему, что стоят под Нижним воры и гонцов имают и водят в Путивль, а иных побивают" [1]). Таким образом, руководители войска, осаждавшего Нижний Новгород, поддерживали непосредственную связь с Путивлем, считавшимся местом нахождения „царя Димитрия". Однако сведений, насколько прочными или регулярными были эти связи, нет. Можно лишь, исходя из общего характера борьбы в Приволжье, полагать, что характер этих связей был эпизодический или, вернее, символический, и ни о каком, скажем, руководстве из Путивля движением в Приволжье, конечно, не могло быть и речи.

Движение в Приволжье развёртывается в момент наибольшего подъёма восстания Болотникова. Такое хронологическое совпадение не является случайным: борьба в приволжских уездах сама была одним из выражений этого подъёма.

Правительство В. Шуйского первоначально, повидимому, не представляло себе масштабов движения в Приволжье и намеревалось подавить его силами местных гарнизонов, не прибегая к посылке специальных карательных экспедиций.

Эта стадия мероприятий В. Шуйского по подавлению восстания в Приволжье отражена в грамоте в Свияжск.

В этой грамоте восстановление „порядка" в Приволжье, в частности, в Курмышско-Ядринском районе, возлагалось на свияжских воевод, которым предписывалось послать в Курмыш войска для поимки А. Казакова и восстановления в Курмыше власти В. Шуйского. Грамота

1)А. А. Э. т. II. № 60.

содержала подробную инструкцию о размерах, составе и порядке комплектования того отряда, который предназначался для усмирения Курмыша: „И вы б тотчас из свияжских жильцов выбрали сына боярского добра, а с ним детей боярских пятдесят человек, да литовских людей двадцать человек, да с ним же сотника, да сто человек стрелцов, дав стрелцам по фунту зелья да по фунту свинцу... А к тому в прибавку велели есмя послати из Чебоксар с Тимофеем Есиповым десять человек детей боярских, да сотника, да сто человек стрелцов, да с ним же из Кузмодемьянского сотник Семен Болтин, да сто человек стрелцов, да из Цывилского сотник да сто ж человек стрелцов, да из Цывилского ж велели есмя послати новокрещена Ивана, а прозвище Крым-Сару-Кара-Чюрина, с новокрещенными с татары и с черемисою с охочими людми, сколько их приберутся...; да и татар бы есте на воров послали, будет они нам служат прямо и шатости будет в них нет" [1]). Таким образом, отряд, направлявшийся в Курмыш, должен был состоять из 60 детей боярских и четырёх сотен стрельцов, не считая „литовских людей" и „охочих людей" из новокрещен татар и черемис.

Однако, из этого плана ничего не получилось. Как мы видели, Свияжск не только не возглавил борьбу против восстания, но и сам „изменил" В. Шуйскому, примкнув к движению.

Поражение Болотникова под Москвой коренным образом изменяло положение в стране. Теперь правительство В. Шуйского видело свою задачу в том, чтобы довершить разгром восстания и восстановить „порядок" во всей стране. Как мы видели, план В. Шуйского включал в себя и подавление движения в Приволжье.

В изложении этого плана в источниках, однако, нет единства и ясности. В Новом Летописце, в главе „О посылке бояр и воевод под городы на воровских людей" отмечена посылка „под Арзамас князя Ивана Михайловича Воротынского". В этой же главе отмечены и результаты похода кн. Воротынского: „Боярин князь Иван Михайлович Воротынской град Арзамас взял, и повелеша

1) Костромская старина, в. III, 1894, отд. 1, стр. 8.

отойти в Олексин“ [1]). Однако, к этому известию Нового Летописца ещё со времён Карамзина существует недоверие. Карамзин, основываясь на данных „Хронографа Столяра“ (т. е. Карамзинского хронографа), поставил под сомнение достоверность известия Нового Летописца о походе И. М. Воротынского под Арзамас: „Известие об отправлении князя Воротынского под Арзамас не согласно с другими. Туда велено было итти воеводам Г. Г. Пушкину и С. Г. Ададурову с ратными людьми, владимирскими, суздальскими и муромскими. Воротынский же послан был к Алексину и к Туле“ [2]).

Противоречие между данными Нового Летописца и Карамзинского хронографа, отмеченное Карамзиным, действительно имеет место. Однако, способ разрешения этого противоречия, предложенный Карамзиным, т. е. простое устранение известия Нового Летописца, создаёт в свою очередь ряд трудностей. Ибо в этом случае встаёт вопрос: откуда же пришёл тогда в Алексин И. М. Воротынский, факт нахождения которого под Алексиным не вызывает сомнений. Отбрасывая версию Нового Летописца о том, что кн. Воротынский пришёл под Алексин после взятия им Арзамаса, мы должны допустить, что он шёл к Алексину прямо из Москвы. Но чем объяснить тогда отсутствие известия об этом походе и в Новом Летописце и в разрядах?

С другой стороны, еще Арцыбашев предлагал найти выход из затруднения путём признания того, что „Пушкин и Ададуров... могли быть только передовыми Воротынского“ [3]). Эта гипотеза Арцабышева представляется мне заслуживающей внимания, во всяком случае, более приёмлемой, чем простое отрицание известия Нового Летописца, тем менее обоснованное, что глава „О посылке бояр и воевод“ построена на данных разрядных записей и очень точно передаёт развитие событий.

Поход воевод В. Шуйского против восставших приволжских городов имел место, очевидно, непосредственно после битвы в Коломенском 2—5 декабря 1606 г. Опорным пунктом для определения времени этого похода может служить грамота В. Шуйского в Муром. Как это видно из разрядной записи о Г. Пушкине и С. Ододурове, Муром являлся одним из городов, которые воеводы должны были „поворотить“ царю Василию. Этот момент подчинения Мурома власти В. Шуйского датируется в грамоте 11-м декабря 1606 г.: „писали есте к нам, что вы декабря в 11 день в Муром приехали и наши грамоты дворяном и детем боярским чли, и дворяне и дети боярские и посацкие люди нам крест целовали и с подлинною челобитною к нам муромских посадских людей Семейку Черкасова с товарищи прислали, и изменников наших... переимали миром и в тюрму посажали“ [1]). Хотя ни Воротынский, ни Пушкин с Ододуровым в грамоте не упомянуты (это можно объяснить тем, что грамота адресована тем ратным людям, которые были оставлены в Муроме для утверждения там власти В. Шуйского), вряд ли можно сомневаться в том, что 11 декабря в Муром прибыл один из отрядов (или всё войско) Пушкина и Ододурова.

С другой стороны, грамота (датированная 15-м декабря) изображает положение в Нижегородском уезде как продолжающееся ещё господство там „изменников“ и призывает в связи с этим муромцев не поддаваться „воровским смутам“.

Таким образом, дальнейшие этапы похода воевод В. Шуйского падают на вторую половину декабря 1606 г. или январь 1607 г. Именно к этому времени и следует отнести освобождение воеводами В. Шуйского Нижнего Новгорода от осады его войском восставших и приведение „к царю Василию“ Арзамаса и Алатыря.

Еще до этого жители Свияжска сами „били челом“ В. Шуйскоиу [2]). Таким образом, поход воевод В. Шуйского в Приволжье увенчался несомненным успехом. Существенно отметить, однако, что источники, говоря об итогах борьбы в Приволжье, по-разному характеризуют её исход в различных городах. Так, про Муром и Свияжск источники говорят, что эти города принесли повинную

1) П.С.Р.Л.; т, XIV, стр. 73.
2) Карамзин. т. XII, примеч. 105.
3) Арцыбашев, Повествование о России, т. III, кн. V, 1843, стр. 156, примеч. 865.

1) Действия Нижегородской учёной архивной комиссии, Сборник, т. XI, стр, 3.
2) А. А. Э., т, II, № 61.

В. Шуйскому. Для характеристики же района Нижнего Новгорода в источниках употреблена иная формула. Здесь момент повинной уже отсутствует и отмечается лишь, что восставшие „разбежалися", не будучи в силах противостоять воеводам В. Шуйского. Можно полагать, что это различие оценок в источниках отражает и различие в самом ходе событий. Исаак Масса, характеризуя позицию ряда городов во время восстания Болотникова, отмечает, что „многие города колебались и склонялись то к одной, то к другой стороне" [1]). Повидимому, именно такого рода колебание и имело место в Муроме и Свияжске, которые под влиянием разгрома Болотникова под Москвой колебнулись в сторону В. Шуйского. Напротив, район Арзамаса, Алатыря и других уездов Среднего Приволжья продолжал оставаться враждебным В. Шуйскому и вынужден был лишь временно подчиниться силе его войск, с тем, чтобы в благоприятной обстановке вновь подняться на открытую борьбу (что и имело место в 1608 и последующих годах).

1) И. Масса, стр. 168.

Кандидат исторических наук
В. И. Самаркин.

МОРДОВИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Реформа 1861 года не разрешила основного вопроса деревни и после отмены крепостного права среди беспредельного моря полуразрушенных крестьянских хозяйств, стоящих на самом низком уровне экономического развития, попрежнему располагались крупные помещичьи имения.

По данным статистики 80-х годов [1]) на территории Мордовии числилось 946 помещиков, которые владели земельной собственностью в 470252 десятины. Особенно большое количество помещичьих имений было в Саранском и Темниковском уездах. В этих двух уездах было 454 помещика, которые имели земли столько, сколько имели её 14 проц. всех крестьянских хозяйств этих уездов.

Каждый помещик на территории Мордовии имел в среднем около 500 десятин (497) всех земельных угодий. Из 946 крепостников-помещиков 122 имели более 220 тысяч десятин, а 25 крупнейших помещиков-крепостников имели 123 тысячи десятин земли, т. е. около 5 тысяч каждый. Кроме помещиков крупными землевладельцами были монастыри. По статистическим данным 80 годов прошлого века церковно-монастырской земли на этой территории было около 50 тысяч десятин.

Таким образом, крестьянство Мордовии и после реформы 1861 года было зажато в тисках помещичьего и монастырского землевладения. Об этом очень хорошо сказал в своих воспоминаниях колхозник деревни Чумартова Кяжкин Гаврил Степанович. „Вокруг села Жегалова, — говорит он,—было имение помещика

1) „Статистика поземельной собственности и населённых мест Европейской России", вып. 1-й С.-Петербург, 1880 г.

Новосильцева с винокуренным заводом. В 10 километрах от села Кондровки было имение Демидова, который имел 12 десятин сада и 200 десятин земли. В 3 километрах от деревни Ардашево было имение Егорова, который имел винокуренный завод и десятин 500 земли. В 10 километрах от Шалинского помещика было имение Лаврентьевского помещика, в 10 километрах от села Лаврентьева в селе Шалах был винокуренный завод, в 5 километрах от села Ардашева находился Саноксарский мужской монастырь, рядом с Саноксарским монастырём был помещик, в 3 километрах от Саноксарского монастыря был Рождественский девичий монастырь, в 12 километрах тоже девичий монастырь, под названием Ковыляйский, в 30 километрах от Рождественского монастыря был Саровский монастырь.

Итак, в нашем Темниковском уезде были только помещичьи имения, винокуренные заводы и монастыри. Отсюда понятно, что крестьянину некуда было даже выпустить скотину. Земля принадлежала помещикам да монастырям." [1]).

Помещики, опираясь на условия, созданные реформой, в большинстве своём стремились не столько к превращению старых имений в капиталистические производства и к развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве, сколько к сохранению и использованию докапиталистических полукрепостнических форм эксплоатации „освобожденного" крестьянства.

С другой стороны, хотя крестьянин при выходе из крепостнического состояния был основательно ограблен, он всё же остался владельцем средств производства, был наделён каким-то земельным наделом.

По данным статистики 80-х годов [2]) на территории шести уездов, вошедших в Мордовию, 104,070 крестьянских дворов имели надельной земли 1.132.529 десятин, в среднем по 9,9 десятины на один крестьянский двор. Но нужно заметить, что земельные владения крестьян были крайне неодинаковы. Главное различие ведёт своё начало от реформы 1861 и 1866 годов.

1) Купряшкин и Самаркин 1917 год в Мордовии, стр. 9—10, Саранск, 1938 г.

2) Статистика поземельной собственности и населённых мест Европейской России. вып. 1-й С.-Петербург, 1880г.

Вот количество земли разных разрядов крестьян Мордовии по данным 80 х годов: [1])

№№ п. п.	УЕЗДЫ	Надел б-владельч. без дарственных			Надел б-государственных		
		Всей земли	На душу	На двор	Всей земли	На душу	На двор
1	Инсарский	67223	2,7	7	181145	5	15,6
2	Краснослободский	27697	2,4	5,7	239252	5,7	13,6
3	Наровчатский	20125	2,5	7	141507	4,3	17,4
4	Саранский	58549	2,4	5,5	93163	4,7	15,8
5	Темниковский	43953	1,8	5,1	90954	4,2	11,3
6	Спасский	18481	2	6	150480	5,1	13,9
	Итого . .	236028	2,3	6	896501	4,8	13,9

Это неравенство в земельном обеспечении двух главных разрядов крестьян объясняется интересами помещиков в реформе 1861 года. Значительная часть земли во время реформы была отрезана от крестьян и поступила в собственность господ.

При таких условиях „свободный" крестьянин должен был опуститься ниже уровня крепостного крестьянина. Рядом с бывшими крепостными даже государственные крестьяне кажутся „высшим классом". А между тем среднее количество земли у государственных крестьян, если учесть, что пахотной земли всего лишь 74,4 проц., далеко не достигает того размера, какой необходим для ведения хозяйства в данном районе.

Несколько больше было обеспечено мордовское крестьянство, которое было преимущественно государственным. Так, по данным владенных грамот 1867 года государственные крестьяне—мордва трёх уездов (Саран-

1) Таблица составлена на основании данных „Статистики поземельной собственности и населённых мест Европейской России", вып. 1, 1880 г.

ского, Инсарского и Краснослободского [1]) в среднем на один двор имели пахотной земли 12,6 десятины, русские же крестьяне этих уездов имели 9,9 десятины. Если же учесть то обстоятельство, что средняя семья мордовского крестьянина была выше средней семьи русского крестьянина на 12,7 проц., то станет ясно, что земельная обеспеченность государственных крестьян—русских и мордвы—была одинакова. Обе эти категории государственных крестьян на территории Мордовии одинаково мало были обеспечены землёй. Недостаток земли у государственных крестьян и, тем более, у бывших помещичьих крестьян, в особенности в уездах Темниковском, Саранском и Краснослободском, принуждал их распахивать всё, что только можно распахать, не оставляя даже необходимых угодий для своего скота.

Но мы до сих пор говорили о средних цифрах обеспеченности крестьян землёй и о двух основных категориях, неравномерное обеспечение землёй которых было результатом соблюдения интересов помещиков в реформу 1861 г. Внутри обеих этих категорий крестьянство было обеспечено землёй крайне неравномерно—21 % всех крестьянских хозяйств имели земли всего лишь по 4 десятины (точно 3,7 дес.) на двор, т. е. менее половины средней обеспеченности каждого хозяйства крестьянина Мордовии. Если учесть, что при трёхпольной системе ведения хозяйства 1/3 этой земли ежегодно остаётся вне посева, будет вполне очевидно, что 21 проц. крестьян Мордовии, должны были идти обратно к помещику в кабалу.

В такое положение крестьян поставили, главным образом, отрезанные у крестьян в пользу помещиков земли в 1861 году. Крестьянин, оказавшись в безвыходном положении, вынужден был эти „отрезки" арендовать у помещиков на кабальных условиях для себя.

Пользуясь безвыходным положением крестьян, помещики стремятся эти „отрезки" сдать крестьянам за отработки, т. е. за известное количество сельскохозяйственных работ, которые должны исполнить съёмщики. В. И. Ленин в статье „Аграрная программа русской социал-демократии", писал: „Отрезки крестьянских земель в пользу помещиков,—т. е. и отрезки в прямом непосредственном смысле, и лишение крестьян права выпаса, пользования лесом, водопоем, выгоном и проч. и т. п.—являются одним из главнейших (**если не главнейшим**) базисов отработочной системы" [1]).

Как правило, „отрезки" крестьяне арендовали у помещиков всей общиной. Для помещиков выгодно было обеспечить себя трудом целой общины, вместо того, чтобы вступать в соглашение с каждым крестьянином отдельно.

Выполнение принятого крестьянами обязательства обеспечивалось круговой порукой общины.

Как широко была распространена отработочная система на территории Мордовии, свидетельствуют официальные данные и сообщения корреспондентов.

Так уездный статистик Романов сообщает, что в Темниковском уезде „на 36 тысяч десятин частновладельческой пашни в уезде не менее 28 тысяч десятин сдается в аренду местным крестьянам—следовательно, собственных владельческих запашек в уезде нужно предполагать не более 8 тысяч десятин. Нередко практиковалась частными землевладельцами уезда раздача крестьянам одной части своей пашни за выполнение всех работ на другой её части, оставляемой владельцами для ведения своего хозяйства. Нередко пользовались крестьяне пастбищем по владельческим полям и за это выполняли земледельческие работы. Так как всего по уезду землевладельческих запашек немного, то такие способы законтрактования для них рабочих, будучи обычными, распространёнными в уезде, оставляют уже мало случаев прямого денежного найма земледельческих рабочих" [2]).

Такое же положение наблюдается и в других районах Мордовии. Эти данные говорят о том, что и в 80-х годах преобладающей системой хозяйства в помещичьих имениях в Мордовии была отработочная система. Сущность отработочной системы, говорит В. И. Ленин, и состоит в обработке земли инвентарём окрестных крестьян, причём форма платы не изменяет сущности этой системы (будет ли это плата деньгами, как при издель-

1) Пензенский обл. архив, Ф. Губ. стат. Комитета, д. „Владенные грамоты".

1) В. И. Ленин, соч. т. V, стр. 105.
2) Сборник стат. сведений по Тамбовской губ. т. IV, стр. 72, Тамбов, 1883 г.

ном найме, или плата продуктом, как при испольщине, или плата землёй или угодьями, как при отработках в узком смысле слова [1]).

Отработочная система на территории Мордовии принимала самые разнообразные формы. Здесь имели место отработки за деньги инвентарём крестьянина, испольные и отработки в узком смысле—за землю и угодия.

Так крестьяне деревни Ивановка, Темниковского уезда, за взятую у помещиков пахотную землю в количестве 40 десятин обязались вывезти 120 кубических сажен дров из лесной дачи на фабрику владельца на расстоянии 6 вёрст [2]).

Большое распространение имела испольная аренда. Она также имела различные формы и чаще всего вся работа производилась съёмщиком, а урожай делился пополам. Цитированный уже нами статистик Романов, характеризуя условия испольной обработки крестьянами помещичьей земли, писал: „Съёмщик вывозит на взятую десятину навоз с усадьбы владельца, а иногда, если это договорено, и со своего двора, засевает ее обыкновенно наполовину своими, наполовину владельческими семенами. Вся обработка пашни, подсев семян и уборка урожая в большинстве случаев до молотьбы включительно, лежит на обязанности испольщика; владельцы обязывают иногда их еще и дополнительными работами, например, по уборке лугов, жнитву ржи на экономической запашке и т. д. За все это испольщики получают известную выговоренную часть урожая зерном, соломой, а в некоторых случаях только зерном, солома же идёт сполна в пользу владельца“ [3]).

А крестьяне деревни Девлетякова, Бутурлинской волости, в течение 7 лет снимая у помещика Енгалычева 155 десятин земли на испольных началах, должны были, кроме обработки и уборки урожая, возить дрова для экономии „из лесной дачи на расстоянии 15 верст. А за право пастьбы на арендуемой земле крестьяне выполняли особо 108 поденщин во время полевых работ“ [4]).

1) Ленин, соч. том III, стр. 142.
2) Сборник стат. сведений по Тамбовской губ. т. 4, стр. 148, Тамбов, 1883 г.
3) Стат. данные к оценке земель Тамбовской губ. вып. IV, стр. 120.
4) Сборник стат. свед. по Тамбовской губ. т. 4, стр. 148—149.

Особенно большое распространение испольная система имела среди мордвы. Известный исследователь жизни и быта мордвы в 80 х годах XIX века Майнов писал: „Мордва—народ, крайне любящий земледелие, а в большинстве случаев в земле то и чувствуется недостаток, поэтому народ всячески старается раздобыться каким бы то ни было образом землёй у окрестных помещиков. Подобные наемки делаются чаще всего из второго снопа (исполу), хотя и бывают особенно в малонадельных местностях случаи найма из третьего снопа, на что, например, охотно идёт эрзя Нижегородского, Арзамасского и Ардатовского уездов Нижегородской губернии, где аренда очень высока“ [1]).

Если землёй крестьяне были плохо обеспечены, то недостаток в пастбищных угодиях ощущался ещё больше. Так, например, в Ардатовском уезде луга составляли лишь 5,9 проц. площади всей крестьянской земли. Крестьянин не мог не только заготовить на зиму кормов, но и в летнее время некуда было выпустить скот, недостаток в пастбищных угодиях увеличивался с каждым годом всё больше. Основные причины недостатка пастбищных угодий у крестьян следующие: 1) во время реформы 1861 и 1866 годов у крестьян, наряду с землёй, отрезали большое количество луговых и пастбищных угодий, 2) обращение пастбищ под пашни, 3) выделение усадебных мест для выделявшихся дворов. За период с X ревизии 1858 года по подворную перепись 1882 года в Темниковском уезде количество дворов увеличилось с 11158 до 18272, т. е. на 7114 дворов. [2])

Малоземелье и отсутствие сенокосных и пастбищных угодий приводили к сокращению количества скота у крестьян. Даже помещики вынуждены были констатировать, что „скот большинства крестьян летом за недостатком пастбищ голодает, а зимой от бескормицы издыхает, если хозяин заблаговременно не подумает продать часть его, то часто оставался без коровы, иногда и без лошади. [3])

1) Майнов, Очерки юридического быта мордвы С.П.Б., 1885 г. стр 284.
2) Сборник статистич. сведений по Тамбовской губ. стр. 132, изд. 1883 г,
3) Труды Местных Комитетов о нуждах с/хоз. промышленности. Пензенская губ., С. П. Б., 1903 г., стр. 70—71.

По данным 80-х годов у помещичьих крестьян территории Мордовии было:

№ № п.п.	Название уездов	Всего лошадей	Всего коров	В среднем на 1 двор	
				Лошадей	Коров
1	Инсарский	12541	9683	1,3	1
2	Краснослободский	6710	6082	1,4	1,3
3	Наровчатский	3855	3689	1,3	1,2
4	Саранский	12800	9956	1,6	1,2
5	Спасский	3650	3865	1,3	1,2
6	Темниковский	10761	10996	1,3	1,3
7	Ардатовский	7105	7169	1,1	1,2
	Итого	57422	50940	1,3	1,2

Эта таблица показывает, что обеспеченность рабочим скотом бывших владельческих крестьян в Мордовии была крайне небольшая. Если на этой территории крестьянское хозяйство с двумя лошадьми нельзя считать признаком высокого хозяйственного положения, действительный размер крестьянского скотоводства на территории Мордовии не достигает даже этого минимума, кстати, эта цифра ниже средних губернских (Пензенской, Симбирской, Тамбовской), где в среднем на один крестьянский двор приходится 1, 6 лошади [1]).

Без скота же, особенно без рабочего, крестьянское хозяйство существовать не может. Поэтому крестьянин вынужден был снимать пастбищные угодия у помещиков и монастырей на крайне невыгодных для себя условиях. Помещики же, видя безвыходное положение крестьян, старались предъявлять им самые кабальные условия чаще всего в виде отработок. За арендуемые пастбища крестьяне Мордовии в большинстве случаев платили не деньгами, а работой: убирали урожай хлебов, сено, обрабатывали определённое количество десятин земли, вывозили навоз на помещичью землю, возили дрова из лесу в усадьбу помещика.

Так, статистик Романов в 80 году писал: „Общество крестьян дер. Заулок взяло в аренду на пять лет два сенокосных участка, но величина того и другого неизвестна. Первый участок взят исполу, т. е. крестьяне косят сено и половину сена отдают землевладельцу. За пользование вторым участком крестьяне обязались ежегодно выполнением разных работ, а именно: 1) засадить и пропахать (лошадьми землевладельца) 60 десятин картофеля, затем урожай картофеля на своих лошадях вывезти на хутор землевладельца, 2) вспахать и забороновать, засеять овсом 15 десятин, урожай скосить, связать, сложить в крестцы, свезти на гумно и там сложить в скирды, 3) в ржаном поле сжать, убрать и сложить урожай с 6 десятин, 4) в паровом поле обработать и засеять 50 десятин, 5) в лугах скосить траву на 50 десятинах, сено сложить, потом по требованию доставить на место.“[1]) В среднем каждый двор [2]) за „услуги“ помещика должен был посеять и убрать картофеля с 0, 47 десятины вспахать паровой земли и засеять рожью 0,38 десятины, скосить и убрать сена 0,38 десятины и кроме того убрать ржи и овса с площади 0,15 десятины. На такие кабальные условия могли идти крестьяне только при крайнем малоземелии и недостатке сенокосных и пастбищных угодий.

Такое положение было и в других районах Мордовии. Необеспеченность землёй и особенно сенокосными угодиями вынуждала крестьян идти к помещику в кабалу.

Группа колхозников д. Васильевки, Ковылкинского района, в своих воспоминаниях пишет: „Генерал Водар после уборки сена со своих сенокосных угодий в количестве 70 десятин представлял их нашему обществу на

1) Статистич. временник Российской Империи, Серия III, вып. 5, стр. 73, 76-77, С.-Петербург, 1855 г.

1) Сборник стат. сведений по Тамбовской губ., т. 4, стр. 157, Тамбов, 1882 г.

2) Всего дворов в д. Заулках по подворной переписи 1882 г. 129, во время реформы 1861 г. они получили 1, 7 десятины на 1 рев. душу, лугов совершенно не получили.

подножный корм. За это наше общество обязано было посеять ему 20—30 десятин гороха, сжать около 50 десятин ржи, вспахать пар и вывезти навоз из господского двора на его поля. Все эти виды работ нами распределялись между собой в зависимости от количества в каждом дворе скота. Единицей отработки—„черед", как мы ее называли, —судила корова или лошадь, 6 штук овец. подтелок приравнивался „полчереду". Отработки эти ложились тяжким бременем на каждого крестьянина. Достаточно сказать, что за каждый „черед" крестьянин нашей деревни обязан был вывезти из барского двора 4 кубических метра навоза, сжать 10 сажен ржи и т. д. В среднем на двор приходилось вывозить 20—25 возов, сжать около одной десятины ржи, посеять полдесятины гороху. Несколько раз просили мы помещиков уменьшить отработки, но ответ получили один: „Если не хотите вы на таких условиях снимать, то снимут Казеевские". Нужда заставляла соглашаться снимать опять на старых условиях"[1]).

Наряду с платой натурой помещики практиковали наём крестьян и за денежную плату. Наиболее распространённым видом найма за деньги был наём зимой. Цитированный уже нами статистик Романов писал: „Больше всего практикуется наемка крестьян на полевые работы осенью и зимой, потому что она бывает тогда дешевле, вследствие большого предложения рабочих рук крестьянами нуждающимися в задатках им денег на уплату податей"[2]).

Кроме отработок за землю и луга большим бременем на крестьянах лежали штрафы за потраву помещичьих посевов и лугов.

В обзоре Саранского уезда за 1879 год о причинах частых штрафов, уплачиваемых крестьянами помещикам, мы читаем: „Село окружено частновладельческой землей. Надел крестьян начинается за 200 сажен от села и тянется верст на 5. Штрафы за потравы очень часты."[3])

1) За этим сухим описанием кроется система, практиковавшаяся помещиками во время „Освобождения крестьян

1) Купряшкин, революция 1905-1907 г.г. на территории Мордовии, стр. 15, Мордгиз, 1941 г.
2) Там же стр. 16.
3) Пензенск. обл. архив, фонд губ. стат. комитета, д 274, л. 148.

от крепостной зависимости". Очень часты случаи, когда земля намеренно разверстывалась таким образом, чтобы поставить крестьян в необходимость пользоваться в господских имениях правом проезда, прогона, водопоя, выгона и т. д., т. е. граница частновладельческой земли подходила близко к селу, иногда даже окружала село с двух и даже с трёх сторон.

Если имение землевладельца примыкает к деревне, крестьянский скот не сведущих в межевых законах крестьян неизбежно переступает за роковую черту. И тогда, если его поймают (а это случается почти всегда), он арестовывается „на законном основании" и выдается хозяину только тогда, когда он заплатит за понесённые землевладельцем убытки. Чаще всего эти штрафы крестьяне за неимением денег выплачивали отработками на господских полях. Дабы избежать этих штрафов, обеспечить скот пастбищем, крестьяне вынуждены были на любых условиях снимать тот клочок земли, который находится за „роковой чертой".

„В старой Куриловке,—рассказывает в своих воспоминаниях колхозник Стянкин В. Т,—на 50 дворов было 18 лошадей и столько же коров. Но и эту скотину некуда на пастьбу выпустить—кругом барские дома да монастырские земли.

Позовет Серафим Африканыч [1]) и спросит:

—Гуляет скотинка то?

Мужики кланяются:—Где уж там гуляет. Овражистая улица— разве это выпас.

—Вы на монашеских пасите,—смеётся барин.

—Не только скотина, самим через ихнее поле пройти нельзя—урядник забирает.

— Двадцать пять телег с рыла,—скажет барин уходя.

Мы это понимаем, что к чему: каждый день 25 телег хлеба перевезти барину с поля, тогда и выпас будет.

И возили—деваться некуда"[2]).

„Штрафы,—пишет в своих воспоминаниях колхозник с. Паньжи, Ковылкинского района, Голосков Я. И.,—взимались деньгами, но большинство крестьян, не имея денег,

1) Помещик Теплов.
2) Рукописный фонд Морд. Научно-исследоват. института, папка „воспоминания".

вынуждены были за пойманную корову или лошадь отработать на помещика 6—7 дней"[1]).

Таким образом, мы можем констатировать, что отработочная система на территории Мордовии вплоть до XX в. была сильно распространена и основное содержание её заключалось в том, что обработка помещичьих полей велась крестьянами, главным образом, бывшими крепостными того же самого помещика, который во время реформы 1861 г. отрезал у крестьян ту часть земли, без которой крестьянское хозяйство невозможно вести. Обработка помещичьих полей велась крестьянами своим инвентарём. Отработочная система является системой кабальной эксплоатации забитого нуждой крестьянства. Эта система приводила к тому, что отработочный наём был по оплате всегда ниже вольнонаёмного.

Несомненно, эта система задерживала развитие производительных сил сельского хозяйства. Дешёвая рабочая сила крестьянина, привязанного к клочку нищенского надела, приводила к тому, что помещики не спешили вводить усовершенствованные сельскохозяйственные машины и орудия. Находясь среди моря безземельного и малоземельного крестьянства, помещичьи имения не блистали образцовым хозяйством. Они не служили рассадником новейших способов обработки земли и использования новых усовершенствованных сельскохозяйственных орудий. Больше всего на их полях процветала трёхпольная система, как и на крестьянских полях, где основными орудиями обработки земли были деревянная соха и борона.

Краснослободский уездный исправник, характеризуя помещичье хозяйство в 1889 году, писал: „Для обработки земли усовершенствованных орудий не заведено, исключая трёх или четырёх хозяйств, в которых хотя и есть плуги, но в самом незначительном количестве и употребляются они более для пашни нови или залежей. Жатвенных машин нет, для обделки хлеба в некоторых имениях молотильные и веяльные машины заведены"[2]).

Таким образом и через 30 лет после отмены крепостного права в помещичьем хозяйстве господствуют крестьянская соха и деревянная борона. Даже те помещики

1) Рукописный фонд морд. Научно-исследоват. института, папка „Воспоминания".

2) Пензенск. обл. архив. Фонд губ. стат. комитета, д. 207. л. 23.

которые в первые годы после реформы 1861 года начали было вводить сельскохозяйственные машины, начали обратно возвращаться к труду крестьянина с его убогой техникой. Об этом пишут сами помещики. Так помещик Пукалов из с. Березников в записке на имя Симбирского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности писал: „Мы убедились, что производство зерна нам обходится дороже чем у соседей стариков, ведущих хозяйство более примитивным способом. Понемногу изломанные машины сдавали в архив и в настоящее время, кроме паровых молотилок, которые существуют почти во всех больших имениях, другие усовершенствованные орудия встречаются только или у начинающих хозяйничать, или в имениях, где хозяйство ведется как спорт, а не для доходов" [8]).

Таким образом, реформа 1861 года основательно подорвала барщину, но целиком и бесповоротно не уничтожила её. Осталось чрезвычайно многое от старой барщинной системы в виде отрезков, за которые крестьяне вели отработки тем же помещикам. Но отработочная система как пережиток барщинной разлагалась, уступая дорогу капиталистическому способу производства.

В. И. Ленин в статье „Аграрный вопрос в России к концу XIX в." писал: „Отработки,—это переход от барщины к капитализму"[2]). В результате сложившейся обстановки к концу XIX в. и на территории Мордовии помещики начинают переходить к капиталистическому способу производства. Начинают в значительных размерах применять вольнонаёмный труд, вводить машинную обработку полей, переходить к интенсивному животноводству, к развитию технических культур и их промышленной переработке и т. д.

Из обзора Краснослободского уезда за 1889 год мы узнаём, что из 65 землевладений, имеющих земли свыше 50 десятин, „19 отдается на срок в аренду, в 15—практикуется обработка земли испольно и через наемных рабочих, в 14 имениях часть земли отдается подесятинно в наем часть обрабатывается испольно, в 5 имениях практикуется хозяйство совершенно смешанное: часть отдается

1) Труды местных комитетов о нуждах с/х промышленности, Симбирск. губ. С. П. Б., 1903 г. стр. 119

2) В. И. Ленин, соч. т. XII, стр. 227.

в наем, часть обрабатывается наемными рабочими и часть исполу, в 12 небольших имениях обработка прозиводится исключительно через наем рабочих“[1]).

Такое же положение наблюдается и в других районах Мордовии. Это уже было шагом вперёд по пути развития капиталистического способа производства.

РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА И ПОЛОЖЕНИЕ БЕДНОТЫ.

Рассмотренное выше покззывает нам, что помещики, много выигравшие от реформы, не пошли целиком по капиталистической дороге, в большинстве своём они очень крепко цеплялись за отработочную крепостническую систему. Если так обстояло дело с помещиками, монополизировавшими огромнейшие площади такого средства производства, как земля, и получившими громадные суммы денег от повыкупного платежа, то крестьянское хозяйство находилось в прямо противоположном положении.

Крестьянин вышел из реформы с сильно урезанными наделами. Если на территории Мордовии[2]) 946 помещиков сохранили в своих руках после реформы 470252 десятины, то на долю 40274 крестьянских дворов, бывших помещичьих, осталось только 236028 десятин. На этих землях 40 тысяч крестьянских дворов и должны были развивать своё хозяйство. Совершенно очевидно, что такой площади земли для ведения свободного самостоятельного земледелия было далеко недостаточно. На наделах, которые получали крестьяне, трудно было вести самостоятельное хозяйство. Свыше 80 проц. ревизских душ бывших владельческих крестьян Мордовии имели наделы до 3 десятин. Такой надел являлся наделом не свободного и самостоятельного землевладельца, а прикреплённого к земле кабального арендатора, отработчика, вынужденного всей обстановкой лезть в кабалу к помещику. Получилось двойственное положение. В. И. Ленин в статье „По поводу юблея“ писал: „Поскольку крестьянин действительно, а не номинально только, освобождался от крепостных отношений /суть их: „отработочная рента“, т. е. работа наделенного землей крестьянина на помещика/, постольку он вступал

1) Пензенский Обл. архив, ф. губ, стат. комитета, д. 207, л. 22.
2) Берётся 6 уездов, т. к. по Ардатовскому уезду сведений нет.

в обстановку буржуазных общественных отношений“[1]). Но поскольку „надел“ был так мал, так обременен чрезмерными платежами, так неудачно для крестьянина и „удачно“ для помещика отмежеван, что „надельный “крестьянин неминуемо попадал в положение безысходной кабалы, оставался фактически в крепостнических отношениях, отрабатывал ту же барщину /под видом аренды за отработки и т. п.“[2]).

Получилось противоречие в самом крестьянстве. Это не могло не определить дальнейшего положения и путей развития крестьянского хозяйства. Оно на территории Мордовии, где крестьяне мало получили земли, дорого за неё заплатили, благодаря чему крепостнические пережитки были сильны и долгое время сохранялись, пошло по капиталистическому пути, хотя капитализм сюда проникал медленнее и мучительнее, чем в других районах России.

Насколько было развито классовое расслоение в деревнях Мордовии показывают статистические данные 80-х годов.

По этим данным надельная земля в 6 уездах распределялась: [3])

№№ п. п.	Надельной земли на двор	Количество дворов		У них земельных угодий		
		В абсолютн. числах	В % к общему числу двор.	В абсолютных числах в дес.	В % к общ. колич. надел. земли.	В сред. на 1 двор (в дес.)
1	До 3 десятин . . .	6260	7,1	11463	1,1	1,9
2	От 3 до 6 десятин	6211	7,2	32823	3,8	5,3
3	От 6 до 10 десятин.	25077	28,6	201917	20,5	8,2
4	От 10 до 15 десят.	29432	33,5	346364	35,5	11,7
5	От 15 и выше . .	20730	23,6	388168	39,8	18,7
		87710	100	980745	100	11,7

1) Ленин. соч. т. XV, стр. 95.
2) Там же.
3) Таблица составлена на основе материалов „Статист. поземельной собственности и насёленных мест Европейской России“, вып. I, С. П. Б., 1880 г.

Разница в распределении надельных земель очень большая. Первые три группы, вместе взятые, составлявшие 42,8 проц. всех крестьянских дворов этих уездов, имели в своём распоряжении 25, 1 проц. площади всех надельных земель этих уездов. В среднем на один двор приходилось 6, 5 десятин всех земельных угодий. Если при этом учесть, что пахотной земли здесь было всего 74 проц., т. е. 728 825 десятин, и на один крестьянский двор земли было лишь 4, 8 десятины, из которых при трёхпольной системе ежегодно 1/3 находилась под паром, будет вполне очевидно, что 37548 или 42, 8 проц. всех крестьянских дворов, представлявших собой деревенскую бедноту и маломощных середняков, никакого самостоятельного хозяйства вести не могли.

Наоборот, последняя группа, составлявшая 23,6 проц. всех крестьянских дворов, имела в своих руках 338 168 десятин, т. е. 39,8 проц. всей площади надельных земель (или по 18,7 десятин на каждое хозяйство). О наличии большой классовой диференциации в деревнях Мордовии также свидетельствует неравномерное распределение рабочего и крупного рабочего рогатого скота между отдельными группами крестьянства. Эти данные мы берём по двум уездам: Темниковскому и Спасскому. По материалам подворной переписи 1882 г. в этих двух уездах рабочий скот распределялся: [1])

№ № п. п.	ЗНАЧЕНИЕ СТРОК	Количество дворов		У них лошадей	
		В абсолют. числе	В % к общему числу лошадей	В абсолют. числе	В % к общему числу лошадей
1	Безлошади.	8393	25,3	—	—
2	С одной лошадью . . .	13197	39,9	13197	30,9
3	С двумя лошадьми . .	7485	22,6	14970	35,0
4	С тремя лошадьми . .	2599	7,9	7797	18,4
5	С четырьмя лошадьми .	1435	4,3	6723	15,7
		33109	100	42687	100

[1]) Купряшкин. Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовии, стр, 27.

Эти цифры показывают, что 25 проц. всех крестьянских дворов этих уездов были безлошадными.

Без рабочего скота нельзя вести хозяйство, поэтому крестьянин вынужден сдавать свою надельную землю в аренду и идти или батрачить **на богатого крестьянина и помещика**, или искать работу на стороне.

В. И. Ленин, характеризуя безлошадного крестьянина, писал: „Безлошадный крестьянин это—такой, который стал уже совсем неимущим. Это—пролетарий. Живет он (покуда живет, и вернее сказать, что перебивается, а не живет) не землей, не хозяйством, а **работой по найму**. Это—родной брат городского рабочего“ [1]). Следующей за безлошадными крестьянами стоит группа однолошадных крестьян, которых по данным 80-х годов на территории Мордовии было 40 проц. к общему количеству крестьянских хозяйств.

Однолошадные крестьяне как самостоятельные хозяева также обречены на гибель, которая настигает их в конце концов. В надежде избежать хозяйственной катастрофы однолошадный крестьянин, выбиваясь из последних сил, старается достать в аренду землю, обрабатывая которую до поры до времени кое-как перебивается.

По данным 80-х годов [2]) в Темниковском уезде из 6947 однолошадных крестьян прибегали к аренде земли 3470 хозяйств, т. е. 49,9 проц. всех однолошадных крестьянских хозяйств. Ими было снято земли 11799 десятин, т. е. в среднем по 3,4 десятины на один двор.

Такое же положение было и в других районах Мордовии. Для различных крестьянских групп земельная аренда имеет совершенно неодинаковое экономическое значение. Она имеет резко выраженный классовый характер. Зажиточная часть, крестьянская верхушка, деревенская буржуазия, ведущая своё хозяйство на основе применения наёмного труда, арендует землю для массового производства сельскохозяйственных продуктов на рынок. Аренда земли бедняками вызвана нуждой, малоземельем. Она носит характер продовольственной, голодной аренды—ради того, чтобы прокормиться. Эта аренда—форма эксплоатации бедного крестьянина.

---

1) В. И. Ленин, соч. т. V, стр. 282.

2) Сборник статист. сведений по Тамбовской губ., т. 4, Тамбов, 1883 г.

Степень участия крестьян в арендовании частновладельческих и казённых земель прямо пропорциональна их хозяйственной самостоятельности: те, которые имеют большой надел и держат большое количество скота, арендуют и большую площадь вненадельной земли, те, надел которых мал и у которых мало скота, арендуют незначительное количество земли т. е., чем сильнее крестьянин нуждается в земле, тем меньше она ему доступна. Вненадельные аренды ведут к расширению пропасти в крестьянской среде между многоимеющими и малоимущими, ускоряют и усиливают диференциацию крестьянства. Это подтверждается и тем, что чем больше арендуется площадь земли, тем дешевле она арендатору и наоборот, чем меньше арендуемая площадь, тем она дороже для арендатора.

Приводим таблицу, составленную по стат. материалам 80-х годов по Саранскому, Краснослободскому и Инсарскому уездам:

№№ по порядку	Группы дворов	% арендующих дворов	Сколько десятин пашни на арендующий двор	Арендная цена за 1 десят.
1	У засевающ. до 6 дес.	24	2,3	12,75
2	От 6 до 10 дес. . .	45	3,5	10,25
3	От 10 до 20 дес. . .	64	7	7,50
4	От 20 до 50 дес. . .	79	20	5,75
5	Свыше 50 дес. . . .	98	47,5	5,50

Эти цифры показывают, что только часть (24 проц.) бедноты имеет возможность прибегать к аренде земли, между тем, почти вся деревенская буржуазия прибегает к аренде, причём аренда одной десятины ей обходится больше чем в два раза дешевле десятины земли, арендуемой беднотой.

Высокие арендные цены для бедноты объясняются и тем, что сильная крестьянская нужда выдвинула особый тип посредников между землевладельцами или крупными

арендаторами и мелкими съёмщиками—крестьянами. Это —богатый мужик, снимающий по сравнительно недорогой цене участок земли у помещика или купца, передающий его по мелочам нуждающимся в земле крестьянам. Переходя через руки двух посредников, земля, разумеется, достаётся мелкому съёмщику по неимоверно высокой цене.

Статистик Романов из Темниковского уезда в 1882 году писал: „Годов 10 тому назад один из местных крестьян, явившись поверенным от села для возобновления аренды, заключил договор с конторою монастыря на свое имя и теперь весь съёмный участок в 1200 десятин находится в полном его распоряжении. Этот арендатор платит монастырю за 1200 десятин 1500 р. в год, т. е. 1 руб. 25 коп. за десятину. Он распределяет землю на участки разной стоимости и сдаёт их общинам села ценою от 1 до 7 рублей за десятину. Собственно, раздает он землю и не общинам, а товариществам или группам домохозяев, какой сколько найдет возможным отдать по своей расценке. Крестьяне заявляют, что в среднем выводе они платят арендатору по 4 рубля за десятину. Земля большею частью плохая. По ней крестьяне пасут свою скотину“ [1]).

Землевладельцы предпочитали иметь дело с более крупными и кредитоспособными арендаторами, представляя последним все хлопоты по сбору платежей с мелких суб-арендаторов. Крестьяне, непосредственные землевладельцы, часто совершенно не знают чью землю они фактически арендуют.

Член Саранского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в докладной записке комитету писал: „Более сильные наперерыв с беднотой стараются захватить сдаваемую землю в одни руки, потом уж за более высокую цену и трудные обязательства по договору об уплате аренды сдают беднякам выбрав сперва для себя лучшую землю“ [2]).

Только малоземельный крестьянин, надельная земля которого далеко не обеспечивает потребности хозяйства

1) Сборник статистическ. сведений по Тамбовской губ., т. 4, Тамбов, 1883 г. стр. 150.

2) Труды местных Комитетов о нуждах с/х промышленности. Пензенская губ., стр. 152.

семьи, вынужден на таких условиях арендовать землю через вторые руки. Отсюда беспрерывно растёт экономическая зависимость бедняка от зажиточного мужика, скупавшего или бравшего в аренду землю у ближайшего землевладельца.

С повышением цен на хлеб, особенно в конце XIX в., когда по территории Мордовии была закончена прокладка железнодорожной линии от Рязани до Казани и от Пензы до Рузаевки, сильно повысились арендные цены на землю. Несмотря на невыгодность положения, в котором оказывались мелкие арендаторы-землевладельцы, они вынуждены были арендовать землю и по высоким ценам. Многие из крестьян мелких арендаторов арендой только ускоряли разорение своего хозяйства

Об этом откровенно сказал один из членов Ардатовского уездного Комитета о нуждах с/хоз. промышленности А. Сахаров.

В докладной записке „О реорганизации системы продовольственной помощи, как меры к поднятию с/хоз промышленности", он писал, что аренда земли для крестьянина „представляет доходный промысел лишь в урожайные годы. Но и при таких обстоятельствах крестьянину остаётся обыкновенно кроме стоимости обработки земли лишь паровой корм для скота. При неурожаях же, когда у арендатора пропадают и труд, и семена, и арендованная плата, это занятие приводит крестьянина лишь к излишней задолженности" [1]).

Немногим беднякам удавалось более или менее продолжительное время сохранять свою самостоятельность и кое-как перебиваться Большинство же крестьян, главным образом, однолошадников, по окончании сельскохозяйственных работ старается подыскать где либо работу для того, чтобы, заработав деньги, подправить своё хозяйство и обеспечить свою семью. На территории Мордовии такие крестьяне в значительном количестве работали у владельцев винокуренных заводов на своих лошадях перевозили спирт на станцию ближайшей железной дороги или в город.

Больше всего крестьяне работали у лесопромышленников, перевозя строевой и дровяной лес из лесных дач

---

[1]) Труды местных Комитетов о нуждах с/х промышленности. Симбирск. губ., стр. 272.

до железнодорожной станции или пунктов сплава. В материалах к всеподданнейшему отчёту Пензенского губернатора по Инсарскому уезду говорится: „Крестьяне, не могущие приложить свой труд в хозяйстве, целую зиму вместе со своей лошадью работают на лесных разработках у местных лесопромышленников" [1]).

По данным подворной переписи 1882 года в двух уездах (Темниковском и Спасском) количество лесорубов, работающих у местных лесопромышленников, было 3359 человек и 2262 извозчика, причём все они, за исключением 38 домохозяев, были крестьяне, имеющие надельную землю. Но, поскольку надельная земля их ни в какой степени не обеспечивала, часть времени года они вынуждены были работать по найму.

Такое же положение было и в других районах Мордовии, когда крестьянин-бедняк со своей лошадью половину года работал по найму.

В. И. Ленин, характеризуя однолошадного крестьянина писал: „Однолошадный крестьянин, как и безлошадный, тоже только „заработками" и перебивается. А что это значит,—„заработки"? Это значит работа в чужих людях, работа по найму. Это значит, что однолошадный крестьянин на половину перестал быть хозяином, а стал наймитом, пролетарием. Вот почему таких крестьян и называют **полупролетариями**. Они тоже родные братья городского рабочего, потому что их тоже обирают на все лады всякие хозяева" [2]).

Зачастую бедняк не мог найти себе работу и со всей семьёй отправлялся „по куски", нищенствовать.

При этом интересно отметить, что большая часть нищих была из числа крестьян, имеющих земельные наделы. Так по данным подворной переписи 1882 года в Темниковском и Спасском уездах из общего количества нищих 78,5 проц. были такие, которые, сняв урожай со своей земли, продав весь хлеб для уплаты налогов, вынуждены были кормиться кусочками, собираемыми помиру.

На втором полюсе деревни растёт мощное крестьянское хозяйство, которое за счёт разорения основной мас-

---

[1]) Пензенский государствен. архив, ф. канцелярии губернатора, д. 87, л. 142.

[2]) Ленин Соч, т. V, стр. 283.

сы крестьянства, всё больше и больше богатеет, становясь деревенской буржуазией, оно всё больше и больше концентрирует в своих руках производительные силы деревни: землю, скот и инвентарь. Данные статистики по земельной собственности за 80-е годы показывают, что в 4 уездах (Саранском, Инсарском, Краснослободском и Наровчатском) было 500 крестьян, которые имели частной земельной собственности более 10 десятин на двор, причём 77 из них имели свыше 50 десятин каждый, а 8 хозяйств имели около 300 десятин каждый" [1]).

Таким образом, крестьянская верхушка деревни, имея более высокую обеспеченность надельной землей, арендуя частновладельческие и казённые земли, владела и купчими землями. На этом не исчерпывается мобилизация земель деревенской буржуазии. Помимо покупки и аренды земель частновладельческих и казённых всё больше получает распространение другой вид земельной аренды, классовый характер которой бросается в глаза с первого же взгляда. Это—аренда крестьянских надельных земель, которые также имеют цель расширения и упрочения своей и без того прочной хозяйственной самостоятельности деревенской буржуазии. Надельная земля беспрепятственно ускользает из рук маломощных крестьян и сосредотачивается в руках крестьянской буржуазии и кандидатов в оную. Следовательно, аренда земли здесь играет роль фактора, ускоряющего процесс распадения крестьян на имущих и неимущих. Середину между двумя крайностями, т. е. между хозяевами и наёмными работниками—пролетариями и беднотой, занимает переходное звено—крестьяне, которые в одно и то же время являются и хозяевами, и наёмными работниками. Так как земля здесь обрабатывается трудом её владельца, то земледельцу полагается держать скот. Мы знаем, что для образования сильного крестьянского двора необходимо около 15 десятин земли и около 3 лошадей, рассматриваемый же здесь промежуточный класс имеет 8,6 десятин пашни и в среднем две лошади на одно хозяйство. Не имея необходимой обеспеченности землёй, он вынужден приобретать её при помощи аренды или исполу, или же часть времени вместе со своими лошадьми работать на посторонних работах

[1]) „Статистика поземельной собственности и населённых мест", 1880 г.

и зарабатывать средства для обеспечения своей семьи и своего хозяйства.

В. И. Ленин, характеризуя среднее крестьянство писал: „Промежуточным звеном между этими пореформенными типами „крестьянства" является **среднее крестьянство.** Оно отличается **наименьшим** развитием товарного хозяйства. Самостоятельный земледельческий труд разве лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях покрывает содержание такого крестьянства, и потому оно находится в крайне неустойчивом положении. В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того чтобы не искать „подсобных" сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы и т. д. Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата. По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удается попасть лишь небольшому меньшинству счастливцев, и между низшей, в которую ее сталкивает весь ход общественной эволюции "[1]).

Таким образом деревенская буржуазия оттесняет не только бедняка, но и середняка. „Происходит специфически свойственное капиталистическому хозяйству вымирание средних членов и усиление крайностей—„раскрестьянивание"[2]).

Как быстро шёл процесс разложения крестьянства на территории Мордовии во второй половине XIX в. сказать трудно, т. к. мы не имеем полных статистических данных, которые можно было бы сопоставить с данными первого десятилетия послереформенного периода. Также мы не можем сказать и о том, где быстрее шёл процесс разложения,—среди мордовского крестьянина или среди русского. Но все данные об экономике деревни Мордовии свидетельствуют о том, что во второй половине XIX в. идёт непрерывный процесс разложения крестьянства: с одной стороны крестьяне, оставляя свои надельные земли, превращаются в безземельных и безлошадных, бегут в города, с другой стороны, богатые крестьяне

1) Ленин, соч. т. 111, стр. 131—132.
2) Ленин, соч. т. 111, стр. 132.

покупают землю, увеличивают своё хозяйство, превращаются в деревенскую буржуазию.

О сравнительно быстром процессе разложения крестьянства на территории Мордовии может свидетельствовать сопоставление таких данных: по данным земской статистики 1897—1898 г. процент безлошадных хозяйств (по Темниковскому и Спасскому уездам) вместо 25, 3 в 1882 г. стал 32, 5, процент хозяйств с тремя и более лошадьми вместо 12,2 стал 14, 5. Зато процент однолошадных хозяйств сократился с 39,9 до 33,4 и двухлошадных — с 22,6 до 19,6.[1])

Эти данные наглядно показывают типичный для капитализма закон, когда основная масса крестьянства разоряется и за её счёт меньшинство, верхушка деревни обогащается.

Крестьяне массами разоряются, теряют свои наделы и скот или сохраняют их лишь ценой долгов, которые толкают их во власть ростовщика.

Ростовщичество в деревнях Мордовии принимает совершенно невероятные размеры и формы. Зарегистрировано большое количество случаев, когда ростовщический капитал берёт более 100 проц. Ростовщики зачастую тесно связаны с помещиком. „Рассказывают,—писал Майнов,—что ростовщики нередко берут четверик на четверть, да на каждую четверть по 5 рабочих дней, так что при займе в 50 рублей, при цене ржи в 6 рублей за четверть, должник уплачивает в полгода процентов 36 рублей 75 коп., а на сто рублей в год одних процентов 147 рублей. И все-таки берут и на этих условиях, когда нужда заставляет“[2]).

К концу XIX в. сельское хозяйство Мордовии стало на капиталистический путь. Сложилась значительная кулацкая прослойка. В сёлах и деревнях появилась многочисленная крестьянская беднота и батраки, лишённые собственного хозяйства. Таким образом, переходные группы полухозяев, полурабочих, силами и инвентарём которых обрабатывалась раньше большая часть помещичьих земель, ходом экономического развития вытеснены в разряд пролетариев.

---

1) Купряшкин, Революция 1905—1907 г г. на территории Мордовии, Мордгиз 1941 г., стр. 27.

2) Майнов, Очерки юридического быта мордвы, стр. 241.

А раз работник, работавший раньше с своим инвентарём, сделался пролетарием, то и помещичьи земли должны по необходимости обрабатываться трудом вольнонаёмных рабочих, тем самым хозяйство помещиков должно переходить к капиталистической системе.

На экономическое развитие Мордовии большое влияние оказало строительство железных дорог на её территории. В 1893 г. вошёл в действие участок Московско-Казанской железной дороги от Рязани до Казани. В 1898 году началось движение Рузаевка—Пенза, в 1896 г.—Горький—Саранск.

Продукты с/х., ранее в небольшом количестве отправлявшиеся по р. р. Сура и Мокша, стали перевозиться по железной дороге. В 1894 году, т. е. в первом же году открытия движения по линии Казань—Москва, станция Торбеево отправила 8 тысяч пудов хлеба в зерне, 45 тыс. пудов муки, 49 тыс. пудов семян, 12 тыс. пудов конопляного и льняного масла, 35 тыс. пудов пеньки и т. д. [1])

Очень большим был грузооборот станции Саранск. По данным Саранской городской думы в 1897 году со станции Саранск было отправлено 400 тыс. пудов овса, около 500 тыс. пудов ржаной муки, до 700 тыс. пудов гороха, около 300 тыс. пудов мяса, 100 пудов льняного масла и т. д. Всего же со станции Саранск в 1897 г. было отправлено 2 мил. 770 тыс. пудов. Разгружено на станции Саранск (в этом же году) муки пшеничной до 500 тыс. пудов, текстильных товаров 80 тыс. пудов, галантерейных товаров 5000 пудов и других товаров 603 тыс. пудов. А всего было привезено и разгружено на станции Саранск 1 миллион 198 тысяч пудов. [2])

Таким образом, проведение железных дорог способствовало усилению товарного обращения и росту денежного хозяйства. Это в свою очередь усиливало классовое расслоение в деревне Мордовии.

К власти помещиков, угнетавших крестьян, прибавилась власть капитала, власть денег. „Эта власть денег,—писал Ленин,—всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей,

---

1 Романов Грунтовые дороги Тамбовской губ. и современное значение, стр. 240, Тамбов 1898 г.

2) Госархив МАССР, ф. 20, д. 377., л 108—109.

увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба и проч."[1])

Крестьянин должен был платить государственные платежи, выкупные платежи, земские сборы, общественные сельские и волостные сборы. В среднем один крестьянский двор в Мордовии уплачивал свыше 20 рублей. Эта сумма значительно превышала доход от надела большинства крестьян: этим и объясняется, что „крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже откупаясь от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность" [2]).

Насколько тяжелы и разорительны были налоги для основной массы крестьянства свидетельствует тот факт, что большинство крестьян Мордовии для того, чтобы уплатить годовой оклад налогов вынуждено было продать половину, а некоторые и весь урожай хлеба. Продав свой хлеб для уплаты податей осенью, когда в связи с большим предложением его на рынке цены невысоки, крестьянин вынужден голодовать или покупать себе хлеб в течение года по ценам в два и больше раза дороже. „Под давлением нужды в деньгах для платежа податей,—пишет исследователь Пензенской губернии Бурлуцкий,—крестьянин тотчас же после уборки хлеба, везет его на ближайший базар и продает несмотря на то, дорого или дешево цена, ибо выжидать ему нельзя. Такое положение вещей ведёт к тому, что осенью все базары запружены крестьянским хлебом, цены падают, а затем подвоз начинает сокращаться, требование же растёт, крестьянин, продавший осенью рожь по 4 рубля четверть, весной свою же рожь покупает по 6 рублей четверть, а то и дороже или голодает" [3]).

Дабы освободиться от разорительных налогов, многие крестьяне за бесценок отдавали свои наделы. Так, в мордовской деревне Пичевки многие крестьяне свои наделы сдавали „дешевле следующих за нее податей и сборов, иногда за половину подушных окладов"[4]).

1) Ленин, соч, т. 1У, стр. 101.
2) Ленин, соч, т. 1У, стр. 101—102.
3) Бурлуцкий, Обзор Пензенской губ. в с/х. отношении, стр. 101.
4) Сборник стат. сведений по Тамбовск. губ. т. У, стр. 2—3.

А в некоторых волостях Темниковского уезда крестьяне свой надел отдавали меньше, чем за половину подушного оклада. Так, в селе Лаврентьевка отдается душевой надел и за 3 рубля, а податной оклад более 10 рублей [1]).

Вследствие того, что доходы от земли не покрывали расход по ведению хозяйства, крестьянин накоплял недоимки, которые неизбежно влекли за собой публичную продажу его имущества и телесное наказание. Недоимки являлись, стало быть, своего рода дамокловым мечём, постоянно угрожающим самому существованию крестьянского хозяйства.

Чтобы избежать этого, многие крестьяне отказывались от земельных наделов. Так, при переделе земли в 1881 году многие крестьяне мордовской деревни Пичевки, Спасского уезда, „от надела, ввиду его убыточности, отказались"[2]).

Сдав свой надел, или отказавшись от него, крестьяне массами отправляются на поиски работы за пределы своего края. Так, по данным 1880-х годов, из Темниковского и Спасского уездов уходило 12509 человек на отхожие заработки в различные районы страны. Количество отходников ежегодно увеличивалось. Об этом свидетельствуют сопоставленные цифры двух годов: если в 1881 г. было выдано годовых паспортов 2238 [3]), то в 1902 г. годичных паспортов в этих уездах было выдано 30338 [4]).

Из Саранского уезда, по данным Пензенского статистического комитета, в 1892 году на отхожие заработки, преимущественно на сельскохозяйственные работы, согласно полученных паспортов, уходило 18127 чел. [5]).

Из всей же Мордовии к концу XIX в. уходило на заработки около 100 тыс. человек. Вторая часть разорившегося крестьянства оставалась на месте, работая батраками у местных кулаков и помещиков. Характер и категории сельскохозяйственных рабочих в Мордовии были разнообразны. Здесь можно встретить безземельных батраков, мелких крестьян с карликовым наделом, имеющих свой рабочий скот, вместе с которым они нанимаются на работу, и т. д.

1) Сборник стат. сведений по Тамбовск. губ., I. V, стр. 2—3.
2) Сборник стат. свед. по Тамбовской губ., т. V. стр. 7—8.
3) Там же, стр. 100 т. IV стр. 138.
4) Сборник-календарь Тамбовск. губ. на 1903 г., стр. 45.
5) Пензенский обл. архив, ф. 9. 237, м. 4.

В отношении форм и оплаты труда сельскохозяйственным рабочим обычно преобладала подённая оплата. Значительно реже, чем подённая оплата, встречаются другие повременные формы оплаты труда—помесячная, сезонная. Ещё реже был наём сельскохозяйственных рабочих на год.

Что касается размеров зарплаты батраков, то для того, чтобы получить об этом правильное представление, необходимо в первую очередь учесть, что сельскохозяйственные рабочие на территории Мордовии почти никогда и нигде не работали круглый год. Они работали большей частью лишь сезонно, остальное же время года обычно были обречены на безработицу. Этим и объясняется то положение, что летом за молотьбу „работник получил 30—40 коп., работница 20—25 коп. (при своей пище), зимою—работник 20 коп., работница 12 коп.“ [1]). Такое же положение батраков было и в других районах Мордовии. На положение батрака оказывало громадное влияние наличие крепостничестких пережитков в деревне. Это приводило к тому, что наниматель рассматривал батрака как человека, над которым можно было издеваться так же, как было при крепостном праве.

Положение основных масс крестьянства Мордовии к концу XIX в. становилось невыносимо тяжёлым. Это и порождало в среде крестьян недовольство, брожение и революционные выступления, которые не прекращались на протяжении всего пореформенного периода. Правда, размер движения был меньше, чем в период реформы 1861 года. Тогда обманутое, ограбленное крестьянство Мордовии сотнями восстаний ответило на реформу. Эти выступления, лишённые пролетарского руководства, разрозненные и неорганизованные, были подавлены силами самодержавно-полицейской реакции.

Оказвшись между двух огней—многочисленными пережитками крепостничества и наступающим на старую патриархальную деревню хищническим капитализмом—крестьянские массы не смогли с прежней энергией и размахом вести борьбу против помещиков и государственного военно-полицейского аппарата.

---

1) Сборник стат. сведений по Тамбовской губ. т. 5, стр. 80.

В деревню всё больше и больше проникали идеи отбора земли у помещиков и прекращения уплаты податей. В одном из писем рядовой солдат 83 пехотного полка Линкеев Федор в июле 1881 г. своему брату в с. Протасово, Саранского уезда, писал: „... от господ земля отбирается, а подушной не будет 5 лет. Это верно“ [1]).

Волостной старшина, посылая копию этого письма уездному исправнику, писал, что крестьяне Протасовской волости в ожидании этого прекращают уплату податей и других видов налогов. Подобного рода противодействия правительственным мероприятиям имели место и в других районах. Насколько распространена была среди крестьян идея отбора у помещиков земли, дополнительной прирезки не к душевным наделам и прекращения уплаты податей может свидетельствовать тот факт, что в 1881 году Пензенский губернатор уездным земским начальникам предложил: „Предлгаю Вам возможно чаще делать объезды по селениям, в особенности в тех местностях, где по тем или другим обстоятельствам, возможно предполагать возбужденное настроение умов. Главное внимание должно быть обращено на опасные слухи о разделе земли, дополнительных наделах и т. п. [2]).

Несмотря на меры, принимаемые со стороны местной власти, борьба крестьян против помещиков к концу XIX в. усиливается. Основными формами борьбы крестьян в этот период были, главным образом, потравы частновладельческих хлебов, самовольная порубка леса и т. д.

Так, в августе 1885 года пристав 2-го стана Темниковского уезда сообщил уездному исправнику, что крестьяне с. Нарышкино производят систематическую потраву хлебов на монастырских полях “[3]).

В 1886 г. крестьяне д. Полянки и Жегалова в лесной даче Саровското монастыря произвели самовольную порубку леса [4]). Материал последующих годов свидетельствует о том, что самовольная порубка леса в дачах Саровского монастыря систематически производилась вплоть до 1891 года, когда, с целью усиления охраны

---

1) Гос. архив МАССР, ф. 34, д. 14, л. 231.
2) Гос. архив МАССР, ф. 34, д. 14, л. 171.
3) Гос. архив МАССР, ф. 1, д. 1150, л. 6.
4) Гос. архив МАССР, ф. 1, д. 1162, л. 6.

имущества монастыря при нём был организован особый полицейский участок, Хотя после этого порубка леса уменьшилась, но не прекратилась.

Наряду с такой формой борьбы на территории Мордовии имели место поджоги помещичьих имений. В сентябре 1885 года пристав 2 стана Темниковского уезда уездному исправнику сообщил о поджоге нескольких стогов сена, принадлежащих монастырю. Крестьяне с. Нарышкина грозили поджечь лесопильный завод монастыря "[1]).

Поджоги помещичих и монастырских имений и хлебов были и в других районах Мордовии. Некоторые помещики опасаясь крестьянских восстаний, покидали свои имения и уходили в город. Бурлуцкий в работе „Характеристика Пензенской губернии" писал: „Нередко помещик прямо бежит из имения, находя невозможным решение представляющейся ему дилеммы:—крестьянский скот и день и ночь разгуливается по его полям, забирается в сады, огороды и на гумна, никакой участок не безопасен от потравы и окончательного уничтожения, загоняние скота мало помогает, а возьми штраф даже в размере десятой доли убытка и—„красный петух" выступает на сцену..." [2]).

Но все эти протесты крестьян, отдельные их выступления против помещиков были одинокими попытками крестьян уничтожить ненавистные им помещичьи латифундии. Решительная борьба крестьян развернулась в 1905 году, когда революционным движением крестьян была охвачена почти вся торритория Мордовии.

---

1) Гос. врхив МАССР, ф. 1, д. 1150, л. 15.
2) Бурлуцкий, Характеристика Пензенск, губ., стр. 58—59.

И. М. Корсаков.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

30 лет отделяет нас от той мрачной эпохи, когда трудящиеся массы России не имели почти никаких прав когда по спине рабочих и крестьян за малейшую провинность и неподчинение гуляли нагайка и розги, когда их сажали в тюрьмы и ссылали на каторжные работы.

А ещё раньше в эпоху крепостничества, трудящиеся массы были почти на положении рабов. В. И. Ленин об этой мрачной эпохе говорил: . . . „Крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства" [1]).

О тяжёлой обездоленной жизни крепостных написано много книг и исследований. Писатель-революционер XVIII века Радищев в своём произведении „Путешествие из Петербурга в Москву" дал яркую картину бесчеловечного отношения помещиков к крепостным крестьянам: „Тут видна алчность дворянства,—писал Радищев,—грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? То, чего отнять мы не можем—воздух. Да один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли—хлеб и воду, но и самый свет... Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме". Особое негодование вызывает у Радищева торг „живым товаром", когда помещик продавал крепостных в одиночку, разлучая их с близкими родными.

---

1) Ленин о государстве. Собр. соч., т. XXIV, стр. 367.

Такое положение крепостных крестьян не могло не вызывать протеста со стороны их. Протесты эти выливались в грозные крестьянские восстания, охватывавшие в XVII—XVIII веках сразу несколько губерний. Крестьянское движение под руководством Емельяна Пугачёва, всколыхнувшее почти всю центральную Россию, ставило перед собой задачей уничтожение крепостничества революционным путём, но это движение было неорганизованным, т. к. не было еще в России организованного рабочего класса, который бы мог повести за собой крестьянство до победного конца. Но Пугачёвское движение осталось навсегда в памяти народа, т. к. восставшие уничтожили не одну тысячу дворян-крепостников.

Одной из коренных причин, ускоривших так называемое „освобождение" крестьян из-под крепостной зависимости, было невыносимое положение крестьян и крепостных рабочих и их борьба против феодально-крепостнической системы.

На территории современной Мордовии накануне реформы 1861 г., как и по всей России, было немало крестьянских выступлений. Восставали крестьяне села Большой Танеевки, бывшего Саранского уезда, в 1855—57 гг., [1]) села Тумолейки, бывш. Краснослободского уезда, в 1856 г. [2]), организованно отказались от уплаты государственных налогов сразу 28 татарских селений, Краснослободского уезда, в 1856 г. [3]), выступили крестьяне села Токмово, Инсарского уезда, в 1858 г. [4]), села Пушкина, Саранского уезда, в 1858 г. [5]). Питейные бунты, происшедшие в 1859 г. в Инсарском, Краснослободском, Темниковском уездах, [6]) явились как бы сигналом для восстания за пределами территории Мордовской АССР и бывшей Пензенской губернии—в Саратовской, Самарской, Тамбовской, Владимирской, Тверской и других губерниях, и наконец, крупное движение рабочих Авторского завода, бывшего Краснослободского уезда, продолжалось с 1858 г. до 1861 г. [1])

1) Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3362, л. 2, цент. Архив МАССР, ф. 15, д. 345, л. 249—251
2) Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 4385, л. 1, 2 д. 3785, л. 18.
3) Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3515, л. 1—2, л. 5
4) „ „ ф. 5, д. 3607, л. 132, д. 410, л. 1—2.
5) „ „ ф. 5, д. 4201, л. 35—39
6) Пензенский гособлархив, ф. 5, д. д. 3895, 3898, Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 428.

По всей России росли, усиливались волнения среди крестьян. Царское правительство беспощадно подавляло их, но репрессивных мер стало недостаточно и правительство решило не ждать, а „лучше освободить крестьян сверху, чем ждать, когда они освободят себя сами снизу", как говорил московским дворянам первый крепостник России Александр II.

В. И. Ленин в 1911 г. в своей работе „Пятидесятилетие падения крепостного права" писал: „В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными „бунтами", и их легко подавляли. Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков" [2]). В этой же статье В. И. Ленин дал полную характеристику, как и кем была проведена реформа 1861 г. „Крестьян,—писал Ленин,—„освобождали" в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти „освободители" так повели дело, что крестьяне вышли „на свободу" ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам.

Русских крестьян господа благородные помещики „освобождали" так, что **свыше пятой доли** крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить **выкуп**, то-есть **дань**, вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь всё более и более. Помещики не только награбили себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, то-есть так размежевали землю, что у

1) Гос.архив МАССР, ф. 24, д. 772, л., 19—20, Пензенский облархив ф. 5, д. 3750, л. 2—4.
2) Ленин, соч. т. XV, стр. 108—109.

крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя. Крестьяне в **большинстве** губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения „низшим сословием, податным быдлом, чёрной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало.

Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после „освобождения" такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России").

И. В. Сталин в прокламации „Не царская реформа, а народная революция", выпущенной к 45-летию реформы 1861 г. писал: „И вот настало 19 февраля. Объявили манифест, призвав предварительно народ молиться за царя.

И что же? Выяснилось, что все эти обещания о „свободе", все эти крики о „царе-освободителе"—один обман, одни пустые слова и только.

Крестьяне требовали землю, исстари принадлежавшую им и орошённую их собственной кровью. Царь же отобрал у крестьян эту самую землю и передал дворянству, разрешив им выкупить лишь часть своей же земли, и то по самой дорогой цене! Таким образом, у крестьян стало ещё меньше земли.

Крестьяне требовали волю, свободу от дворянских оков. Царь же, чуточку только облегчив им тяжесть этих оков, накинул на них более тяжёлые оковы—оковы царя-самодержца! Таким образом, крестьянам пришлось работать под двойным ярмом дворян и царя" [2]).

На территории современной Мордовии в результате реформы 1861 года помещиками было отрезано от крестьянской земли 19,8 проц. По данным приложений к трудам редакционных комиссий до реформы в Пензенской губернии на одну ревизскую душу приходилось 3,24 десятины.

По этим же данным в 1865 г. на одну ревизскую душу приходилось 2,8 десятины. В трёх бывших уездах Пензенской губ., вошедших в современную территорию Мордовской АССР, в 1865 г. всех вообще угодий на одну ревизскую душу приходилось 2,53 десятины [1]).

По некоторым волостям и сёлам процент отрезанной земли от крестьянской был ещё выше. Например у крестьян д. Петровки, бывш. Краснослободского уезда, из 522 десятин отрезано было 189 десятин или 36 проц., у крестьян с. Жегалова, Темниковского уезда, из 294 десятин отрезано 165 десятин или 56 проц. и т. д. [2]).

Из 35 обследованных селений в бывшем Краснослободском уезде только 12 селений имели для скота свободный водопой, остальные 23 селения имели водопой, общий с помещиками.

Такое же положение было и с выгонами. Из упомянутых 35 селений только 18 имели свой выгон, у остальных выгоны также были или общими с помещиками, или крестьяне пользовались выгонами на кабальных условиях.

После 1861 г. больше половины земельных угодий находилось во владении помещиков, казны и монастырей. Нижеследующая таблица показывает, сколько принадлежало земли крестьянам, помещикам и казне в уездах, вошедших в Мордовскую АССР [3]):

УЕЗДЫ	Крестьянской (всей земли)		Владельческой помещичьей		Земли казённые и удельн.	
	Число десятин.	в проц.	Число десятин.	в проц.	Число десятин.	в проц.
Саранский	148977	48,5	120101	39,1	25576	3,3
Темниковский . .	129619	26,4	183007	37,3	109752	22,4
Инсарский . . .	243342	58,5	119218	28,7	28824	6,9
Краснослободский	261596	69,0	55665	14,7	30402	8,0
Ардатовский . .	191945	46,9	122370	26,6	69732	16,8
Спасский	1726609	46,4	53883	15,5	135919	36,5

Ленин, соч., т. XV, стр. 109.

Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. ОГИЗ. Госполитиздат. 1941 г. стр. 86—87.

1) Губернские комитеты, их депутаты и редакционные комиссии в крестьянском деле. По официальным источникам составил Александр Скребицкий. (стр. 1494, 1495, 1508, 1509, 1516, 1517).

2) Сведения даются по уставным грамотам.

3) Свед. статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европ. России, 1894 г. Таблица 111.

Остальная земля принадлежала монастырям, церкви и купечеству. Как видно из таблицы, процент земли в пользовании крестьян, кроме Инсарского и Краснослободского уездов, по сравнению с помещичьим, казённым и удельным землевладениями был ниже. Особенно мало земли имели крестьяне Темниковского уезда, где крестьянской земли было 129619 десятин, а помещичьей, казённой, удельной и церковно-монастырской было 360958.

С таким положением крестьяне не могли мириться. И они не могли радушно встретить своё „освобождение". Крестьяне ожидали подлинного освобождения, при котором вся земля перешла бы в руки крестьян. Поэтому с самого начала объявления манифеста и положения о крестьянах они выступали против такого грабежа. Когда крестьянам читали этот манифест, они не верили ему и толковали его как подделанный дворянами в своих интересах. В них тогда ещё была вера в „милость" царя, и они не могли поверить, чтобы царь мог подписать такой грабительский манифест.

Дворяне Пензенской губернии были довольны манифестом и положением о крестьянах. Штаб-офицер корпуса жандармов Пензенской губернии, майор Лакс, 11 марта 1861 г. доносил шефу жандармов кн. Долгорукову, что помещик Арапов говорил некоторым предводителям дворянства: „Надобно непременно благодарить за них государя императора особым адресом" [1]).

О том же, как встретили своё „освобождение" крестьяне, хорошо видно из выступления крестьян бывшего Керенского уезда, так называемого Кандеевского дела.

6 апреля 1861 г. неизвестный крестьянин ездил по селениям Чембарского и Керенского уездов, поднимал крестьян против грабительского освобождения [2]).

Тот же штаб офицер корпуса жандармов Пензенской губернии своим донесением шефу жандармов Долгоруков от 8 апреля 1861 г. сообщил, что „Случаи неповиновения

1) Красный архив, № 1, за 1939г., стр. 92.
2) Там же, стр. 93.

крестьян и отказа от барщины повторяются здесь довольно часто" [1]).

Для подавления восстаний крестьян Пензенской и Тамбовской губерний из С.-Петербурга был направлен генерал-адъютант Ефимович. Ему лично царём было дано такое распоряжение: „Господин генерал-адъютант Ефимович, по случаю беспокойств, возникших при введении в действие новых о крестьянах положений между помещичьими крестьянами Пензенской и Тамбовской губерний, признавая необходимым принять решительные меры к прекращению оных, я поручаю Вам отправиться с этой целью теперь же в означенные губернии и действовать там для прекращения волнений и беспокойств"... [2])

Как видно из распоряжения, царское правительство сильно беспокоилось, чтобы крестьянские движения не могли вылиться во вторую пугачёвщину. Поэтому для подавления крестьянских волнений были приняты суровые военно-полицейские меры. Ещё до объявления манифеста правительство приняло все меры на случай возникновения крестьянских восстаний. В 41 губернию были посланы генерал-адъютанты и генерал-майоры с неограниченными правами. Помещики и правительство, предвидя заранее, что крестьяне будут недовольны таким манифестом, готовились к объявлению его, как к настоящей войне. Страна была превращена в настоящий военный лагерь. Всё войско было приведено в полную боевую готовность.

Центром восстания в Пензенской губернии было село Кандеевка—место, находящееся на границе трёх уездов—Спасского, Керенского и Чембарского. Основными требованиями крестьян в то время были: прекращение барщины, выкупных платежей, уничтожение помещичьего землевладения и уплата оброков только царю.

В Кандеевке крестьяне организовали свою власть—„правительство" во главе с крестьянином Егорцевым, который выезжал в окрестные селения и поднимал их на уничтожение помещиков. Это крестьянское „правительство" руководило восстанием всех селений, примыкавших к Кандеевке. Крестьяне этому „правительству" под-

1) Красный архив, №1 за 1939 г., стр. 93.
2) Пензенский Госархив, фонд канцелярии Пензенского губернатора, Д. № 4203, стр. 2—3.

чинялись, как настоящему своему руководителю [1]). Окрестные крестьяне смотрели на Кандеевку как на место, откуда придёт им **благодать** [2]).

Здесь собралось до 10000 человек. Появилось красное знамя, с которым пришёл на собрание временно отпускной солдат Егерского полка Василий Горячев. Он разъяснил крестьянам, что красный флаг есть символ настоящей народной воли и под этим знаменем надо бороться против помещиков. С этим знаменем ездили по деревням, восклицая: „Воля, воля. Земля вся наша. На оброк не хотим и работать на помещиков не станем". За руководителем восстания Егорцевым, приезжали из разных селений за разъяснением манифеста.

Егорцев убеждал народ держаться заодно и требовал, чтобы предателей народа вешали по его приказанию.

16 апреля в село Кандеевку прибыл генерал-майор Дренякин. В Кандеевке в это время собралось множество народу. Когда генерал Дренякин с войсками окружил народ, потребовал подчиниться и выдать зачинщиков, из толпы навстречу ему вышел 72-летний отставной солдат Елизаров,—один из руководителей восстания,—предъявил генералу требование крестьян, но Елизаров был схвачен солдатами и закован в железо.

Восставшие крестьяне, однако, и здесь не растерялись.

Среди крестьян окрестных селений распространились слухи, что царский посол посадил в острог исправника за то, что тот стрелял в народ, собравшийся в с. Черногае, что он едет с войском расстреливать не крестьян, а помещиков. В Кандеевке он будет раздавать билеты на вечную волю и что всех помещиков и чиновников царь велел убивать и на том же месте зарывать в землю. В связи с этими слухами народ толпами шёл в Кандеевку. Но увы, крестьяне ошиблись, они слишком много верили в „милость" царя. Телеграммой от 17 апреля 1861 г. из Петербурга генералу Дренякину разрешено было решать дело восставших военным судом, 18 апреля генерал Дренякин с 7 ротами Казанского полка, 2 ротами Тарутинского полка подошёл к восставшей массе крестьян и потребовал подчиниться, но народ продолжал заявлять:

1) Красный архив № 1, стр. 101, за 1939 г.
2) Там же, стр. 107, за 1939 г.

„Стоим за бога и царя, а господам работать не будем". По крестьянам даны были три залпа, в результате чего было 7 человек убито и 28 ранено. Крестьяне, несмотря на то, что в них стреляли и из их среды были убитые и раненные, не расходились. Тогда генерал приказал окружить их и повести в поле к господскому дому. Это было исполнено.

Началась расправа над восставшими крестьянами, среди которых были крестьяне 14 селений.

Главный руководитель восстания Егорцев сумел скрыться, а другого руководителя—Елизарова Андрея, 72-летнего старика,—хотели расстрелять. Но за то, что он, будучи солдатом, участвовал в сражениях и в походах и ввиду старости, лишили его военного звания, всех знаков отличия—св. Анны, медалей, нашивок—и сослали в Иркутскую губернию на поселение. Всего было наказано 100 человек, из них большинство лишено было всех прав и состояния и наказано шприцрутенами через 100 человек по 5—6 раз, а после этого наказания сосланы в отдалённые сибирские рудники на срок от 12 до 15 лет.

Нужно отметить, что почти во всех выступлениях крестьян руководящая роль принадлежала бывшим солдатам, т. е. бессрочно отпускным или временно отпускным. Через все крестьянские выступления красной нитью проходит их главенствующая роль. Выступлением крестьян бывших Керенского и Чембарского уездов так же руководили бывшие солдаты царской армии, как, напр., 72-летний старик Елизаров, прослуживший 25 лет в армии, участвовавший в походах против Наполеона и получивший за отличие в боях награды, орден св. Анны, несколько серебряных медалей за взятие Парижа в 1814 году и за взятие штурмом Варшавы в 1831 году, польский знак отличия 5 ст. и нашивки из жёлтой тесьмы в три ряда, и Горячев Василий Антонович, двадцати шести лет, временно отпускной рядовой, награждённый бронзовой медалью на андреевской ленте в память войны 1853—1856 г г.

Разгром помещичьих имений принял тогда довольно грозные размеры во многих районах Мордовии. В дачах помещицы Эйхлер, Темниковского уезда, крестьяне вырубили около 3 тысяч деревьев. У помещика Никифорова, того же уезда, полесовщик Аверьянов сжег 50 десятин лесу. Когда начался пожар и к Аверьянову при-

бежали сказать, что лес горит, он ответил: „ну и пусть себе горит с самими хозяевами".

С особенной силой крестьянское движение проходило в имениях Веденяпина и Муханова (Темниковский уезд).

По отчёту III отделения за 1861 г. во многих уездах Симбирской губ. крестьяне прекращали работы, самовольно рубили господский лес, сменяли сельских старшин. В бывшем Ардатовском уезде крестьяне дерев. Княжухи (помещицы Всеволжской) арестовали своего старосту, заключив его в оковы. Сюда была введена военная команда [1]).

В отчёте III отделения за 1862 г. имеются такие сведения: В имении помещицы Угловой, Симбирской губернии, Ардатовского уезда, был убит крестьянами её муж, коллежский секретарь Углов, приехавший туда для введения уставной грамоты.

В Инсарском уезде, в деревне Нагаево крестьяне поняли манифест таким образом: все земли и весь помещичий хлеб переходит крестьянам безвозмездно. С этой целью они разогнали подводы от амбара помещиков Столыпиных, насыпавших овёс, проданный купцу Соловьёву.

За это крестьяне были осуждены и наказаны. Как подстрекателей наказали 65-ю ударами розг и приговорили к тюремному заключению Герасима Аверьянова и Федора Кузнецова из с. Нагаева и Ефрема Осипова из с. Высокое. Некоторые крестьяне были наказаны розгами и отпущены домой [2]).

К восстанию призывали крестьян и революционеры 60-х годов. В Казани тайно существовал кружок „просветителей", члены которого тесно были связаны с Огарёвым и Герценом.

Этот кружок составил свой манифест, который объявлял свободу вероисповедания, наделение крестьян как помещичьих, так и государственных, землёю в полную собственность, без выкупа, отмену рекрутчины и подушной подати, выборное устройство всего управления—от волости до государства. В заключение манифест призывал к

1) Госархив, Крестьянское движение 1827—1869 г г., выпуск II, стр. 13, Соцэкгиз 1931 г.

2) Госархив, Крестьянское движение 1827—1869 г г., стр. 48 Соцэкгиз 1931 г.

восстанию для борьбы со всеми, кто „осмелится силою воспротивиться сему манифесту". Кружок разослал своих членов по городам Нижегородской, Казанской, Пермской, Вятской, Пензенской и Саратовской губерний для того, чтобы поднять восстание, но в 1863 г. члены кружка были преданы провокатором Глассоном, который за предательство получил от III отделения 3 тысячи рублей. Еще в 1861 г. этот кружок послал в г. Спасск, Тамбовской губернии (больше половины Спасского уезда вошло в МАССР), своих членов – Маевского и Олехновича, но они были арестованы и у них были найдены вышеуказанные манифесты [1]).

В селе Воеводском, Саранского уезда (ныне Кочкуровский р-н), в 1863 г. 27 мая, во время чтения положения, крестьяне настойчиво требовали уничтожения помещичьего землевладения и выкупов [2]).

В 1863 г. временно-обязанные крестьяне помещика Арапова, села Лашма (современный Ковылкинский р-н) возмутились против управляющего имением Боброва, который заставлял их отбывать повинности Арапову. После работы, ночью, крестьяне—Григорий Паничкин и Яков Фатеев-бросали в управляющего Боброва камни, пытаясь убить его [3]).

За это крестьяне поплатились тюрьмой. „Сами помещики,—усмирители розгами и тюрьмами доказывали крестьянам", что крестьянская реформа была бессовестнейшим надругательством над крестьянами, что крестьянское „освобождение" было бессовестнейшим грабежом крестьян" (Ленин), что эпоха реформ „60-х годов оставила крестьянина нищим забитым, тёмным, подчинённым помещикам-крепостникам" (Ленин).

Крестьяне, хотя и стихийно, но всеми способами стараются сбросить вековое рабство.

„И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздроблённых, единичных восстаний, скорее даже „бунтов", не освещенных ника-

1) Госархив, Крестьянское движение 1827—1869 г г., стр. 48. Соцэкгиз 1931 г.

2) Госархив Морд. АССР, фонд Саранского уездного суда, № 15, № 529, лист 3.

3) Там же, фонд 159, дело 868, лист 12.

ким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, всё убожество пресловутой „крестьянской реформы", весь её крепостнический характер"[1].)

Виднейшим из этих крайне немногочисленных тогда революционеров был Н. Г. Чернышевский. Революционеры давали в руки крестьян прокламации, они вдохновляли зачинщиков.

Объявление манифеста заставило крестьян ещё сильнее, ещё настойчивее искать путей для освобождения от векового гнёта.

„Эти революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян"[2]).

Борьба крестьян против помещиков и монастырей и в дальнейшем не приостанавливалась.

Не было ни одного года, чтобы крестьяне не оказывали сопротивления против закабаления их помещиками и монастырями.

Если до реформы 1861 г. крестьяне боролись за своё освобождение и вынудили царское правительство идти на „уступки", а во время реформы, убедившись в грабительской сущности её, они боролись против реформы, то после введения уставных грамот борьба крестьян принимает форму борьбы против остатков крепостнического и усиливающегося капиталистического гнёта помещиков, монастырей и кулачества в деревне.

Ежегодно каждый крестьянин должен был платить большие выкупные платежи, за что ему приходилось продавать почти весь собираемый им хлеб. Выкупные платежи, ложась тяжёлым бременем на крестьянство, заставляли их подниматься на борьбу.

То, как обманывали крестьян при составлении уставных грамот в „наделении" их землёй, рельефно видно из дела о неподчинении крестьян села Оброчного, бывшего Краснослободского уезда, Перелесья, деревень Веселого и Никольского (ныне Атюрьевский р-н) в уплате выкупных платежей.

В январе 1864 г., в связи с тем, что крестьяне категорически отказались уплатить в казначейство выкупные

1) Ленин т. XV, стр. 143.
2) Ленин т. XV, стр. 143.

платежи, в вышеуказанные сёла прибыл уездный исправник для описи имущества крестьян и продажи его с аукционного торга, т. к. до прибытия исправника пристав не мог сломить сопротивления крестьян и заставить их доплатить выкупные платежи. Крестьяне кричали исправнику, что денег в казну не заплатят, имущество описывать не дадут. Не дали даже лошадей становому приставу доехать до Перелесья, крича ему, что „лошадей не дают ему потому, что в Перелесьях все равно его до описи не допустят, что они все за одно" [1]).

Исправник своими мерами не мог справиться с крестьянами, поэтому потребовал военную команду. При помощи этой команды были собраны все крестьяне с. Оброчного и по нескольку человек из Веселого, Перелесья и Никольского. Исправник, мировой посредник и пристав потребовали от крестьян беспрекословного подчинения, но крестьяне стояли на своём и от уплаты выкупных платежей отказались. Крестьяне все в один голос заявили, что они обязались первые 4 года платить одному владельцу, а потом уже в казну, и что они были уверены, что это так должно быть, потому что им так говорил бывший мировой посредник Лукин, и что если бы они знали, что им придётся платить в одно и то же время и в казну и помещику, то они никогда и на выкуп бы не пошли. Но мировой посредник всеми средствами доказывал им, что они знали всё очень хорошо, потому что выкупной договор и дело подписаны были их же уполномоченными, из которых один был их же крестьянин односельчанин, подписавший выкупной договор, а другой свидетель—священник с. Оброчного, подписавший условие. Крестьяне этого не признавали и твердили одно, „что их обманули, им сказали, что они будут платить таковые помещику первые 4 года" [2]).

Мировой посредник заявил крестьянам, что „государь заплатил уже владельцу за всю выкупленную ими землю, а теперь должен получить уплату с крестьян, как с своих должников". На это крестьяне отвечали: „Коли помещик получил с царя, пусть сам и платит царю". Крестьяне ничего не хотели слушать и говорили одно, что их обма-

1) Госархив МАССР, Ф. Краснослоб. уездного суда №. 24, д. 876, л. 6.
2) Там же, л. 7.

нули, что они пойдут к царю, „пусть им выдадут паспорт и пусть их переведут в казаки, пусть лучше описывают у них землю и всю берут“ [1]). Крестьяне потребовали священника. Священник на вопрос исправника: „он ли подписывал условие за крестьян и не знает ли он как объявлено было г. Лукиным о платеже крестьянам?—ответил, что он действительно подписал с согласия и просьбы крестьян за них условие, но что было до этого говорено, он не знает, да и не находит нужным знать“.—Тогда попросили священника выйти к сходу, и священник обратился к нему со следующими словами: „Вам ведь читали условие“?—„читали“,—отвечали крестьяне. „Просили ли вы меня и давали ли вы мне в руки, чтобы я подписал то условие“.—„Давали и просили“.—„Так чего же вы от меня хотите, я не обязан далее ничего знать и не мое дело, что там в условиях написано“ [2]). Исправник приказал крестьянам расходиться по домам и внести деньги. Этого же числа прибыла в с. Оброчное команда солдат и расположилась—половина на барском дворе, а другая—в волостном правлении. Становой пристав до часу вечера описал имение 107 дворов крестьян, не встретив никакого сопротивления, но когда перешёл на половину помещика Замятина и едва прошёл 3 двора, как толпа крестьян увеличилась, начался шум, крик, и один крестьянин, Филипп Антипов, выскочил из толпы и заявил, что он не пустит к себе на двор описывать и чтобы пристав и не ходил на его двор. Становой пристав остановился в своих действиях и донёс о случившемся исправнику. Исправник приказал волостному старшине и сельскому старосте идти и взять Филиппа Антипова и привести его к нему, что было исполнено не очень скоро. На вопрос исправника Филиппу Антипову, как смел позволить себе не допустить станового пристава до описи и так дерзко говорить, Антипов отвечал, что не за что описывать их имущество“ [3]). Исправник приказал находившемуся тут унтер-офицеру военной команды Дудинскому взять Филиппа Антипова под арест.

Унтер-офицер едва вышел из дому на двор, как сейчас же опять вернулся и донёс исправнику, что едва он

---

1) Госархив МАССР, ф. 24, д. 876, л. 7.
2) Там же, л. 8.
3) Госархив МАССР, ф. 24, д. 876, л. 9.

вышел, как встретил на дворе толпу крестьян, из среды которой выскочил отставной солдат Захар Григорьев и закричал крестьянам „не давайте Филиппа, возьмите его“ [1]), что и было исполнено крестьянами, и они вырвали из рук Дудинского Филиппа Антипова. Исправник, мировой посредник и становой пристав вышли на двор и нашли много крестьян. На вопрос исправника, зачем они собрались и как смели собраться, когда их не звали, крестьяне ответили, что они за своим делом, что они Никифоровской барщины и пришли просить, чтобы им выдали расписку на имущество, которое у них описали“. „А как вы смели отбить крестьянина, которого я приказал взять под арест“,—спросил у них исправник.—„Это не мы, а Замятинские крестьяне“.—„А где же замятинские крестьяне?“)—„Они все разбежались“.—„А где солдат, который закричал, чтобы отбить Антипова?“ „Он был тут и исправник взял его из толпы, передал унтер-офицеру и приказал взять под арест, при этом несколько человек солдат выскочивших из избы на шум, объявили, что этот самый солдат приходил к ним в избу и говорил им, что им стыдно так поступать против мужиков, что надо быть добрее, что он сам такой же солдат и знает службу. 15 января 1864 г. исправник вместе с мировым посредником и становым приставом, взяв команду солдат, отправился на опись имущества крестьян Замятинского имения. Первые два двора были пройдены без сопротивления. А затем собралось много крестьян, которые стали кричать и не допускать к описи их имущества. Крестьянин Иван Николаев резко закричал: „грабьте, коли пришли грабить“ [2]). Исправник передал его солдатам и велел взять под арест.

Из всего вышеуказанного видно, что четыре селения организовали сопротивление потому, что во время подписания уставной грамоты они были обмануты Крестьяне, ожидая желанную волю, надеялись на „милость“ царя-„освободителя“, надеялись, что царь их „батюшка“ не обманет, но когда ежегодно стали собирать с них выкупные платежи и в казну и в пользу помещика, тогда они узнали эту „милость“. Они убедились в ней тогда

---

1) Госархив МАССР, ф. 24, д. 876 л. 9.
2) Там же.
3) Госархив МАССР, ф. 24, д. 876, л. 10.

когда им объяснили, что помещику за их „освобождение" царь уплатил уже, и что царь теперь сумму денег взыскивает со своих должников. Тогда крестьяне, как нам уже известно из вышесказанного, кричали уездному исправнику и мировому посреднику: „Коли помещик получил с царя, пусть сам и платит царю".

Вот ради какой „воли" крестьяне подписывали условия „освобождения", вот как они были обмануты самодержавием и помещиками.

Через два года, 4 сентября 1866 г., крестьяне того же с. Перелесья, Краснослободского уезда, оказали сильное сопротивление в вывозе хлеба за выкупные платежи прибывшим туда уездному исправнику, мировому посреднику и приставу. Крестьяне должны были перевезти большую часть своего хлеба на одно гумно. В отдаче хлеба оказал сопротивление и староста этого села Яков Герасимов. Впоследствии, только путём применения репрессивных мер, крестьян заставили вывезти хлеб на одно гумно, не оставляя почти ничего на пропитание их семей [1]).

Мы уже указывали, что крестьяне платили много налогов и розорялись. Против усиливающегося налогового гнёта крестьяне организовывали сопротивление. В Наровчатское уездное полицейское управление 16 октября 1866 г. поступил рапорт от Азрапинского волостного правления. В рапорте указывалось, что „сборщик податей из крестьян деревни Мордовского Вечкинина (ныне Ковылкинского р-на) Анисим Матвеевич Воробьев в поданном в сие правление рапорте пишет следующее: „По распоряжению волостного правления был я командирован в деревню Мордовское Вечкинино для застрахования разного у крестьян строения на будущий 1867 г. от огня. Заседатель сего правления по части полицейской Федор Иванов потребовал к себе на основании положения о застраховании для оценки строения крестьян. 10 октября 1866 г., когда страховали жилое и надворное строение крестьянина Михаила Ильина, туда явился отставной солдат той же деревни Дмитрий Савельевич Родкин, который настойчиво требовал, чтобы Воробьёв так грубо и настойчиво не собирал с крестьян односельчан налоги". Сборщик Воробьёв отвечал ему, что он исполняет по сбору податей долг своей службы и волю правительства. Для записи застрахованного строения крестьянина Ильина зашли к нему (Ильину) в избу, куда зашел и солдат Родкин, где начал стучать кулаками об стол и произносить сборщику Воробьёву следующие угрозы: „Если ты не перестанешь так настойчиво собирать подать, то я тебе найду место" [1]).

Этот поступок Родкина стал известным всей деревне, и крестьяне Мордовского Вечкинина прекратили платить подати. Уездные власти поспешили скорее подавить это недовольство и арестовать Родкина, но Родкин, предчувствуя это, скрылся, и отыскать его не могли. Выколачивание у крестьян налогов зачастую сопровождалось избиением крестьян полицейскими властями. Некоторых крестьян, требуя от них податей, забивали до смерти. 18 ноября 1893 г. в заштатном городе Шишкееве, по приказанию Инсарского уездного исправника Иванова, был собран сход для взыскания податей. Уездный исправник Иванов и волостной старшина Калмыков, произнося площадные ругательства по адресу крестьян, наносили многим из них побои, а крестьянина отставного рядового Ивана Ахматова били так, что урядник взял его за волосы, повалил на колени и рассыльный Моргунов наносил ему удары кулаком по шее и голове, наконец урядник свалил Ахматова на пол и бил его ногами в бока и грудь так, что тот почти не дышал" [2]). В таком тяжёлом состоянии Ахматова поволокли в арестантское помещение. В полумёртвом состоянии его привезла к себе домой жена. На утро Ахматов умер.

Как мы видели на примере борьбы крестьян с. Оброчного, Краснослободского уезда, против выкупных платежей, так и в борьбе крестьян деревни Мордовского Вечкинина против налогового гнёта, зачинателями явились отставные солдаты, только что вернувшиеся из царской армии. Почему именно солдаты явились зачинателями борьбы крестьян против существующего строя?

До солдат царской армии, несмотря на все рогатки полицейщины, доходили прогрессивные мысли просветителей XIX века. Некоторые офицеры царской армии, если

---

1) Госархив МАССР, ф. Краснослоб. уезд. суда, № 24, д. 917, л. 3.

1 Госархив МАССР, ф. Краснослоб. уезд, с., № 24, д. 934, № л, 2.
2) Пензенский Гособлархив, ф. № 5, д. 8332, л. 7—8.

не сами являлись просвегителями, то сочувствовали им. Общение солдат целой империи, рассказы о тяжёлой жизни, возбуждали в них ненависть к существующему строю. Солдаты на своей спине испытали во время Крымской войны гнилость крепостнической системы России. Досада за бесцельно пролитую кровь и смерть товарищей, когда они воевали почти голыми руками против технически сильного врага, так же не могли не вызывать ненависть к помещикам и их господству. Поэтому бывшие солдаты, как более передовая часть крестьянства, и были как бы руководящим звеном в выступлениях крестьян против властей.

В 1867 г., 22 декабря, в Инсарском уездном суде разбиралось дело о пожаре в сельце Варжеляях (ныне Торбеевский р-н), от которого у помещика Пестрова сгорело пять амбаров с хлебом и шлёнскою шерстью на сумму до пяти тысяч рублей. В поджоге был заподозрен крестьянин Фадеев, который во время пожара сказал: „У барина хлеба много, черт с ним—пусть горит". В этих словах крестьянина Фадеева выражена ненависть крестьян к помещикам [1]). Кто в действительности сделал поджог этих амбаров—неизвестно, но является фактом, что амбары сгорели от поджога ночью. Это лишний раз свидетельствует, что крестьяне такими методами борьбы (путём поджогов) стремились выжить помещиков с их земель. У крестьян сёл Н. Пичингуши и Стар. Тештелима, Краснослободского уезда (ныне Ельниковского р-на), в 1868 году нехватило своего собственного хлеба и они самовольно разделили по себе общественный хлеб, хранившийся в их общественных магазинах. За это на крестьян был наложен штраф [2]).

Мы указывали, что крестьяне представляли из себя социально неоднородную массу. Среди крестьянства были богатеи-кулаки, которые закупали почти даром земли у своих разорившихся односельчан и заставляли за нищенскую плату работать на себя большую массу разорившихся крестьян.

---

1) Госархив Морд. АССР, фонд Инсарского уездного суда № 22, д. 538, л. 24.

2) Госархив МАССР, фонд Краснослободского уездн. суда, дело № 953. л. 46.

В селе Грузынцах, Саранского уезда (ныне Березниковский р-н), крестьяне-бедняки 3-го сентября 1865 г. под руководством Прокопия Николаева и Кирея Балыкова пришли в количестве 20-ти человек во двор кулаков-мироедов Максима и Ивана Васильевых и, несмотря на присутствие членов Мокшалейского волостного правления, угрожали этим кулакам, что, если они будут грабить и закабалять крестьян, то пустят их хозяйство по ветру, т. е. подожгут их имения. Крестьянин Балыков Кирей увёл за свою работу со двора кулака Васильева лошадь, стоющую 50 рублей [1]).

На территории современной Мордовии было 14 монастырей. Все они имели большие земельные владения. Например, Тихвинский монастырь в 1893 г. имел 306 десятин земли, Спасо-Преображенский монастырь, Краснослободского уезда, имел 1447 десятин, Успенский монастырь, того же уезда, имел 734 десятины, Александровский, Краснослободского уезда, имел 732 десятины [2]), Санаксарский—706 десятин. Также много земель имели церкви. Саранский собор имел 170 десятин, Христорождественский—107 десятин, Троицкая церковь—75 десятин, Богословская—113 дес., Краснослободская соборная церковь—328 дес. В сёлах лучшие земли принадлежали церквам, например, Атемарская церковь владела 254 десятинами земли, Посопская—113, Шишкеевская—139 и т. д.

В мордовских сёлах Саранского уезда церкви также владели лучшими землями. В селе Кочкурове церкви принадлежало 54 десятины, Старых Турдаках—66 дес., Семилее—49 и т. д. В Краснослободском уезде в селе Куликове церковь имела 108 десятин земли, в с. Гумны—125 дес., в с. Плужное—132 дес. и т. д. [3]).

Крестьяне вели борьбу за уничтожение церковно-монастырского землевладения. На примере борьбы крестьян против Саровского монастыря мы можем показать, как происходила борьба крестьян против церковно-монастырского землевладения вообще.

---

1) Госархив МАССР, фонд Саранского уездного суда, № 15, дело 381, лист 3.

2) Госархив МАССР, фонд Саранского Петропавловского м-ря, д. №29.

3) Пензенск. епархиальн. вед. за 1883 г., №23, стр. 5—10.

Саровский монастырь, находившийся в бывшем Темниковском уезде, представлял собой, не только крупного помещика, но и крупного ростовщика-капиталиста. Монастырь владел 26 тысячами десятин земли, имел лесозаводы, ватаги для рыбных ловель и т. д.

Окрестное крестьянство было закабалено монастырём на работах при лесопильных заводах. В Темниковский уездный суд был подан чек на крестьян, задолжавших во время работы на заводе. За один год работы монастырь в 1867 г. платил 40 руб. Монастырь отпускал продукты рабочим в долг и во время расчёта крестьяне работавшие на заводе, оставались должниками. Например, крестьяне деревни Песочной Конаковой Николай Павлов заработал 18 р. 12 к., задолжал 16. р 64 к. Ерофеев заработал 29 р. 12 к., остался должен 12 р. 8 к. и т. д. В общем, Темниковский уездный суд решил взыскать с 17 задолжавших (закабалённых) крестьян 362 р. 16 к. в пользу Саровского монастыря [1]). Саровский монастырь так притеснял крестьян, что им ничего не оставалось делать, как выступать против монастырского землевладения. Лучшие озёра, луга для сенокосов и пастбища для скота по реке Мокше находились в собственности монастыря.

29 декабря 1865 г. в Темниковском уездном суде слушалось дело о спорном озере села Веденяпина (ныне Теньгушевский р-н) с Саровским монастырём. Раньше озеро, называемое Мордовским, принадлежало селу Веденяпино, но впоследствии монастырь забрал его в свои руки. Суд решил дело в пользу монастыря, несмотря на то, что село Веденяпино исстари владело этим озером [2]).

Таких спорных дел на судах разбиралось много, но все они решались в пользу монастыря.

Видя, что власти защищают интересы монастыря, крестьяне перестали подавать жалобы на него, а стали бороться иными способами. Способ оставался единственный: самовольно рубить лес, ловить рыбу в озёрах, ранее принадлежавших крестьянам, вывозить или красть монастырское сено, стихийно нападать на монастырские

1) Госархив МАССР, фонд Саровского монастыря № 1, д. № 942, лист 7—9,

2) Госархив МАССР, фонд Саровского монастыря №, д. № 883.

рыболовецкие ватаги, жечь монастырские строения и т. д.

В ночь на 3 сентября 1871 г. крестьяне села Такушева, Темниковского уезда (ныне Теньгушевский р-н), напали на монахов, ловящих рыбу в Белом озере. Крестьяне считали Белое озеро своим, т. к. оно находилось в лугах, принадлежавших крестьянам деревни Такушевой. Из-за него шла постоянная борьба, и только, что крестьяне были усмирены становым приставом Князевым, как в ночь на 3 сентября произошёл погром рыболовов. Послушник Саровской пустыни сообщил по поводу этого в Темниковское полицейское управление следующее:

„Числа 3-го, месяца сентября, сего 1871 года двоих нас послали на послушание в деревню Такушево на озеро ловить рыбу с рабочими, после ввода во владение того же числа становым приставом Князевым, как скоро он уехал, оставляя несколько человек понятых старинных людей. Ночью пришло много мужиков разбоем напали на нас все перерубили, всех разогнали и одного из нас Дементия, бесчеловечно бивая, бросили в озеро, не знаю ко дню найдется ли и жив ли будет.“ [1])

Из следственного дела по этому поводу видно, что крестьяне боролись против насильственного захвата Белого озера Саровским монастырём. Крестьяне деревни Качеевки—Иван Сергеев, Панкрат Васильев, Яков Антонов и Клим Ников—показали следующее: „Большое или Белое озеро, находящееся в лугах, принадлежащих крестьянам деревни Такушевой,—собственность крестьян той деревни потому, что находится на их земле, в нем они ловят рыбу. Ловят ли они рыбу в озере Жегалиной луки и других, того не знают. Прошлого 1871 года 3 сентября ночью, во сколько времени не припомнят, находясь у Большого озера, по распоряжению станового пристава Князева в качестве понятых при ловле в озере рыбы монашествующими Саровской пустыни, были прогнаны и избиты толпою неизвестных людей, которые били все, что попадалось им под руку. Устроенный на берегу озера монашествующими шалаш, резрушен, огонь, разведенный около него, резметен, с телег, тут находившихся, скинуты колеса и брошены в воду и унесены

1) Госархив МАССР, фонд Саровского монастыря № 1, д. № 1016, лист 2—5.

разные вещи, принадлежащие монашествующим как-то: хомуты, шлеи и т. п. Нападавшие называли друг друга „кум", кто они, им до настоящего времени неизвестно и нет времени им о том узнавать, так как у них достаточно своего дела." [1]

Нападавшие крестьяне были вооружены дубинами и кольями. Интересно заметить, что по этому поводу были допрошены как понятые крестьяне деревни Качеевки, которые были на стороне нападавших крестьян деревни Такушевой. Скорее всего, между крестьянами этих деревень была договоренность в отношении нападения на монашествующих.

Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции крестьяне вели борьбу против притеснений Саровского монастыря. В своём донесении игумен Саровской пустыни (монастыря) пишет:

„Милостивый государь Петр Федорович. Саровская пустынь имеет рыбные ловли в Темниковском уезде по реке Мокше с прилегающими к ней озерами, но с некоторого времени на владение пустыни водами появилось насильственное нападение со стороны крестьян деревни Такушевой, которые также нарушают права владения обители по озерам и рыбным ловлям, о чем известно и Вам милостивый государь, почему пустынь доверяет вам ходатайствовать о законном преследовании виновных в нападении на владение пустынею, рыбными ловлями и о восстановлении нарушенных прав владения защитою Вашею во имя справедливости где следует оградить от насильственных стремлений тех крестьян завладеть водами Саровской пустыни. Вообще по всей доверенности Вы можете во всем поступить так, как бы и я сам, охраняя интересы обители, и что Вы по сему учините законно спорить и прекословить не буду. Саровской пустыни игумен Серафим" [2]. По донесениям монастыря полицейскому управлению мы можем заключить, что крестьяне Темниковского уезда никак не могли мириться с тем, чтобы на озерах, ранее принадлежавших крестьянам, не разрешали им ловить рыбу. Поэтому они не прекращали ловить рыбу,

1) Госархив МАССР, фонд Саровского монастыря № 1, д. № 1016, лист 25.
2) Госархив МАССР, фонд Саровского монастыря № 1, д. 1030, лист 37.

несмотря на то, что уездные и губернские власти всеми силами старались прекратить „своеволия" крестьян.

24 ноября 1881 г. полицейский урядник Темниковского уезда был призван Саровским монастырём для того, чтобы прекратить самовольную ловлю. Оказалось, что крестьяне окрестных селений ловили рыбу в четырёх озёрах, „принадлежавших" монастырю [1].

Такое же „самовольство" крестьян было в ночь на 19 июня 1883 г. на реке Мокша. Реку Мокша Саровский монастырь считал своей собственностью и никому не разрешал ловить рыбу в ней [2].

Крестьяне ненавидели тунеядцев монахов и путём поджогов, налётов на имения монастырей стремились изгнать и уничтожить насильников и грабителей и захватить в свои руки их земли.

Игумен Саровского монастыря 20 августа 1885 г. сообщил Ардатовскому уездному исправнику Нижегородской губернии о „своеволиях" крестьян села Нарышкина, что „они (крестьяне) продолжали прежние свои действия с большею наглостью—стали даже угрожать сжечь и лесопильное заведение пустыни и производили другие угрозы [3].

19 августа 1885 г. монастырские пастухи с лесопильного завода около 6 часов вечера видели перешедших через реку Сатисс на землю принадлежащую монастырю, в урочище Рохмана, крестьян села Нарышкина—Аверьяна Савельевича Садаева, Федора Тулаева и Петра Хорька, которые делали пастухам угрозы по адресу монахов. И затем, в 9 часов вечера, одновременно загорелось в трёх стогах сено, сложенное в черте усадьбы монастырского лесопильного завода. Игумен монастыря утверждал, что поджог этих стогов был делом рук названных крестьян.

10 февраля 1886 г. крестьяне села Жегалово, Темниковского уезда (ныне Пурдошанский р-н), собрались в количестве 16 человек, поехали в лес, принадлежавший Саровской пустыне, вырубили лучшие деревья и привезли к себе. За это крестьян судили.

1) Госархив МАССР, фонд Саровского монастыря № 1, д.1030, л. 37.
2) Госархив МАССР, ф. 1, д. 1149, лист 1—2.
3) Госархив МАССР, фонд № 1 дело № 1130, лист 6.

То же самое было с крестьянином села Адамасова (на границе современной МАССР), бывшего Ардатовского уезда (Нижегородской губернии) Андреем Мишалкиным. В решении суда в отношении его сказано: „крестьянина с. Адамасова Ардатовского уезда Нижегородской губ. Андрея Семенова Мишалкина, признав виновным в порубке леса в даче Саровского монастыря, подвергнуть аресту на одну (1) неделю, независимо от сего, взыскать с осужденного Мишалкина в пользу Саровского монастыря 7 р. 40 к.

Для прекращения борьбы крестьян против монастыря, для охраны монастырского имения и для обеспечения бессовестнейшего грабежа и эксплоатации крестьян по просьбе игумена при Саровской пустыне в 1891 г. был учреждён особый полицейский участок.

В своём прошении Темниковскому уездному исправнику игумен Саровского монастыря писал:

„По личным переговорам с Вашим высокоблагородием, небезизвестно Вам желание и необходимость иметь во вверенной мне Саровской пустыне особого полицейского урядника, который имел бы постоянное пребывание в монастыре, к которому подведомственны были бы все хозяйственные заведения, земельные и другие владения пустыни, из коих, таким образом, составится отдельный полицейский участок, а содержание урядника монастырь принимает на свой счет“ [1]).

Как мы уже говорили выше, чаяния и ожидания крестьян в отношении воли не исполнились и крестьяне к царю-„освободителю“ и вообще ко всему политическому строю относились с недоверием.

Из нищеты и угнетения крестьяне уже не надеялись выйти путём царских милостей. Среди крестьян чувствовался глухой ропот и недовольство. Когда же народники 1 марта 1881 г. убили царя Александра II, то крестьяне были рады смерти своего „освободителя“.

5 марта 1881 г. из села Сергеевской Танеевки в д. Горяйновку (современ. Саранский р-н) шли вместе шесть человек крестьян. В разговоре один из них, Степан Трофимович Манеев, сказал, что государя убили за то, что дал повадку господам, отобрав землю от крестьян. Такая ему и дорога, за что следует покойному провалиться в тар-тарары“ [1]). В этих словах выражено мнение не одного только крестьянина Манеева, а большинства крестьян того времени. Такое же мнение по поводу убийства Александра II высказал и крестьянин села Малого Маресева, бывшего Саранского уезда (соврем. Чамзинского р-на), Степан Федорович Раскин. 11 марта 1881 г., услыхав об этом, он сказал: „такая ему и дорога, его убили за то, что он отобрал землю от крестьян“ [2]).

Крестьянин пригорода Атемар, Саранского уезда, Тимофей Павлович Казаков, услыхав об этом известии, понял, что вообще нужно всех землевладельцев и господ уничтожить, а их земли разделить по крестьянам. 14 марта 1881 г. он на колокольне Никольской церкви ударил в набат и собрал таким образом народ, стал кричать им, с колокольни: „Новость пришла, бояр, купцов и богатых мужиков перевешать, а землю их разделить по крестьянам“ [3]).

Дальше он добавил ещё, „что во время погребения тела в бозе почившего государя императора Александра Николаевича будет убит государь Александр Александрович, Закончил Казаков свою речь кличем: „Земля и воля!“ За это крестьянин Казаков был отправлен в тюрьму.

Крестьянин с. Жмакина (соврем. Саранский р-н), Асеев Аким Иванович, доведённый до нищеты, до психической болезненности, во время припадков называл себя царём, проповедывал уничтожение привилегированных классов, а землю обещал раздать своим мужикам-собратам. [4])

Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции помещики, капиталисты и чиновники издевались над рабочим классом и крестьянством как над „черной костью“, подвергали их жестоким телесным наказаниям. 8 июля 1894 г. предводитель Саранского уездного дворянства помещик Юрлов при осмотре своих конюшен заметил, что конюх Власов толкнул одну из лошадей рукояткою вил, чтобы освободить свою ногу

1) Госархив МАССР, фонд Саровского монастыря № 1, д. 1197 а, л. 2.

1) Госархив МАССР, фонд 34, д. 14, лист 71—75.
2) Госархив МАССР, ф. 34, дело 14, лист 51.
3) Госархив МАССР, фонд. 34, д. 14, лист 52—54.
4) Госархив МАССР, фонд № 34, д.№ 14, лист 53.

из под лошади! Увидев это, помещик Юрлов взял конюха Власова за ухо, вытащил на двор и приказал своему кучеру и наезднику пороть Власова ремённым арапником. Экзекуция была проведена „по всем правилам искусства": штаны с Власова были сняты, рубашка поднята, и удары настолько сильны, „то спина и руки, которыми несчастный старался укрыться, были нахлёстаны буквально в кровь. Но этого показалось мало помещику Юрлову. Он схватил Власова за волосы и „тыкал его лицом в землю", потом приказал принести вилы и ударить Власова по спине рукояткою, чтобы он знал, как бить его лошадей. Несмотря на то, что нашлись люди, объяснившие, как и кому надо жаловаться, Власов не решился на это. „Бог с ним,—говорил он,—разве что поделаешь. Земский начальник подчинен предводителю, становой тоже не променяет барина на меня, я же лишусь места, и, кроме того, Юрий Иванович (помещик Юрлов) отнимет землю от моих родственников и родных" [1]). Жаловаться помещичьим властям на помещиков было бесполезно. Юрлов, резъезжая по уезду, всем объяснял: „Нельзя, знаете, не проучить этих конюхов, это необходимо. Я ни мало не скрываю, что выпорол мужика, я даже этим горжусь". [2])

Только Великая Октябрьская революция положила конец всем унижениям человеческого достоинства трудящихся, навсегда уничтожив помещиков, капиталистов и их политическое господство.

В заключение мы должны сказать, что попытки крестьян скинуть гнёт помещиков, церквей, монастырей и кулачества путём разрозненных выступлений против них всегда кончались поражением крестьян, т к. выступления крестьян не сочетались с борьбой рабочего класса. „Крестьянские восстания,--говорит тов. Сталин,—могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, „и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели." [3])

---

1) Госархив МАССР, ф. 1 с. д. 3, листы 63—64.
2) Там же.
3) Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом.

В конце XIX в. среди рабочих возникают революционные кружки, создаётся Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Под руководством этого союза рабочие организовывали стачки.

„Десятилетие перед революцией,—говорит В. И. Ленин,—с 1895 по 1904 год, показывает нам уже открытые выступления и неуклонный рост пролетарской массы, рост стачечной борьбы, рост социал-демократической рабочей агитации, организации, партии. За социалистическим авангардом пролетариата начинало выступать на массовую борьбу, особенно с 1902 года, революционно-демократическое крестьянство". [1])

---

1) Ленин. Сочинения, том XV, стр. 145.

Н. Руткевич.

ЧЁРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ
в XVIII—XIX веках.

I

Со времени Петра I-го начинается „мануфактурный период" в истории русской промышленности, который продолжался, примерно, до 30-х годов XIX в., когда крепостная мануфактура уступила место сначала капиталистической мануфактуре, а затем—капиталистической фабрике с её системой машин.

В течение первой четверти XVIII в. значительно выросла крупная промышленность: были заложены основы уральской металлургии, созданы и другие чугунолитейные, железоделательные заводы, суконные, полотняные и иные фабрики. Наблюдательным иностранцам „Россия (того времени—Н. Р.) представлялась как бы одним заводом: повсюду извлекались из недр земных сокрытые доселе сокровища; повсюду был слышен стук молота и топора; отовсюду текли туда учёные и всяких званий мастера с книгами, инструментами, машинами"[1]). Ускоренные темпы „перенимания западничества варварской Русью" [2]) носили на себе печать той стремительности и энергии, которые проявлял Петр I-й в деле „насаждения" промышленности. —„Когда Петр Великий,—говорил товарищ Сталин,—имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости". [3])

1) Ключевский. Лекции по Русской истории, т. IV, стр. 151, М. 1925.
2) Ленин, Сочинения т. XXII, стр. 517.
3) Вопросы Ленинизма. 9-е изд. стр. 359.

Первоначальный план Петра I-го—вывести страну из экономической отсталости путём создания крупной казённой промышленности—претерпел, однако, значительные изменения после „Полтавской баталии", особенно в последнее десятилетие его царствования. [1]) „Петр решает, пишет в своих „Очерках по истории мануфактур-коллегии" Бабурин,—найти выход средствами комбинирования этого первого плана с привлечением капитала частных лиц" [2]). Слияние ещё в XVII в. отдельных областей, земель и княжеств в одно целое, постепенно растущее товарное обращение, концентрирование „небольших местных рынков в один всероссийский рынок" [3]), образование значительного торгового капитала в руках русского купечества—всё это создало к началу XVIII в. благоприятную обстановку для быстрого развития фабрик и заводов в России.

С этого времени ведёт своё начало и та своеобразная мануфактура—„посессионная" [4]),—которая, наряду с казённой и вотчинной (дворянской) мануфактурами, составляет одну из разновидностей промышленных предприя-

1) Любомиров. Роль казённого дворянского и купеческого капитала. Историч. записки „Акад. Н. СССР № 16, стр. 78, 99.
2) Цитир. сочинение, стр. 33-34.
3) Ленин, Сочинение, т. 1, стр. 73.
4) От латинского слова „посессио" что значит „владение". Термин „посессионный" появляется в законодательных актах начала XIX в. С того времени фабрики и заводы, которым были отведены от казны, а также приписаны или прикреплены мастеровые и „рабочие" люди, стали называться посессионными. Основное отличие посессионных крестьян от крепостных сводилось к тому, что, во-первых, посессионные были „крепки фабрике", а не владельцу, их нельзя было продавать отдельно от фабрик, закладывать, отпускать на волю, во-вторых, их не разрешалось использовать на не-заводских /„партикулярных"/ работах, в-третьих, определено было максимальное количество крестьян, которых можно было покупать к фабрикам (сенатский указ 1752 г.), в-четвертых, от фабрикантов, фиктивно заводивших фабрики, чтобы покупать к ним деревни, последние отбирались вместе с предприятиями в казну. В течение XVIII—XIX в. Право купечества приобретать на посессионных началах крестьян то отменялось (в 1752 г.), то вновь восстанавливалось (в 1798 г.), в 1816 г. покупка крестьян к фабрикам и заводам была совершенно запрещена. В этой зигзагообразной политике сказывалась острая борьба за „рабов" между дворянством и купечеством, не пользовавшимся правом владения крестьян. Противоположность интересов дворянства и купечества очень резко обнаружилась в екатерининской комиссии по составлению нового уложения (1767 г.).

тий первой четверти XVIII в. Как известно, указом от 18 января 1721 г. Петр I-й предоставил „для размножения заводов как шляхетству (дворянству), так и купеческим людям деревни покупать невозбранно, с позволения берг-и-мануфактур-коллегии", под тем однако непременным условием, „дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно"[1]).

Таким образом посессионная фабрика, впервые возникшая на основании указа 1721 г., представляет, говоря словами Ленина, один из примеров „того самобытного явления в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда к промышленности"[2]).

Своеобразие этой мануфактуры состоит в том, что, будучи по сути феодальным владением („поссессио"), а не капиталистическим, как иногда трактовали её некоторые наши исследователи, она предполагала, с одной стороны, верховного собственника („доминиум директум" феодального права) в лице феодального государства, с другой,— условного „владельца", в лице купца по преимуществу. „Здесь тот же тип собственности, что и в сельском хозяйстве,—замечает М.П. Вяткин [3]),—в том отношении, что крестьянское владение землей осуществлялось в условиях верховной собственности на землю феодала. Но в промышленности в роли такового „владельца" выступал купец, а верховным собственником был не отдельный феодал, а дворянское государство".

Создание частными лицами—„компанейщиками"—такого рода промышленных предприятий даже „собственным коштом" не создавало для владельца прав собственности. Правда, владение считалось как бы бессрочным: заводы и фабрики сохранялись за „заводосодержателями", их жёнами и детьми, как значилось в выдававшихся владельцам жалованных указах (грамотах), при условии содержания их в „добром" порядке или „разве сами в состоянии не будут оные содержать" вследствие какого-либо „повреждения" в своем капитале [1]). Даже монопольный характер производства не снимал условности владения. В привилегии, полученной в 1718 г. Панкратом Рюминым „с товарищи" на заведение игольных фабрик, подчеркивалось, что „сей промысел (игольный—Н. Р.) никому отдан не будет, но вечно и неподвижно от его величества и его наследников за ними (Рюмиными и Томилиными—Н. Р.) и их наследниками оставлен быть имеет". Когда же в положении владения произошли изменения („повреждение"), нарушившие его „доброе состояние", то две части из владения Рюминых (железный завод, парусная и игольная фабрики), по общесенатскому решению от 14 декабря 1772 г., были уступлены, однако „без раздробления" предприятий, в совладение Петру Хлебникову [2]).

То же имело место и на Рябкинском железном заводе в Краснослободском уезде, когда „по вредному управлению" заводосодержателя Шапкина завод решением сената от 4 декабря 1822 г. перешёл в управление „посторонних" с участием представителя Московского горного правления, а затем был продан новому заводчику Ярцеву [3]).

Во всех указанных случаях, таким образом, явно выступают черты феодальной собственности: „собственник средств" производства не может ими распоряжаться без разрешения верховного собственника в лице феодально-дворянского государства. „Заводчик,—пишет проф. Удинцов,—являлся „содержателем", качество которого определяется уже исключительно исправностью заводского действия, исполнительностью возложенных на него обязательств. Отсюда возможность перехода заводов от одного содержателя к другому такому же содержателю" [4]).

---

1) Полное собрание законов, т. VI, 3711.
2) Ленин, т. III; стр. 365.
3) Московский суконный двор. Л, 1934. Введение, стр. XXVI.

1) Из Берг-привилегии 1719 г. Цитир. по соч. проф. Удинцова—„Посессионное право". Киев. „Университетск. известия" т. IV, 1896 г. стр. 43. Проф. Удинцов, отрицая наличие феодализма в России, все же устанавливает уже в первых отводах, по существу посессионных, Строгоновым (в XVI ст.) элементы условной (прекарной) собственности, свойственной раннему периоду феодализма. Объяснение природы посессионного владения, по мнению проф. Удинцова, надо искать в „особых обстоятельствах", создавших „особенные земельные права" (необходимость освоения необжитых территорий тогдашней России). Апрель „Университ. записки" 1896 г. стр. 43.
2) Госархив МАССР, ф. 22, д. 14, по журналу № 83.
3) Госархив МАССР, ф. 24, д. 11, л. 107.
4) Проф. Удинцов. Цитир. соч., март, стр. 37.

Форма собственности, как известно, является только имущественным выражением отношений производства. Эти производственные отношения сводились к совместной эксплоатации торговой буржуазией и дворянством, в лице государства, феодально-зависимого рабочего методами непосредственного внеэкономического принуждения. „Отсюда основным, ведущим противоречием являлось классовое противоречие между закабалённым крестьянством и феодально-зависимым рабочим, с одной стороны, и классом феодалов,—с другой." [1])

Это основное противоречие не исключало и других, в частности, между дворянским государством, как собственником, и держателем владений, имевшим тенденцию перевести их из условного в частновладельческое. Могло ли это снятие государственных ограничений в распоряжении фабрикой решить вопрос о возможности развития мануфактуры в рамках феодально-крепостнических отношений?. На этот вопрос исследователи (Вяткин и друг.) дают отрицательный ответ. Тем не менее, вопрос о прогрессивной роли крепостной (посессионной) мануфактуры для XVIII в. не подлежит сомнению. Касаясь этого вопроса один из современных исследователей проф. Цаголов, в статье „Некоторые вопросы кризиса крепостного хозяйства в России" пишет: „Создание крупной промышленности в России явилось первым серьезным актом процесса разложения феодального способа производства, хотя оно и сопровождалось расширением крепостнических отношений, распространением их на новую сферу общественного производства... Прогрессивность его заключается не только в том, что это был в тех условиях единственный практически возможный способ ускорения развития промышленности в России, но и в том, что на более высокой ступени развития производительных сил промышленность, базирующаяся на этих деформированных феодально-крепостнических отношениях, не становится непреодолимым препятствием для развития капиталистической промышленности и принуждена уступить ей место под влиянием конкуренции". [1]) Спор между исследователями идёт лишь о хронологических

1) Вяткин, цитир. соч., введение, стр. XXVIII.
2) Известия Акад. Наук. СССР. Отд. „Экономики и Права", №1, 1946 г. стр. 58.

границах того периода, когда посессионная форма промышленности становится реакционной. Одни (Вяткин) ограничивают положительную роль крепостной (посессионной) мануфактуры первой половиной или даже тремя десятилетиями XVIII в., другие (Тарле, Лященко, Кулишер) склонны отодвигать грани этого периода до конца того же столетия. Однако и те и другие признают, что причина превращения крепостной мануфактуры в тормоз развития производительных сил лежит не в государственных ограничениях владения („доминиум утиле" феодального права), а в противоречии развития производительных сил с феодальной формой этого развития. С этой точки зрения производственные возможности мануфактуры в деле ликвидации промышленной и вообще экономической отсталости России оказались несомненно более узкими и ограниченными в силу тех „дефектов", которые заложены в самой природе не только феодального, но и капиталистического общества. „Вполне понятно, однако,—говорил товарищ Сталин,—что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме. Вековую отсталость нашей страны можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства".[1])

Эти положения товарища Сталина и определяют место и значение крепостной (посессионной) мануфактуры в истории промышленного развития России XVIII—XIX в. в.

II

С эпохи Петра Великого впервые на территории Мордовии появляются более или менее значительные предприятия—мануфактуры, по терминологии Маркса, по преимуществу металлургические. [2]) Данные об этих первен-

1) Вопросы Ленинизма. 9-е изд., стр. 359.
2) Производство железа в форме кустарного ремесла из т. н. ручных горнов, „домниц", существовало ещё в XVII в. в г. Темникове, бывшем по выражению проф. Любомирова, „заметным пунктом кузнечного промысла" и имевшем целый кузнечный ряд.
Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России. 1937 г., стр. 25.

цах чёрной металлургии в Мордовии мы находим у Ивана Кириллова, современника Петра I, автора „Цветущего состояния всероссийского государства“ (1727 г.), и Голикова, написавшего в 1787—1789 г г. капитальный труд „Деяния Петра великого“ и опиравшегося в основном на сочинение своего предшественника. Поскольку сведения указанных авторов всё же не совпадают между собой, мы приводим их раздельно по авторам.

Наименование уездов	Данные	
	Ив. Кириллова [1]	Голикова [2]
Инсарский	Железный завод — Рюмина „с товарищи“ 1	Железные заводы—2 Игольная фабрика—1 Рюмина „с товарищи“
Краснослободский .	Железные заводы Тараса и Ивана Миляковых	Железные заводы—3 тех же владельцев
Темниковский . . .	Железный завод Тараса и Ивана Миляковых	
Итого . . .	Железных заводов—4	Железных заводов—5 Игольная фабрика—1

Как видно из приведённой таблицы, данные Ивана Кирилова и Голикова расходятся между собой не только в количественном отношении, но и по характеру приводимых ими объектов, и пользоваться ими без предварительного анализа едва ли возможно.

Исследования покойного проф. Любомирова, автора одной из наиболее обстоятельных работ по истории промышленности в России, затем—Заозерской Е. И. [3]) вскрыли целый ряд общих и частных ошибок и неточностей

1) Изд. Погодина. т. I, стр. 178—181, 182.
2) Изд. II., т. 13, стр. 519, 520.
3) Приписные и крепостные крестьяне на частных заводах. „Историч. записки“ Акад. Наук СССР. № 12.

в работах выше указанных авторов. Прежде всего, Заозерская выдвинула положение о необходимости строго хронологического изучения состояния промышленности в рамках даже одной петровской эпохи. „В течение первых 25 лет XVIII в.,—говорит Заозерская,—даны были разрешения на постройку 40 частных заводов. Из них 7 фактически не были заведены, и кроме того о 5-ти заводах Берг-коллегия не имела никаких сведений, почему и самое существование их сомнительно. Таким образом мы можем уверенно говорить не о 40, а о 28 заводах, возникших в первой четверти XVIII в... Далеко не все из них оказались долговечными. 10 заводов, просуществовав недолгое время, частью совсем прекратили свою деятельность, частью же были возобновлены уже после 1725 г., и некоторые из них при новых владельцах“ [1]). Это весьма существенное замечание, о котором многие исследователи забывают, говоря о положении металлургической промышленности в первой четверти XVIII в.

Что же касается частностей, то профессор Любомиров ещё в 1937 г. обращал внимание на то, что сообщение Ивана Кириллова о железном заводе Рюмина-Томилина в Инсарском уезде на реках Сетме, Туманке, Иссе и Инсаре „своим неопределённым указанием местоположения завода внушает подозрение“ [2]).

Мы установили на основании архивных данных, что в Инсарском уезде в первой четверти XVIII столетия на реке Сетме существовал не железоделательный завод, а винокуренный—Якова Рюмина, одного из компанейщиков Панкрата Рюмина по игольной фабрике и железным заводам в Пронском и Переяславльском уездах. Вскоре (в 1739 г.) этот завод прекратил своё существование из-за отписки в казну рабочих (25 человек) за числившуюся за Рюминым государственную недоимку и возродился в том же уезде в 50-х г г. при московском купце Андрее Никонове, но уже как железоделательный завод [3]). Та-

1) Цитир. соч. стр. 129.
2) Цитир. сочин., стр. 56.
3) Госархив МАССР, ф. 22, д. 37, л. л. 267—273. Исчерпывающие данные по Инсарскому зав. см. ф. 22, д. 2, л. 101-103

ким образом, относить к эпохе Петра I железный завод Панкрата Рюмина (по Голикову—два завода того же владельца), по меньшей мере, сомнительно.

Столь же сомнительны приводимые Иваном Кирилловым сведения и о Темниковском железном заводе Тараса и Ивана Миляковых [1]). Согласно архивных изысканий Заозерской, из 18 заводов, которые „просуществовали длительное время и пережили Петра 1-го и своих основателей", 11 заводов были расположены на Урале и принадлежали известному заводчику Демидову, а остальные 7 имели своими владельцами: два железных завода и одна игольная фабрика в Пронском и Переяславльском уездах—упомянутых петербургских жителей Рюминых-Томилиных; один завод в Оболенском уезде иностранцев Меллеровых; один завод в Тульском уезде Ивана Баташева; один завод в Козловском уезде—посадского человека Василия Озерова и один завод в Красно-слободском уезде, Шацкой провинции,—братьев Тараса и Ивана Миляковых [2]). В этом перечне Заозерской совсем не показан железный завод Миляковых по Темниковскому уезду. Упоминание о нём авторов „Очерков по истории Мордовского народа XVIII в." Коткова и Вернера, знакомых с выводами Заозерской, ещё ничего не говорит за существование этого завода именно в Темниковском уезде, как и упоминания Любомирова и Кашинцева Д. со ссылкой на того же Ивана Кириллова [3]).

Наконец, наличие по данным Голикова для первой четверти XVIII в. игольной фабрики Панкрата Рюмина „с товарищи" по Инсарскому уезду никем из исследователей не подтверждается; наоборот, единодушно опровергается и проф. Любомировым, и Заозерской. Эта фабрика, как единственное в России специализированное предприятие того времени, помещается обоими исследователями в Пронском уезде, и лишь проф. Семевский, очевидно, опираясь на того же Кириллова, ошибочно зачисляет её по Рязанскому уезду [1]).

1) У Кашинцева Д. заводчики эти в тексте изданной в 1831 г. Погодиным рукописи Кириллова названы Милюковыми. Цитир, соч., стр. 261.
2) Заозерская, цитир, соч., стр. 129—130.
3) См. „Очерки по истории Мордовского народа XVIII в.". Мордгиз, 1943 г., стр. 24.
Список металлических заводов России XVII и XVIII в. в. „История пролетариата СССР", сб-к 2 (18), стр. 263, 1934 г.
Любомиров, цитир. соч., стр. 56.

Таким образом, если строго придерживаться хронологических рамок петровской эпохи, то на территории Мордовии в эту пору действовал лишь один железоделательный завод братьев Миляковых, пионеров нашей чёрной металлургии, именно Рябкинский или, по другой транскрипции, Ряпкинский от речки Ряпки (Рябки) в Красно-слободском уезде.

Вообще же развитие чёрной металлургии на территории Мордовии, как важнейшей отрасли промышленности, на протяжении XVIII—XIX в. в. мы можем представить таблицей (см. стр. 116).

По своему правовому положению все перечисленные заводы можно разделить на две группы: 1—заводы частновладельческие, 2—заводы посессионные. К первой группе относятся заводы Баташевых (Еремшанский, Вознесенский, Мердушевский) и все купеческие мелкие предприятия, расположенные в г. Темникове; вторую группу посессионных заводов составляют: Рябкинский, Сивинский, Авгорский, Инсарский, Исенский, Виндреевский (Очкина) [2]). Таким образом, посессионная металлургическая мануфактура занимала на территории Мордовии исключительное место, факт, мимо которого прошли некоторые исследователи (Гвоздев и др.).

Поднятый проф. Любомировым вопрос о роли (для начала XVIII в.) казённого, дворянского и купеческого капиталов в деле индустриализации нашей страны решается для металлургической промышленности Мордовии достаточно ясно: из перечня владельцев, приведённых в нашей таблице, отчетливо видна преобладающая роль именно буржуазного класса. Братья Иван и Тарас Миляковы,— зачинатели железоделательной промышленности на территории Мордовии—крестьяне из дворцового села Дедилова, заметного торгового пункта на реке

1) Семевский—Крестьяне в царствование Екатерины II, том I, СПБ 1881 г., стр. 403.
Любомиров, цитир, соч., стр. 77.
2) Гессен Ю. История горнорабочих в СССР, т. 1, стр., 254—256. Архив истории труда в России, кн. 3, стр. 139.

№ п.п.	Наименование заводов	Год основания завода	Местоположение завода (уезд)	Профиль завода	Фамилия владельца	Примечание
1	Рябкинский	1719 [1]	Краснослободск.	Доменный и Молотовый	Иван и Тарас Миляковы [2]	
2	Сивинский	1726 [3]	„	Молотовый	Миляковых	Сгорел в 1860 г.
3	Авторский	1754 [4]	„	Доменный и Молотовый	Миляковых	
4	Инсарский	1754 [5]	Инсарский	Доменный и Молотовый	Никоновых	
5	Еремшанский	1754	Темниковский	Доменный и Молотовый	Сначала казённый, с 1755 г. кн. Репина С. И. с 60-х гг. Баташева А. Р.	Ныне Рязанской обл.
6	Виндреевский	1755 [7]	„	Доменный и Молотовый	Баташевых	С XIX в. числится в Спасском у.
7	Исецкий	1758 [8] [9]	Инсарский	Молотовый	Никоновых	Ныне Пензенск. обл.
8	Вознесенский	1774 [10]	Темниковский	„	Баташевых	Ныне Горьковск. обл.
9	Мердушевский	1791 [11]	„	Доменный	Баташева А. Р.	Ныне Риз. обл.
10	Темниковский	1788-1803	г. Темников	„Ручной" чугун. литейный	Купца Киорина	Три завода
11	„	„ [12]	„	„	Купца А. Кунавина	
12	„	1817	„	„	Купеческой жены М. Серебряковой	
13	„	„	„	„	Купца М. Милентьева	
14	„	„	„	„	Купца В. Корнилова	

Оке [1])., Андрей Никонов, построивший сначала Инсарский, а позднее Исенский заводы, является московским купцом, как и его наследники—сыновья Василий и Алексей Никоновы [2]).

Родоначальник семьи Баташевых, крупных рудопромышленников XVIII в., Иван Баташев—„тульский кузнец". О Баташеве сохранилось предание, что до выступления в роли заводчика он был управляющим на тульском заводе известного промышленника Демидова. Вообще же Баташевы принадлежали к видным людям среди тульских кузнецов. Очевидно, не столько „кузнечный промысел", сколько поставки в казну сыграли основную роль в превращении И. Баташева, а позднее Андрея и Ивана Родионовичей Баташевых в магнатов железоделательной промышленности. Они должны быть причислены к буржуазному классу, хотя формально вышли не из купеческого сословия.

Географическое размещение всех предприятий чёрной металлургии на территории Мордовии в Инсарском, Краснослободском и Темниковском уездах диктовалось отдалённостью их от старой (XVII в.) и новой пограничной укреплённой черты, в XVIII в., при Петре I, уже передвинувшейся на линию городов Петровск—на реке Хопре,

---

1) Считаем необходимым исправить ошибку, допущенную или самим Кирилловым или издателем рукописи Кириллова Погодиным, в наименовании села Дедилов в с. Дединов (или Деднов на Оке), у проф. Любомирова—Дединово (см. Крестьянская промышленность XVIII в. Комментарии стр. 287, 291.

2) Госархив МАССР, ф. 22, п. 37, л. 266.

(к таблице на стр. 116).

1) Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в. М. Л. 1935, стр. 188.
2) У Ив. Кириллова ошибочно названы Милюковым.
3) Любомиров. цитир. соч., стр. 56.
4) Там же, стр. 126.
5) Госархив МАССР, ф. 22, д. 2, л. 107—об.
6) Журнал мануфактуры и промышленности № 5, 1830 г., стр. 89, Любомиров, цитир. соч., стр. 126.
7) Журнал мануфактуры и промышленности № 5, 1830 г.
8) Любомиров, цитир, соч., стр, 126.
9) Журнал мануфактуры и промышлен, № 5, 1830 г., стр, 92,
10) Там же, стр. 95—96.
11) Там же, стр. 102—103.
12) Там же.

Павловск—на реке Медведице, Царицын—Паншин, а затем—и это, конечно, самое важное—наличием рудных и других сырьевых баз, изобилием и дешевизной рабочих рук. По мнению автора статьи в „Журнале мануфактуры и торговли" (30 г г. XIX в.) последний момент был даже превалирующим, по крайней мере, в отношении заводов Темниковского уезда [1]).

Руды в большинстве случаев были „худые", как тогда выражались,—дерновые, болотные с малым содержанием железа, но и они были доступнее других по способу добычи, залегая почти на самой поверхности или на очень небольших глубинах. Мы пока ничего, или вернее, очень мало знаем о первых „рудознатцах"—рудоискателях на территории Мордовии конца XVII и начала XVIII в. в. Они, несомненно, были. Ведь по Берг-привилегии 1719 г. „всем и каждому давалась воля, какова бы чина и достоинства не был, во всех местах, как на собственной, так и на чужих землях искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы". [2]) Историк чёрной металлургии в России и СССР акад. Струмилин приводит любопытные свидетельства по Алатырскому уезду (в состав которого входил первоначально частично образованный позднее Ардатовский уезд) о нахождении рудоискателями на территории этого уезда каменного угля [3]). Возможно, что в связи с этими опытами по разработке каменного угля, которые производились здесь в 1722 году специально выписанными из Англии мастеровыми, мало искушённые доморощенные рудоискатели того же уезда „обыскали" (нашли) в разных местах этого уезда серебряные руды и просили правительство разрешить им построить на свои средства завод для плавки этих руд [4]). Приведённые факты, несомненно, говорят о наличии исковой „горячки", объектом которой стали некоторые районы тогдашней Мордовии. Рудные местонахождения разведывались в XVIII, да еще в начале XIX ст. весьма примитивными орудиями—„щупами", „рожнами", разрабатывались же простой железной лопатой, кайлой, обычно на небольшой

1) См. Журнал мануфактуры и торговли. № 5, 1830 г., стр. 49.
2) Рукописн. фонд Мордовского научно-исследовательского института п. № 280, стр. 114.
3) Чёрная металлургия в России и СССР. М. 1935 г., стр. 74.
4) Любомиров, цитир. соч., стр. 75.

глубине, часто без всякого крепильного леса, при свете лучины („дудки") [1]). С помощью таких „орудий", очевидно, добывались во времена Палласа в 60-х г г. XVIII в. руды для Инсарского завода под иловатой с песком смешанной опокой). В начале XIX в. (по Щекатову) при этом заводе имелось 15 рудников и приисков. Значительная часть наших заводов получала своё основное сырьё в ближайших, а иногда и отдалённых от предприятий мест: Инсарский завод, как отмечал ещё Паллас, возил руду за 12—15 вёрст; Авгорский и Сивинский в течение всего XIX ст. добывали руду в Инсарском (д. д. Н.-Пшеново, Каменка) и Краснослободском уездах на расстоянии 25—30 вёрст от заводов [3]). Рябкинский завод, не имея руд в собственных заводских дачах, возил их из сел Дергановка [4]), Ефаево, Ворона Краснослободского уезда. [5]) Наконец, Баташевские чугунолитейные заводы (Еремшанский, Мердушевский) снабжались рудой из Карповских и Борзинских рудников Владимирской губ., Меленковского уезда [6]).

Другие нужные для производства материалы (горновой камень, флюсы и т. п.) доставлялись даже из более отдалённых пунктов. Вопросы их доставки в условиях тогдашнего транспорта, чаще всего зимой, приобретали для заводского хозяйства значение серьёзной проблемы. Каждое предприятие ежегодно должно было заготовить и вывезти десятки тысяч пудов руды: на рудниках Рябкинского завода, например, в течение 1819, 1825, 1827

1) См. описание у Крылова—Железная промышленность в замосковском крае, Вестник Европы. 1877 г. т. II, стр. 775—807:
2) Путешествие по разным провинциям российской империи. 2-е изд. 1809 г., т. 1, стр. 106—107.
3) Рукописн. фонд Мордовского. Научно-исследовательского. ин—та, п. № 359, л. 54.
4) Относительно Дергановских руд известный геолог Богословский дал следующий анализ: „Состав ее очень непостоянен, вследствие чего в сложенных на заводе (Авгорском Н. Р.) для обжига грудах руды, наряду с конкрециями довольно плотного и тяжёлого сферосидерита, нами были наблюдаемы куски бурого железняка с примесью глины и слюдистого песку и даже часто куски железисто-песчанистой гливы и железистого песчаника". Геологический очерк Пензенск. губ, Архангельского. М. 1916 г. стр. 76.
5) Госархив МАССР. ф, 24 л. 119. д. 13 л. л. 6—10 „Красная Мордовия" №86; 1935 г. (Статья Рыженкова).
6) Журнал Мануфактуры и промышленности №5. 1830 г. стр. 89—96

г г. соответственно было добыто руды 176,760, 136.655 и 134.070 пудов; на Авгорском и Сивинском заводах в половине XIX ст. в переплавку шло не менее 102.540 пудов, на Мердушевском—и того более (до 195.740 п.) [1]).

Нередко вследствие неудовлетворительной постановки разведочных работ первоначальное рудное месторождение оказывалось в ходе эксплуатации недостаточным, и рудная база предприятия, естественно, должна была перемещаться. Так случилось, например, с Авгорским заводом, который в течение XVIII в. добывал руду в близлежащих к заводу рудниках, а в XIX ст. вынужден был завозить её из Инсарского уезда. При низком качестве руд часть последних, притом довольно значительная, уходила в процессе производства в бесполезные отходы —„урон" по тогдашнему выражению, что ещё более загружало заводской транспорт. На Рябкинском заводе этот „урон" составлял, как видно из годовых отчётов конторы, 20—21 проц. или в абсолютных цифрах 23. 059 пуд. на 108.809 пуд. руды в 1827 г., 24.814 пуд. на 118.583 пуд. в 1828 г. Не лучше обстояло дело и на Инсарском заводе. Тот же Паллас отмечал, что руда здесь „цветом бурая,... а по большей части серая и желтая с красной вохрой смешанная, притом же не богатая." [2]) Выход чугуна на этом заводе, по данным Палласа, не превышал 23 проц., на Авгорском этот процент по нашим расчётам был выше—33 проц.

Кроме рудничного хозяйства и его состояния положение заводов определялось и другими не менее важными обстоятельствами. Практика чёрной металлургии выдвигала в XVIII ст. следующие основные требования при организации завода: наличие топлива, строительного материала и водных ресурсов.

Мы остановимся лишь на некоторых моментах.

Заводская плавка руды производилась в XVIII—XIX ст. в домнах исключительно на древесном топливе [3]). Краснослободский, Инсарский, Темниковский уезды, ещё к

1) Госархив МАССР; ф. 24. д. 17, л. л. 66—75. 43—47 (Сравнение с рудами доставлявшимися на Авгорский завод).
2) Паллас. Цитир. соч., стр. 106.
3) Доменное производство в России ведёт своё начало с 1632 г. Первые известия о доменных печах в Англии и Германии относятся к первой полов. XV ст. Выплавка чугуна на коксе в Англии началась с 1735 г.

моменту генерального межевания (1782—1797 г г.) располагали значительными лесными массивами, правда, уже основательно поредевшими вследствие хищнического истребления их на поташное и винокуренное производство. В Краснослободском уезде леса составляли 52,2 проц., в Инсарском—49,2 проц. общей площади уезда [1]). Не все из указанных выше заводов владели собственными лесосеками, подобно Авгорскому или Баташевским заводам, да и те, которые имели их, не могли рассчитывать на них на сколько-нибудь значительный срок, ввиду огромного расхода топлива, вообще древесины на „огнедействующие" заводы. При предварительном обжиге руд на месте добычи или на заводе одной куб. саженью можно было обжечь, по расчётам видного специалиста XVIII в. акад. Германа, пудов 50—60 руды. На выплавку же одного пуда чугуна требовалось от 3-х до $3\frac{1}{2}$ пуд. древесного угля. Между тем, лесные ресурсы заводов были не безграничны: в период составления т. н. „экономических примечаний", (70—90 г г. XVIII в.) за Сивинским заводом числилось 27,8 десятин леса, за Рябкинским—750, Авгорским—1042 [2]). При таком положении большинство заводов вынуждено было пользоваться „вольными" покупками „по записям". Для Инсарского завода, по данным Палласа, ежегодно вырубалась в казённых лесосеках площадь до 10 тысяч кв. саженей. Рябкинская контора закупала „вольное" топливо на суммы, значительно превышавшие расходы на основное сырьё. Приводим для сравнения выписку из годовых отчётов за 1825 и 1827 г г. по Рябкинскому заводу (по счетам руд, угля и дров).

Заготовлено	1825 г.		1827 [1])г.	
Руды . .	136655 пуд. на 3 872 руб.	16 319 р.	134 070 пуд. на 9 731 руб.	16 597 р.
Угля . .	8 568 четв. на 1 2045 руб.		8.577 четв. на 12 451 руб.	
Дров . .	2 137 саж. на 4 274 руб.		2 102 саж. на 4146 руб.	

1) Гвоздев, цитир. соч., стр. 8—11.
2) Там же.
3) Госархив МАССР, ф. 24, д 17 л. л. 67—87.

Из приведённой таблицы видно, что затраты на уголь и дрова превышали расходы на заготовку руды в 2-4 раза. Ясно, что вопросы обеспечения заводов лесом играли первенствующую роль в заводском хозяйстве. Содержатель Инсарского завода Никонов, довольствовавшийся „вольною" покупкою и подрядами из лесов коронного ведомства, в конце XVIII ст. попал в критическое положение из-за неожиданно изменившейся обстановки на лесном рынке: обеспокоенное громадной убылью лесов для нужд „огнедействующего" завода, лесное ведомство запретило крестьянам всякую вольную заготовку леса. Заводу грозила остановка, „понеже,—как писал Никонов Берг-коллегии,—не остаётся ни малейшей надежды самому ему заводчику запастись дровами и углем не только на будущие годы, ниже на нынешний (1797 г. —Н, Р.); казённых же лесов в отводах к заводу не имеется". Только после долгой ведомственной переписки, в итоге настойчивого представления Симбирского вице-губернатора (Инсарский уезд входил тогда в Симбирскую губ.), вопрос по „высочайшему соизволению" был решён в благоприятном для завода смысле, и „на продовольствие завода потребное количество дров и угля" было позволено крестьянам заготовлять из лесосек „коронного ведомства"[1]).

Не меньше хлопот вызывал вопрос с огнеупорами—доменным камнем для доменных печей и горнов, флюсами—известняками и песками, необходимыми для проплавки руд. Если Рябкинский завод в первой половине XIX ст. нашёл выход из доложения, доставляя флюсы из-под с. Пурдошки на реке Мокше (в оба конца 72 версты), то Инсарский завод вынужден был привозить доменный камень прямо из Москвы, переплачивая огромные суммы на доставку его в завод. Гужевая транспортировка флюса на Рябкинском заводе обходилась по 70 коп. за кадь (весом в 13 пуд.), т. е. почти по 5,5 коп. за пудо-версту; расходовалось же флюсов ежегодно от 905 до 1975 кадей (по 25.670 пуд. в 1829 г.) [2]). Из-за плохого качества кирпича, употреблявшегося на кладку доменных печей, и отсутствия нужного доменного камня

1) Госархир МАССР, ф. 24, д. 2. л. л. 171—172.
2) Паллас. цитир. соч., т. 1, стр. 107.
Госархив МАССР. ф. 24, д. 17, л. л. 33—36, 50.

домна на Рябкинском заводе не ремонтировалась в течение более чем 100 лет и к 1829 г. пришла в полную негодность, что было засвидетельствовано особым актом.

Что касается двигательной силы, то все наиболее крупные заводские механизмы—молоты, станки приводились в движение специальными „мельнишными" колёсами, использовавшими гидравлическую энергию, почему в документах XVII—XVIII в. в. заводы называются „вододействующими".

Не раз цитированный нами Паллас указывал, что на Инсарском заводе „вода реки Инсары действует мехами".[1])

Такими же вододействующими заводы оставались и в 60—х 70—х г. г. XIX ст. Заводская металлургия в России вплоть до падения крепостного права базировалась на водяной энергии („мельнишные заводы"). Акад. Струмилин приводит для 1859 г. по 156 доменным и железоделательным заводам такие данные в отношении их энерговооружённости: [2])

Род двигателей:	Число их:
1. Водяные колёса	1818
2. Водяные турбины	46
3. Паровые	123
4. Конные привода	1

Преобладали, как видим, те же водяные колёса. Составитель географического—статистического словаря (70-е г г. XIX ст.) Семенов при описании Авгорского и Сивинского заводов говорит о тех же мельничных колёсах, причем на первом заводе оно (колесо) достигало будтобы гигантских размеров—18 саж., тогда как по Струмилину средний размер водяных колес не превышал вообще 4—10 арш. высоты и 1,5—5 арш. ширины [3]). Таким образом, выбор реки был одним из самых важных вопросов при построении заводов. „Нужно было,— пишет проф. Любомиров,— учесть и силу водяного потока, чтобы соответственно ему проектировать мощность пред-

1) Паллас, цитир. соч., стр. 107.
2) Струмилин, цитир. соч., стр. 221.
3) Семенов, т. 4, стр. 366. Струмилин, цитир. соч., стр. 185.

приятия, необходимо было найти и особое, удобное место для сооружения плотины. В общем заводском комплексе плотина, пожалуй, была самое сложное и трудное—при тогдашних технических средствах— дело" [1]). Из-за „мягкости" земли на Инсарском заводе весенние воды реки неоднократно прорывали плотину, — факт, отмеченный Палласом в своём „Путешествии". На Рябкинском заводе прорыв плотины в 1831 г. на долгое время вывел предприятие из числа действующих. Даже такие заводы, как Авгорский и Сивинский, содержавшиеся в относительно лучшем порядке, „из-за маловодия" действовали с перебоями почти ежегодно [2]).

Как известно, общее техническое состояние заводов чёрной металлургии, совершенно недостаточная энерговооружённость труда дали основание акад. Струмилину в его последней работе „Промышленный переворот в России" считать эту первостепенную промышленность „наиболее технически отстающей отраслью" [3]). Вывод маститого историка нашей металлургии подтверждается также фактами, относящимися к посессионным железным заводам на территории Мордовии. Бывший служащий Златоустовских заводов, а с 1825 г. управляющий Рябкинского завода, Цитович, сравнивая два соседних завода Краснослободского уезда—владальцев Шапкина и Манухина писал в своей докладной от 28 июня 1829 г. на имя Краснослободского уездного судьи: „Купец Манухин имеет свой завод (Авгорский—Н. Р.), свое прочное и хорошее устройство к заводскому действию, а Рябкинский завод (заводчика Шапкина—Н. Р.) означает только одно название, в существе же своем заключает одну ветхость и несоответственность заводу купца Манухина" [4]). Именно в силу этой общей „несоответственности" и, прежде

1) Любомиров, цитир. соч., стр. 42—43.

2) Паллас, цитир. соч., стр. 107.

Госархив МАССР, ф. 24, д. 48, л. 16—17.

Остатки плотины на Авгарском з., сохранившиеся до настоящего времени, поражают своей внушительностью. В 1809 г. (30 VII) плотина была прорвана, и доменное строение от возникшего пожара сгорело. Госархив МАССР, ф. 24, д. 55, № 1189 (по журналу).

3) Струмилин, цитир. соч., стр. 17.

4) Госархив МАССР, ф. 24, д. 17, л. л. 43—47.

всего, доменного хозяйства [1]) завод в 1829 г. прекратил на несколько лет своё действие.

Несомненно в лучшем положении находились вообще предприятия Баташевых.

В течение второй половины XVIII в. на огромном пространстве четырёх тогдашних губерний: Рязанской, Владимирской, Нижегородской и Тамбовской поднялось, по выражению проф. Любомирова, „подлинное царство Баташевых", с которым могли разве поспорить только такие толстосумы-заводчики, как Савва Яковлев, Губкины да Демидовы на Урале. „Зачинателями" этого „царства" были братья Андрей и Иван Баташевы, дети оружейника тулянина Родиона Баташева. Первый завод братья заложили в дремучих лесах на берегу реки Оки, там, где по преданию ещё при Петре I посадские люди, братья Железняковы да Кирилл Мезляков, руду железную „обыскали" и поставили железный завод. Недолго хозяйничали братья: „вольница" муромских лесов, которой „не в обычай" было работать на заводе, разнесла и выжгла завод, срыла заводские валы, а пушки и пищали унесла с собой в леса. В этих-то лесах и построили братья Баташевы первый свой Гусевский завод, ставший резиденцией этого подлинного тёмного „царства" Баташевых. Дело вёл Андрей Родионович Баташев (умер в 1799 г.) „Богатый, умевший ладить с властью,—пишет о нем проф. Любомиров, —и не останавливавшийся ни перед чем в действиях в отношении слабых, Баташев по части рабочей силы снабжал свои заводы и собственными крестьянами, и ловко завлекаемой „вольницей" муромских и касимовских лесов, и прямыми захватами чу-

1) Приводим выдержку из акта комиссии по осмотру домны от 30/VI 1829 г. „Все бока или фасы оной домны в чрезвычайной ветхости, угрожающем падению. Передняя т. н. фурменная, вся в трещинах, укреплена бревенными подпорами и чугунными вспомогательными связями, без коих давно бы должна оная быть разрушенною; задний фас оной, хотя и был поддержан т. н. подпором или быком кирпичным, но от сильного натиска оного фаса или бока отошел и равно подвержен подобной участи разрушения; правый бок или фас также точно весь в трещинах, и существенная ветхость оного поддерживается в одной связи со стоящем домом, а верхняя половина—устроенным прежде для жилья прикащика, а внизу палаткою для склада и хранения разных заводских вещей. Верхняя часть домны, где производится засыпка калош, также вся в трещинах и равно требует немедленной поправки". Госархив МАССР, ф. 24, д. 17, л. 50.

жих крестьян. Достаточно обеспеченные и удачно расположенные заводы стали одними из крупнейших в центральной России и доходностью своей вызывали дальнейшее расширение предпринимательства"[1]).

Получив в 1763 г. право продавать свои изделия „по всем российским городам, где похотят," Баташевы уже в 1775 г.[2]) владели 9—ю чугунолитейными и железоделательными заводами. После небольшой заминки в 70—х г. г, строительство Баташевых снова усилилось в связи с англо-американской войной, и в 90—х гг. XVIII в. у них насчитывалось уже 14 заводов, в том числе 4 вполне современных по одному лишь тогдашнему Темниковскому уезду (Вознесенский, Еремшанский, Виндреевский и Мердушевский. [3])

Техническую вооружённость даже этих передовых по тому времени заводов нужно понимать все же довольно относительно [4]). Говоря о технических усовершенствованиях в чёрной металлургии России на всём протяжении XVIII и XIX в. в. акад. Струмилин мог отметить лишь введение вагранных, т. е. подвижных, малых печей, и цилиндрических воздуходувных машин, изобретённых в Англии в 1760 г. „О значении цилиндрических воздуходувок можно судить уже по тому,—пишет цитированный нами автор,—что... замена кожаных мехов даже мало совершенными деревянными цилиндрическими машинами давала до 20 проц. экономии угля. А вместе с тем, ус-

1) Любомиров, цитир. соч., стр. 153—154.

2) Попытка братьев Баташевых Андрея и Ивана Родионовичей построить в 1773 г. железоделательный завод в Кадомском уезде и использовать огромные, ещё нетронутые лесные массивы по реке Сарме, в пределах 50-ти вёрстной полосы от этой речки в направлении Арзамасского, Муромского, Касимовского и Темниковского уездов, встретила решительное сопротивление со стороны ясачного населения („будников)" сёл Сарминского Майдана и Мотызлей, поддержанных также и Саровским монастырём. Выданное берг-коллегией разрешение на постройку железного завода, что угрожало целостности корабельных лесов, всё же было в конце-концов аннулировано.

Госархив МАССР, ф, 1. д. 254, л. л. 1—6 (дополнит).

3) О состоянии Баташевых может дать представление доля наследства одного из братьев—Ивана Родионовича Баташева: по 9-й ревизии за ним числилось 10.870 душ крестьян, из которых 4.876 чел. были мастеровыми. Когда он умер, при описании его имения оказалось 12.528 душ крестьян и 14.967 дес. земли.

Белоконский—„Деревенские впечатления", т. 1, СПБ, 1900 г., стр. 155.

4) См. описание заводов Баташевых в 30-х г.г. XIX в. „Журнал мануфактуры и торговли", 1830 г., № 5.

коряя металлургические процессы, эти новые воздуходувки резко повышали суточную выплавку домен" [1]).

Именно эти технологические новинки мы встречаем только на заводах Баташева и Авгорском (в XVIII в. и нач. XIX в. в.) Вообще же владельцы посессионных мануфактур и не стремились вводить новые машины, как бы выгодны они ни были. Ведь не в их власти было сократить число рабочих рук на их фабриках, перебросить излишки рабочей силы на другие предприятия. Поэтому, естественно, чёрная металлургия, по преимуществу частно-владельческая, составлявшая даже в 1860 г. 82,5 проц. [2]) деградировала по сравнению с хлопчатобумажной и другими отраслями, где прежде всего использовался вольнонаёмный труд.

Рассматривая Пензенско-Тамбовскую группу заводов, проф. Любомиров подчёркивал, что характерная их особенность состоит в том, что „используя население районов в организации производства, эти заводы не менее тесно связаны были с ним на более широкой территории и в области сбыта". „Не экспорт за границу и не работа на казну и других потребителей,—писал Любомиров,—как это стояло на первом плане у чёрной металлургии Урала, а удовлетворение массового спроса на чугунные изделия и железо—вот основная задача изучаемой группы заводов"[3]). Столь категорический вывод покойного исследователя нашей промышленности в отношении характера продукции заводов указанного района не колеблет и тот факт, что с конца ещё 70-г. XVIII в. часть заводов района, по преимуществу Баташевых и Миляковых, перешла на выполнение большого военного заказа казны. Указом Пензенского наместнического правления от 20-го января 1791 г. на имя управ благочиния и нижних земских судов здешнего наместничества предписывалось вызвать „охочих людей к торгу с достаточными о себе уверениями и надлежащими залогами" для доставки артиллерийских снарядов Балтийскому флоту с Рябкинского и Авгорского заводов сначала на

1) Струмилин, цитир. соч., стр. 183—184.

2) Пажитнов. К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности. „Истор. записки Акад. Н. СССР, № 7, стр. 237.

3) Любомиров, цитир. соч., стр. 127—128.

известную тогда Пурдошанскую пристань, „а оттоль по вскрытии воды до Санктпетербурха".[1])

Обслуживая потребности своего ближнего и более отдалённого районов с их многонациональным составом населения, эти заводы примерно с 70-х—80-х г г. XVIII в. вынуждены были приступить к частичной перестройке своей производственной программы вследствие новой конъюнктуры, обозначившейся на „всероссийском рынке". Как отмечают некоторые наши исследователи (Любомиров, Струмилин) эта перестройка совершалась не без давления со стороны уральской заводской промышленности, которая обнаруживает к этому времени интерес к местным рынкам. Работавший по преимуществу на экспорт, Урал, в связи с начавшимся в Англии промышленным переворотом и энергичным развёртыванием собственного производства железа [2]), постепенно поворачивается лицом к местным рынкам. „Давление Урала,—замечает проф. Любомиров,—наиболее сильным могло быть в районах низовья Камы и всей Волги..., а также в бассейне Оки" т. е. в районах, захватываемых торговыми операциями посессионных железных заводов Тамбовско-Пензенской группы, лежавших в бассейне реки Мокши [3]). Перестройка эта не обошлась без некоторых „жертв". Прежде всего, к 1770 г. прекратил своё действие Исенский завод, работавший на продукции Инсарского чугуноплавильного завода; второй завод того же владельца (Никоновых) тогда же перестал выделывать железо для рынка, которое по своим качествам, естественно, не могло конкурировать с уральским; закрылись молотовые цехи—в 1790 г. на Авгорском, а с 30-х г г. XIX ст. на

1) Госархив МАССР, ф. 19, д. 17, л. 67. „Журнал мануфактуры и торговли", №5, 1830 г.

2) Приводим данные проф. Яцунского о выплавке чугуна в Англии и России (преимущественно по Уралу) в %% отношении к мировой выплавке.

Годы.	Англия.	Россия.
1790 . .	17 проц.	32 проц.
1800 . .	30 „	24 „
1850 . .	52 „	5 „

(см. „Вопросы истории", № 1 1945 г. стр. 132.

3) ЛЮБОМИРОВ, ЦИТИР. соч., стр. 204—205.

4) Как показывает ведомость о фабриках и заводах Пензенской губ. конца 70-х г. XIX ст., продукция Авгарского завода находила себе сбыт в Астрахани, Саратове, Оренбурге, Уральске. Фонд ин-та, п. 359, стр. 55.

Рыбкинском заводе; Сивинский по тем же причинам вынужден был снизить выделку крицевого железа до 10 тыс. пудов вместо прежних 25 тысяч пуд. Соответственно расширилось на доменных заводах производство чугунного литья, преимущественно рассчитанного на удовлетворение потребностей „иноверческого" населения—татар, калмыков, мордвы, т. к. русское население предпочитало деревянную и глиняную посуду, кроме, конечно, котлов. Паллас ещё для 60-х г г. XVIII в. указывал в отношении Инсарского завода, что „льют тут из чугуна чугунные горшки котлы и широкие калмыцкие чашки, ибо сии у калмыков и татарских народов почитаются главною домашнею посудою".—„Здесь делают такой посуды,—замечает он,—до 30 тысяч пуд. ежегодно и развозят по рынкам Малой России и на Волге" [1]). Сковороды „персидские" (высококрайные), „азиатские чашки", кошеварные котелки, горшки, 1-й и 2-й „руки" (сортов), „иготи" (ручные ступы) мы встречаем ещё для первой половины XIX ст. среди продукции Авгорского и Рябкинского заводов. О размерах производства последнего представление можно получить из данных, извлечённых нами из годовых отчётов завода:

Годы	Заготовлено чугун. изделий (в пуд.)	Реализовано (в пуд.)	На сумму.
1825	23.832	21.605	48.888 руб.
1826	22.399	20.967 [2])	48.649 „
1827	23.880	23.920	52.589 „
1828	19.983	15.565	38.177 „
1829 с I-[I-VII	12.765	11.007	26.109 „ [3])

1) Недостающее количество взято из остатков прошлого года.

2) Госархив МАССР, Ф. 24, ц. 17, л. л. 66-101.

3) Паллас, 1, стр. 106. В XIX в. положение завода резко ухудшилось, По данным ведомости 1813 г. по Инсарскому заводу было выплавлено всего лишь 716 пуд. 0, 5 фунта разного литья. Госархив МАССР, Ф. 81, д. 4, л. 96.

Для Сивинского завода за тот же примерно период характерно производство полосового железа и гвоздей. У Баташевых преобладало то же полосовое железо, производство кос „на косной фабрике" при Виндреевском заводе. „Литые припасы"—котлы, горшки, черепица составляли у них, по исчислению Любомирова, более трети всего выпуска продукции [1]).

Несмотря на всю ограниченность производственных возможностей нашей металлургической промышленности, покоившейся на малопроизводительном крепостном труде), развитие крупной промышленности в России опережало рост внутреннего рынка, скованного условиями крепостного хозяйства. Отсюда спорадически возникавшие состояния относительного перепроизводства. Проф. Любомиров готов сближать эти состояния (ошибочно) с обычными для капитализма кризисами.

Особенно эти состояния перепроизводства, „кризисные явления"—по Струмилину, выступают в период задержки в развитии нашего внешнего товарооборота. Львиная доля его, как известно, падала на Англию, и наша промышленность чутко реагировала на всякую заминку спроса на английском и других европейских рынках. Континентальная блокада, навязанная России Наполеоном, английский кризис 1825 г., международные кризисы 1837—1839, и 1847 и 1857 г г.—все эти моменты, естественно, отражались на состоянии нашей промышленности в целом, вызывая явления относительного перепроизводства. Снижение ёмкости заграничного, по преимуществу английского, рынка сказывалось соответствующим снижением спроса и падением цен на мануфактурную продукцию в России. Не вдаваясь в общие данные по экономике царской России этого периода, мы можем отметить отдельные факты стеснительного положения нашей металлургической промышленности на территории Мордовии в период наступления относительного перепроизводства. Наи-

1) Любомиров, цитир. соч., стр. 127.
2) „Производительность такого (т. е. принудительного—Н. Р.) труда,—пишет акад. Струмилин в своей глубоко содержательной работе „Промышленный переворот" в России",—как это установлено нами по отчёту департамента мануфактур за 1813—14 г. г., была раза в два ниже по сравнению с лучше оплачиваемым вольно-наёмным, даже при равной технике".
Цитир. соч., стр. 46.

более ранние факты относятся к 1824 г., т. е. ко времени, когда Англия приближалась к кризису 1825 г. Резкое снижение жизненного уровня рабочих в итоге повышения эксплоатации, „заминки" с реализацией, снижение расценок на чугунные изделия,—весь этот комплекс „кризисных явлений" затронул и наиболее крепкие в хозяйственном отношении предприятия нашей металлургии. Заводчик Манухин, в ответ на выдвинутое тогда же рабочими требование о повышении сдельных и подённых расценок, в своём отношении Краснослободскому земскому суду указывал: „Ныне просимая ими (т. е. рабочими Н. Р.) в плате прибавка должна быть мне отяготительна, потому что все заводские изделия унизились в ценах" [1]).

Те же „объективные" причины засвидетельствованы и несколько позднее—в июле 1826 г., когда российский рынок переживал все последствия разразившегося в Англии кризиса 1825 г. В своей докладной рябкинская заводская контора отмечала: „Хотя в конторе имеется табель для распродажи чугунной разного сорта посуды, которая составлена, применяясь к вольной продаже, но если рассчитать все расходы и покупку употребляемых на выплавку чугуна припасов, то чугунная посуда гораздо превзошла ценою табели... да и расход её приметным образом уменьшился, и цена на неё значительно уменьшилась против табельного расписания" [2]).

Чувствительная ко всяким переменам внешнего и внутреннего рынка, посессионная промышленность, особенно горно-заводская, затрещала по всем швам. Ясно давала себя знать та главнейшая причина резкого упадка всей нашей металлургической промышленности, о которой писал Ленин, говоря об Урале: „Во время оно крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе."—„Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма".—„Главной причиной застоя Урала,—подчеркивал Ленин,—было крепостное право; горнопромышленники были и по-

1) Госархив МАССР. ф. 24, д. 14, л. 176.
2) Там же.

мещиками и заводчиками, основывали своё господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своём владельческом праве" [1]).

Верно поставленный Лениным „диагноз" в отношении уральской промышленности верен и для всей вообще посессионной промышленности, остававшейся в 20-х гг. XIX ст. „цитаделью крепостного труда" (Лященко), наряду с суконными и писчебумажными дворянскими фабриками [2]). Темпы этой деградации крепостной мануфактуры, всё более наращиваясь начиная с 30-х г г. XIX ст., осложнились английским и европейским кризисами 30—50-х г г.

Отчётность департамента мануфактур за эти годы, с точностью сейсмографа отметила остановку в росте за 1839 г. и прямое снижение числа действовавших фабрик и занятых в них рабочих за 1840 и 1841 г г.—„Вольнонаемных рабочих легко было рассчитать,—пишет акад. Струмилин,—а посессионных и крепостных приходилось оплачивать и содержать независимо от того, имелась для них работа или нет. Вотчинную (дворянскую) мануфактуру в случае нужды можно было при этом закрыть, переведя своих крестьян на оброк или иную работу, а убыточное посессионное предприятие и закрыть было невозможно без специального разрешения правительства, без огромной потери времени и дорогостоящей бюрократической волокиты" [3]). Основываясь на ходатайстве самих же посессионных фабрикантов, подавших таковое еще в 1836 г., министр финансов николаевского правительства граф Канкрин в 1839 г. (в разгар промышленного кризиса на Западе) вошёл в государственный совет с представлением об отмене основных положений посессионной системы.

Рассмотрев проект, государственный совет нашёл, что „установленные законом правила о посессионных заведениях не соответствуют настоящему положению мануфактурной промышленности и сопряжены с различными неудобствами, из коих главнейшие: 1) обязанность не уменьшать действия фабрик или изменять рода изделий; 2) воспрещение переводить посессионных крестьян на другую фабрику; 3) ограничение занятий одними фабричными работами...., 4) условие со стороны новых покупщиков содержать заведения на том основании, и в том же виде, как находились они у прежних владельцев; 5) строгость узаконений насчет фабрикантов, приведенных в невозможность или не желающих содержать фабрику".

Вместе с тем государственный совет нашёл, что „уважений, по которым казна жертвовала своим достижением в пользу частных фабрикантов и допустила косвенное изъятие из коренного закона о праве владения крепостными людьми, теперь уже решительно не существует... и что ныне, когда и в простом народе распространился дух фабричной промышленности и число вольных рабочих и мастеров быстро увеличивается, удобнее и едва не выгоднее для фабриканта иметь сих людей по найму, нежели держать собственных и приписных".[1])

По всем этим соображениям государственный совет высказался за постепенное, но решительное уничтожение посессионных фабрик и заводов с обращением посессионных людей в свободное состояние. Это мнение государственного совета удостоилось „высочайшего утверждения" 18 июня 1840 г., но дальше этого дело не пошло. „Посессионная фабрика—крепостная фабрика,—справедливо замечает М. Б. в своей статье „К ликвидации посессионных фабрик" [2])—плоть от плоти всего феодально-крепостнического порядка.

Дать силою закона свободу десяткам тысяч крепостных рабов, занятых на этих фабриках, не значило ли разжечь волю к свободе и борьбу за неё в миллионных массах крестьянства? Признать отмену крепостного труда на фабрике не значило ли нанести удар по всему порядку феодальной зависимости? Лучше решать вопрос постепенно, частично, от случая к случаю, в тишине канцелярий, удовлетворяя домогательства фабрикантов и не подавая никаких надежд посессионному крестьянству на близкую свободу".

Вот почему не последовало никакого законодательного акта, которого так и не разыскал к своему удивлению проф. Туган-Барановский. „Постепенность" в ликвидации

---

1) Ленин, 3-е изд. т. III, стр. 376—377.
2) Лященко „История народного хозяйства, стр. 286. По данным Лященко, проц. вольнонаёмных на производствах—железное, чугунное, стальное в 1804 и 1825 г. г составлял соответственно 28 и 22 проц. против 70,8 проц. (полотняное) и 94,7 проц. (хлопчатобумажное).
3) Промышленный переворот в России, стр. 46.

1) Цитир. по работе Т. Барановского—„Русская фабрика" ОГИЗ 1934, стр. 102-103.
2) Историч. архив. Изд. Акад. Наук СССР, т I, стр. 267.

посессионной мануфактуры свелась к тому, что посессионные фабриканты получили право увольнять фабричных в свободное состояние по желанию фабрикантов и на определённых условиях. Законодательная „канитель" по вопросу о посессионной фабрике тянулась и после 1840-х г.г., когда под напором крестьянских выступлений и рабочих волнений рушился крепостной порядок, и фабричные посессионные заводы сами собой приказали вообще долго жить.

Со времени выхода в свет работ Туган-Барановского „Русская фабрика" (1893 г.) и Оглоблина „Очерки истории украинской фабрики" кое-где в нашей исторической литературе стали высказываться взгляды о том, что накануне реформы „общее вымирание крепостной фабрики бесспорно" (Оглоблин).—„Это заключение,—отмечает проф. Пажитнов в одной из своих последних работ „К вопросу о роли крепостного труда" [1])—нуждается в больших оговорках, ибо концепция Т.-Барановского и Оглоблина, проникнутая либерально-благодушным оптимизмом, игнорирует факты обострения социальных противоречий к концу 50-х г г. Ведь если „крепостной труд на фабрике уже естественно отмирал к эпохе юридической его отмены", то отсюда следует, что акт 19 февраля 1861 г. являлся излишним, по крайней мере в отношении крестьян, работающих на фабриках. Между тем в действительности крепостные отношения были еще далеко не изжиты в промышленности".[2])

Вместе с тем обострялась борьба посессионных рабочих за ликвидацию крепостнических отношений на посессионной фабрике. Достаточно хотя бы указать на выступления рабочих Авгорского и Приклонского (купоросного) заводов в 1858 году и тех же авгорских рабочих в 1859—1861 г г.

Деградация посессионной мануфактуры и переход её в капиталистическую мануфактуру, позднее в капиталистическую фабрику,—процесс сложный и противоречивый. Параллельно с её деградацией мы можем отме-

1) Историч. записки Акад. Наук СССР, № 7,1940 г., стр. 243-244.
2) Проф. Пажитнов иллюстрирует положение данными о количестве подневольных рабочих в промышленности; в 1804-1805 г г. числилось 160 тысяч помещичьих и посессионных рабочих, а в 1860 г. их было 318 тыс., т. е. 44 проц. общего числа. Цитир. соч., стр. 244.

тить факт нарождения т. н. карликовых, по существу кустарных железоделательных заводов, вроде указанных нами выше темниковских с „ручными" домницами. Проф. Т.-Барановский ошибочно объяснял их появление, как подчеркивает акад. Струмилин, распадом крупной фабрики под влиянием конкуренции с ними кустарей. „Проф. Т.-Барановский,—пишет акад. Струмилин,—совершенно не понял природы данного явления и твердил „о распадении в первой половине XIX ст. крупных фабрик (?)" под влиянием конкуренции с ними кустарей) о том, что в России „не домашняя промышленность порождала фабрику, а наоборот, фабрика (?) порождала домашнюю промышленность „и что вообще у нас в эту эпоху „мелкое производство стало вытеснять крупное". [1]) Все эти мелкие, кустарные" заводы, [2])—не порождение „распадавшейся крупной фабрики", а „естественный продукт распада деградирующей мануфактуры", по выражению Струмилина. „Это была уже только агония, правда, очень длительная, побеждённого машиной ручного труда."

Не располагая всеми данными по истории ликвидации посессионной и вообще крепостнической мануфактуры на территории Мордовии в момент крушения этой мануфактуры и перехода её в капиталистическую, мы отметим лишь некоторые итоги.

Поступившие в 40-х г г. XIX в. в опекунское правление заводы Баташевых начинают постепенно сворачиваться: заводы Еремшинский и Мердушевский, работавшие на крепостном труде, передаются в аренду, и ко времени „освобождения" крестьян находятся в руках елатомского купца Сорокина, а с 1875 г.—у кадомского купца Белова. Закрылись предприятия в 1878 г. Виндреевский завод, эти ещё с 30-х г г. XIX в. находившийся на посессионном праве владения у купца Очкина, закрылся в 1865 г. После закрытия завода приписные к нему крестьяне долгое время оставались в неопределённом положении, не получая земельного надела. Многие семьи ввиду этого выселились без соблюдения установленных правил в другие губернии—Самарскую, Саратовскую и Астраханскую. Вознесенский завод накануне 1858 г. был продан купцу Ши-

1) Промышленный переворот в России, стр. 42-43.
2) Например, у купца Кунавина работало —4 чел., у Серебряковой—5 чел., у Корнилова—4.

пову, который совершенно перестроил завод, пришедший в упадок при опекунском управлении, но после 1875 г. заводское производство постепенно стало уменьшаться и к 90 м г г. пришло в полный упадок.[1])

Что касается Пензенской группы заводов, то первым закрылся Инсарский завод в 1827 г. [2]), затем Рябкинский, очевидно, на основе положения от 18 июня 1840 г.[3]) Авторский завод, единственный завод этой группы, просуществовал вплоть до 20-х г г. XX ст.

Таким образом, на территории Мордовии победа капиталистической мануфактуры, позднее капиталистической фабрики, оказалась во второй половине XIX в. наиболее полной. Рост капитализма в России. захвативший в свою орбиту и территорию Мордовии, принёс новые отношения, к которым железоделательная промышленность не могла так скоро приспособиться. К тому же по соседству с ней вырастала новая мощная металлургическая промышленность Юга (Донбасс), Нижегородской и других губерний, с которой она, естественно, не могла конкурировать.

---

1) Данные Кашинцева ошибочны, см цитир. соч. стр 250.

2) Данные Кашинцева, цит. соч. стр.. 253.

С 1823 г. по указу горного правления рабочим „без малейшего препятствия" стали выдаваться „увольнения на посторонние работы, для прокормления себя и семейств". Госархив МАССР, ф. 22, д. 133 (по журналу от 12/VI-1823 г.

3) Данные Кашинцева в отношении Рябкинского и Авторского заводов —ошибочны.

См. цит. соч., стр. 257 и 249.

Н. Цыганов

ЗАМЕТКА О ДРЕВНЕ-МОРДОВСКОЙ ДЕНЕЖНОЙ ЕДИНИЦЕ

В языках приволжских народов (мари, удмурты), в том числе и в мордовских, имеется ряд созвучных слов, ничего, казалось бы, общего не имеющих между собой в смысловом отношении.

Полисемантизм в этих языках представляет собой не только пережиток многозначимости слов первобытной звуковой речи, но и наслоение эпох, близких к нашему времени. Причём, современные полисемантические слова древнего периода, часто выражают значения совершенно противоположные, с точки зрения современного мышления совсем несовместимые и логически не связанные понятия.

Примером, подтверждающим выдвинутые положения, является мордовское слово **пувамс**—„дуть", „тушить", „зажечь"; **вармась пуви** „ветер дует", **тол пувак**—„зажги огонь" (лампу), **пувик толонть**—„потуши огонь", „потуши лампу".

Как могло получиться, что слово **пувамс** стало выражать два различных, совершенно противоположных понятия?

Первоначальное слово **пувамс** выступало только в значении „дуть", „подуть", с появлением лампы и спичек оно стало выражать и новые понятия: „тушить", зажечь".

До появления лампы и спичек мордва в печных печурках (загнетке) хранила горящие уголья круглые сутки. Вечерние работы обслуживались светом от лучины. Для того, чтобы зажечь лучину, надо было приложить её к горячим угольям и дуть на последние, в результате чего лучина воспламенялась. Спички заменили лучинки, мордовские **сярдынить**, начинённые домашним способом

серой, а ламповый свет заменил свет лучины, но название действия зажигания лучины путём дутья передалось на зажигание лампы.

Вот почему мордовское слово **пувамс** выражает одновременно „дуть", „тушить" и „зажигать".

Так сложилось, почти на глазах ещё живущего поколения, мордовское полисемантическое слово **пувамс**.

Это один пример из тысячи случаев сложения полисемантического слова. При изучении лексики марийских коми-пермяцких языков бросается в глаза странное, на первый взгляд, явление, что слово **ур** в этих языках одновременно выражает два понятия: „белка" и „копейка".

На этот факт в своё время обратил внимание исследователь чувашского языка Золотницкий в своей работе „Корневой чувашско-русский словарь". Золотницкий пишет: „Между прочим объяснено, что почти у всех инородцев слово „копейка" выражается словом „белка" (шкурками которой инородцы встарь платили ясак), а именно: черемисов горных и луговых, пермяков и у зырян **ур** значит и белка и копейка, у вотяков коми—тоже, у татар—**тейен**, у киргиз—**тыйин**, у алтайцев—**тинг**—тоже [1]).

(От себя прибавим, что у удмуртцев „копейка" называется **одиг коньы**, „белка"—**коньы**, „деньги"—**коньдон** „денежный"—„**коньдон**", у татар скот называется **тоуар**, товар тоже **тоуар**).

Марийцы говорят: **со ур**—„сто белок", (копеек), **мешак тыжем ур**—100 рублей—1000 белок, т. е. копеек. **мешак как—тыжем виц шуд ур**—100 рублей—2500 белок (копеек) т. е. 125 рублей [2]).

Утверждая, что почти у всех инородцев слово (копейка" выражается словом „белка", Золотницкий не мог констатировать подобное же у мордвы.

Между тем Видеман в эрзя-немецком словаре приводит слово **ур** в значении „белка", „копейка".

Однако, поскольку у Видемана в названном труде содержится много неточностей и ошибок, то его утверждения не всегда принимались во внимание. В современном языке **ур** есть мордовское название „белки". В указаннном значении слово утвердилось как в эрзянском, так и в мокшанском литературных языках (смотри И. Черапкин, Мокша—мордовский словарь). В этом же значении слово **ур** употребительно у мордвы-эрзя Козловского и Ардатовского районов, Мордовской АССР.

Почти повсеместно входит это слово в состав сложного слова **урбуло** или **урпула**—„беличье" место, одновременно „хвощь", в прямом смысле—„беличий хвост". Эти названия одинаково распространены как среди мордвы Мордовской АССР, так и среди мордвы за её пределами (Саратовской, Пензенской,Ульяновской, Горьковской областей, Чувашской и Татарской АССР).

Белка, служившая когда-то меновой единицей, как будто не имеет подтверждения на почве мордовских языков, и Видеман, очевидно, допустил ошибочную фиксацию значения **ур** как „копейки"?

Изучение мачкасского диалекта (диалект мордвы-эрзя с. Мачкассы, Шемыш, р-на, Пензенской обл., бывш. Петровский уезд, Саратовской губернии. Диалект охватывает эрзя-мордовские деревни, расположенные вдоль реки Узы, притока р. Суры) натолкнуло нас на бытование **ур** в значении „копейка".

В мордовских деревнях, расположенных по течению реки Узы, употребительны выражения: **урот улить**—„гроши есть", „деньги есть". При игре в орлянку спрашивают **няро урос молят**—„на сколько копеек идешь", „на какую сумму идешь". **Монь кеветиишка уром**.—У меня около пятнадцати копеек" и т. д.

Жители села Камаевки (Лопатинский район, Пензенской области, бывш. Саратовской губ.) при встрече человека с покупкой, спрашивают: — **няро уро питнезэ**?—„сколько уплатил", „какая цена";—**ламо урот теть стясть кемтне**?—„Много денег стоят вам сапоги?". Следовательно, в селе Камаевке слово **ур** употребительно в значении слова „деньги" [1]).

---

1) З о л т н и ц к и й. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875 г. стр. 243.

2) З о л о т н и ц к и й—Корневой чувашско-русский словарь стр. см. Лыткин Зырянский край,—1895 год. Лыткин—Зырянско-русский словарь.

1) Сообщение канд. историч. наук Самаркина, происходящего из с. Камаевка. Жители с. Камаевка значительно обрусели, но как не странно, слово ур сохранилось до сегодняшнего дня в значениях „деньги" „копейка", тогда как в значении „белка" не употребляется.

Жители с. Ст. Бегучи (Кемишкирский район, Пензенской обл., бывш. Саратовской губ.), когда надо спросить, есть ли деньги, говорят: **„уртнэ эрсить зепсэт?—„деньги (гроши) бывают в кармане“, умок уш вейкеяк ур зепсэм арасель**—„давно уже не бывало в кармане ни одной копейки“ [1]).

Лит. сотрудник мордовской газеты „Эрзянь коммуна“, Силантьев П. Е. сообщил о бытовании слова **ур** в значении „деньги“, „гроши“ у мордвы с. Старой Лебежайки, Хвалынск. района, Саратовской области.

В Мачкасском диалекте белку называют „белкой“, но **урпуло** в значении „беличье место“ и слово **ур** в значении „копейка“ сохранились. Казалось бы, **ур** в значении „копейка“ должно было сохраниться в массиве мордовского населения Мордовской АССР, но оно оказалось перенесённым за 200 километров.

Тем не менее, такое перенесение слова не представляет случайности. Как известно, приузинская мордва в 17 столетии в силу ряда обстоятельств переселилась в степные населённые края бывшей Саратовской губернии из районов современной Мордовской АССР или из бывших Саранского, Алатырского, Ардатовского уездов (см А. А. Гераклитов, Саратовская мордва, Саратов 1931 г.).

Сохранение приузинской мордвой слова **ур**, как названия меновой единицы, в то время, как в этом значении оно исчезло в массиве мордвы нынешней Мордовской АССР, объясняется рядом обстоятельств.

Если в основных районах мордвы под влиянием характерных для XVII и начала XVIII столетий процессов происходила ломка общинного строя, перестройка общественных взаимоотношений и экономических устоев, то мордва южных районов, находящихся за пределами южной границы Московского государства XVII столетия (в северной части бывш. Сарат. губ.), видимо менее подвержена была этим процессам, вследствие отдалённости от основного массива населения и изолированности и, следовательно, дольше сохранила элементы старых отношений, что и подтверждается сохранением слова **ур** в значении и как „товара“ и как посредника обмена—денежной единицы.

Фактов указанного порядка, когда в одном из говоров языка слово бытует в одном значении, а в другом говоре сохранилось для выражения иного значения, а первоначальное его значение выражено другим словом, либо заимствованным, либо взятым из собственного языка, достаточно много. В мачкасском диалекте сохранился знаменный термин **маций лапа** - „гусиная лапа“, вместе с тем для названия гуся имеется слово **гала**, в литературном же языке, в диалектах Ичалковского, Ардатовского и других районов Мордовской АССР слово **маций** сохранилось в значении слова „гусь“.

В селе Ичалках, МАССР, слово **сеськe** (комар) не употребительно, но оно бытует как прозвище тощего человека, т. е. слово сохранилось в метафорическом значении.

В с. Мачкассах (Пензенская обл.) и в с. Ичалках (МАССР) слово **ни** (жена) отдельно не употребительно, но оно выступает как компанент сложного слова с именем мужа: **Санька-ни-зэ** „жена Александра“, **Яхим-ни-зэ** —жена Ефима и т. д. В этих диалектах слово **ни** (жена) заменено словом „козяйка“—„хозяйка“, „жена“, тогда как в литературном языке понятие „жена“ выражено словом **ни**.

В литературном языке бытует слово **сырьне** (золото), тогда как в мачкасском диалекте вместо этого слова имеется „золота“, однако слово **сырьне** сохранилось в глаголе **сырьнемс**, выражающем значения „блестеть как золото“, „золотиться,“ „пламенеть“.

Теперь мы можем утверждать, что в мордовских языках, как в коми-пермяцком и марийских, понятия „денежной единицы“ и „копейки“ обозначались тем же словом, что и „белка“, т. е. словом **ур**.

Современный денежный счёт Мачкасс представляет параллелизм: с одной стороны счёт ведётся **ур-ами**— „белками“ и „копейками“, с другой стороны, **„трешниками“**— „копейками“— **семишниками**— „двухкопейками“, **„гривна-ми**—„трехкопейками“. Появление такого порядка счёта связано с появлением монетной системы (2-х копеек, 3-х копеек), но название их ведёт нас к 16 и 17 столетиям.—(Это особая тема исследования).

---

[1]) Сообщил лит. сотрудник морд. газет Ф. Е. Буртаев, родом из с. Ст. Бегуч Камешкирского р. Пензенской обл. В Бегучах белка называется белкой.

Чем обьяснить, что словом **ур** стали обозначаться и „белка" и „копейка".

Академик Н. Я. Марр говорит: „ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ ВОЗНИКАЛИ НЕ ПО ФОРМЕ, НЕ ПО МАТЕРИАЛУ, НЕ ПО ТЕХНИКЕ, А ПО ФУНКЦИИ, ОПРЕДЕЛЯВШЕЙСЯ ПОТРЕБНОСТЬЮ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЕМ" [1]). В другом месте он пишет: „ЗНАЧЕНИЯ ВОЗНИКАЛИ ПО ФУНКЦИИ, ПО ОБЩЕСТВЕННОМУ НАЗНАЧЕНИЮ ИЛИ ОБСЛУЖИВАНИЮ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОТРЕБНОСТИ" [2])

В данном случае мы имеем один из примеров, подтверждающих закон функциональной семантики, открытый Н. Я. Марром. Слово **ур** возникло в смысле „копейка" не по форме, и не по материалу, и не по технике, а по функции, которую беличий мех выполнял в обмене. Словом **ур** стали обозначаться „белка", „копейка" в языках коми-пермяцких, марийских и мордовских по функции, которую „белка", точнее „беличий мех", выполнял в хозяйственной и общественной жизни этих народов в древнее время вплоть до XVII столетия.

Необходимо отметить, что словом **ур** обозначались не только „белка" и „копейка". В обмен выступала в качестве товара не сама „белка", а „беличий мех", „беличья шкурка", следовательно, слово **ур** выражало понятия „белка" и „беличья шкурка", а затем „беличья шкурка—деньги", „беличья шкурка—копейка".

Этот вывод находит себе подтверждение также и в истории изменения значений, выражаемых словом „белка" на русской почве. Перемена значения данным словом произошла от изменения роли именуемого им предмета в общественном его использовании.

Как известно, „белка", „векша", „кун", точнее, шкурки белки, векши, куницы в обмене древне-русского общества выступали как товар, а затем стали выступать как посредники обмена, как эквиваленты товара.

Хозарская держава VIII и IX веков, доходившая до Оки и Днепра взимала дань с покорённых племён (с полян, северян, вятичей) мехами: „по бели, веверице яко с

1) Н. Я. Марр-лингвистичееки намечаемые эпохи, стр. 68.
2) Ак. Н. Я. Марр.—Происхождение терминов „книга" и „письмо", стр. 5.

дыма". Арабский писатель Ибн Даста (конец IX начало X ст. нашего летоисчисления) пишет, что „Русь привозит к ним свои товары" как то: меха собольи, горностаевые, беличьи и другие. Персидский писатель XII столетия Насир-Эс-Дин сообщает, что „у русских кожаные деньги—шкурки белок (серых), а не дирьгемы". Рубрук пишет: „Обычной монеты русских суть шкурки куницы и белки".

Следовательно, меха, в том числе и беличий мех, служили богатством в древне-русском обществе; ими платили налог и дань, они являлись прибыльной статьёй обмена, а затем и мерой ценности, т. е. выполняли функции денег.

Меховые деньги в основном были упразднены в XV столетии. В 1410 году в Новгороде произведена денежная реформа, суть которой свелась к тому, что „куны" и „белки" были отменены, вместо них была введена иностранная серебряная монета.[1])

При малолетстве Ивана Грозного, в 1535 г., предпринимается ряд мероприятий в области монетного дела, направленных против злоупотреблений в подделке металлических денег и на утверждение единой металлической денежной системы. С этими мероприятиями обычно связывают появление термина „копейка", производимого от слова „копье", рисунок которого отчеканен был вместе с фигурой Георгия-победоносца на монетах, выпущенных в то время.

Л. Черепнин в своей работе „Русская метрология" замечает, что „действительно же термин „копейка" встречается значительно раньше (в XV в.) и происходит от татарского названия монеты „динар" – копейки (1/6 часть теньги-деньги".[2])

Несмотря на ряд мероприятий, направленных на укрепление металлической денежной системы, меховые деньги продолжали хождение наряду с металлическими, а в районах Сибири и Севера, в купеческих факториях, они продолжали существовать и в XVIII столетии.

Всё это указывает, что появление, эволюция и утверждение слова **ур** в значении денежной единицы на почве мордовской происходило под воздействием тех хозяй-

1) Проф. Черепнин, „Русская метрология", 1944 г.
2) там же, стр. 69.

ственных процессов, которые характерны для эволюции слов „белка-мех", „белка-мех—товар", „белка-мех—деньги", на почве эволюции экономических отношений русского народа. Следовательно слово „**ур**" (белка) могло выступить в значении копейки как равноценное древнерусской копейке и раз навсегда утвердиться в этом значении не ранее XVI столетия. Реальное содержание слова ур как копейки, выражаемое беличьими мехами, могло претерпевать ряд изменений (количественно), но название осталось без последствий.

Существенен в связи с этим и другой вопрос, а именно: насколько давно была мордва втянута в орбиту указанных экономических отношений с славянскими племенами? Исторические данные и анализ слова **ур** (белка, копейка) уводят нас в глубь истории, за пределы того времени, когда мордва вошла в состав русского многонационального государства.

Первые летописные данные о встречах мордвы с русскими князьями относятся к началу XII столетия.

Мы имеем в виду летописное свидетельство о походе Ярослава Святославовича Муромского на мордву в марте 1103 года. Этот поход был учинён не случайно, и представляет собой, видимо, одну из первых попыток русских князей подчинить мордву. Причём, в битве с дружиной Ярослава Святославовича мордва показала стойкость. Летопись повествует: „Того же лета бися Ярослав с мордвою месяца марта в 4 день, и побежен бысть Ярослав"[1])

Этот факт свидетельствует, что мордовские племена —эрзя, мокша, мурома—в XI и начале XII ст. представляли довольно значительную и организованную силу, с развитым хозяйством и крепкими экономическими связями. Ярослав Святославович мог предпринять поход в мордву только исходя из интересов захвата экономически богатого края, где достаточно много добывалось пушнины—бобровые, куньи, беличьи и другие меха, мёд, воск и т. д. которые составляли выгодные статьи обмена, а обладание ими указывало на богатство народа. Всё это свидетельствует также и о том, что мордва XII столетия экономически была тесно связана узами активного обмена с славянскими племенами, что народы Волжско-Окско-Камского бассейна, в том числе и мордва, были втянуты в круг активной экономической жизни славянских племён ещё в IX—X веках, т. е. значительно раньше, чем мордва вошла в состав Московского государства.

1) Документы и материалы по истории Морд. АССР, т. 1, стр. 123.

Слово **ур** в значении обменной единицы „копейки" указывает, что мордва промышляла белкой с давних пор и белка-мех на первых порах выступала между соседними племенами и народами не как предмет дани или налога, а как предмет торговли, как товар, а затем, по мере подчинения мордвы, и как объект дани и как „деньги".

Судя по выражаемым значениям слова **ур**, можно установить последовательность эволюции экономических отношений: **ур**—„беличий мех", **ур**—„беличий мех—товар", **ур**—„беличий мех—деньги", **ур**—„беличий мех—копейка".

Характерно, что слово **ур** распространено на обширной территории, охватывающей бассейн Оки-Суры-Волги —с одной стороны, с другой—на севере—Камско-Волжский бассейн. Следовательно, весь пермяцко-зырянский, марийский, удмуртский и мордовский мир был охвачен одними и теми же хозяйственными процессами. Распространённость этого слова в значении „товар". „копейка", „деньги" указывает, что эти народы в древние времена были в тесных экономических отношениях между собой, жили компактно и географически близко соседствовали друг с другом.

Становится непонятным, почему в таком значении мы не находим соответствующего словесного выражения у соседствующих с мордвой чуваш, тогда как удмуртский язык даёт полное подтверждение описанной картине (см. 1 стр. настоящей статьи).

***

Язык сохранил данные для познания древних экономических отношений, о которых мы не имеем указаний из письменных источников.

История полисемантического слова указывает не только о путях и способах его сложения, но и раскрывает отношения общественности и производства, которые выражаются значением этого слова.

„Слово получает своё значение в окружающей общественной среде. С переходом функции одного предмета на другой на последний переносится наименование первого“ [1]). Только в свете закона функциональной семантики понятно почему словом **ур** выражаются одновременно „белка“ и „копейка“.

Слово **ур** исторически последовательно выражало значение „белка“—„беличий мех—товар“, „белка—беличий мех—деньги“, „белка—беличий мех—копейка“. Ряд значений словом утерян, но отголоски сохранились в живом современном языке.

---

1) Акад. Мещанинов — Введение в яфетидологию, 1929 г., стр. 17.

П. Д. Степанов.

Кандидат исторических наук

ГОНЧАРСТВО У МОРДВЫ

Данному вопросу в существующей этнографической литературе не посвящено ни одной крупной работы. Между тем, в настоящее время накопилось значительное количество фактического материала, на основании которого есть возможность нарисовать довольно полную картину развития гончарного производства у мордвы. Значительный вклад в это дело за последние десятилетия сделан археологами в их работах и наблюдениях. Этнографические же материалы с большой убедительностью подтверждают многие из предположений археологов.

Указанные выше обстоятельства позволяют нам выступить с развёрнутой характеристикой развития гончарства у мордвы. Своё внимание мы при этом сосредоточим, главным образом, на описании техники этого производства, опуская характеристику экономической стороны вопроса. Однако, несколько слов о том, кто именно занимается этим производством у мордвы, мы должны будем сказать.

По своему общественному положению лица, занятые изготовлением глиняной посуды у мордвы, резко разделяются на две группы. С одной стороны это—профессионалы-горшечники, часть которых живёт только за счёт гончарного промысла и занимается изготовлением гончарных изделий в течение всего года, а другая часть занимается гончарством сезонно, сочетая промысел с своим основным занятием—земледелием. С другой стороны, гончарством у мордвы занимаются не профессионалы, а женщины, но не каждая и не повсеместно, т. к. гончарное производство требует некоторой суммы специальных знаний, которые не доступны **всякой** женщине.

Как характер самого производства, в смысле объёма, так и технические приёмы изготовления посуды у обеих групп весьма различны. Это находится, несомненно, в тесной связи с общим характером развития мордовской культуры и историей мордовского народа.

Многие приёмы гончарного производства у мордвы могут быть охарактеризованы как весьма архаические, и возникновение их относится к отдалённым временам. Последнее обстоятельство позволяет нам перебрасывать мост к материалам археологическим и давать им объяснения.

Начнём своё описание гончарного производства с работы мастеров-кустарей первой группы. Для этого используем материалы, собранные в с. Шалкино (бывш. Саратовской губ., Хвалынского у.) Гончарное производство в этом селе интересно тем, что оно даёт нам два типа приёмов изготовления посуды, а так же тем, что здесь ясно прослеживаются пути взаимовлияний мордовских и русских мастеров. Дело в том, что в селе Шалкино население смешанное—мордовское и русское, причём и те и другие занимаются гончарством.

Кто раньше, мордва или русские стали заниматься гончарством в с. Шалкино—установить невозможно, известно только, что более древние способы изготовления посуды лучше всех сохранились у мордвы. Учитывая то, что и в других местах именно у мордвы лучше сохранились архаические приёмы лепки горшков, мы берём на себя смелость говорить о возможности раннего развития гончарства у мордвы. К тому же, село Шалкино имеет и первонасельников из мордвы.

Зато дальнейшие усовершенствования и развитие гончарства, несомненно, принадлежат русским, которые первые ввели у себя „машинку".

Способ заготовки и предварительной обработки глины у Шалкинских гончаров заключается в следующем: недалеко от села из горы берётся глина, которая используется без всяких дополнительных примесей, т. к, содержит достаточное количество песка. Дома, привезённая глина слегка смачивается водой и тщательно растирается голыми ногами. Эта работа выполняется особенно тщательно, чтобы в глине не оказалось непромешанных комочков и твёрдых частиц. Попадающиеся при замесе мелкие камешки и мусор выбрасываются. Растирание глины голыми ногами требует большой физической силы и является самым тяжёлым этапом в работе гончаров.

Приготовленная таким образом глина хранится всегда в прохладном месте и покрывается сырой тряпкой. Затем от общей кучи мятой глины лопатой отделяется некоторая часть, вносится в помещение, где делаются горшки, и в виде небольших кусков складывается около станка на доске. Отсюда уже и берёт её мастер, не вставая при этом со своего места.

Описание гончарного круга начнём с формы более совершенной—с „машинки". „Машинки" появились в Шалкине лет 70—80 тому назад и завезены были откуда-то „с верхов" русскими шалкинскими же гончарами. От русских „машинки" перешли к мордве. Мордовская молодёжь вся работает исключительно на „машинках".

„Машинка" имеет два круга на одном стержне (рис. 1). Она крепится наглухо в одном из углов избы и не может передвигаться с места на место. Верхний круг небольшого диаметра делается из толстой доски и наглухо прикрепляется к верхнему концу железного стержня. На этом круге формуется посуда. Нижний круг делается так же из толстых досок значительно большего диаметра (до 1 мт.), он служит маховиком. На железный стержень он насажен ниже выгиба (кривошипа) недалеко от пола. Мастер касается его босыми ногами.

Железный стержень нижним концом своим упирается в „пяточник"—железную пластинку с углублением, укреплённую на полу, куда вставляется заострённый конец. Пониже верхнего круга стержень проходит через железный же подшипник, укреплённый в доске, прибитой к стене. Крепление кругов к стержню должно быть прочным и они не должны шататься.

Движение кругов должно быть плавным, равномерным и без всяких колебаний, что вредно отзывается на формовке посуды.

При таком устройстве „машинки" руки гончара свободны и он обеими руками формует посуду, чего нельзя было делать при работе на ручном круге.

Ручной гончарный круг отличается от „машинки" своей конструкцией и способом употребления. Он состоит из двух основных частей: скамейки и собст-

венного круга. На скамейке во время работы верхом сидит мастер. (рис. 2)

В верхней доске скамейки ближе к одному концу делается небольшое отверстие, в которое пропускается „штырек"—круглый железный или стальной стержень, толщиной около 1,5 см. Чтобы „штырек" не шатался в стороны, в отверстии скамейки укрепляется железная шайба соответствующего диаметра, благодаря которой отверстие в доске не расширяется от трения.

Нижний конец „штыря" обычно заостряется и упирается в стальную пластинку—„подпятник", имеющую в середине небольшое отверстие и укреплённую в перекладине между ножек скамейки. Верхний конец „штыря" наглухо прикрепляется железной пластинкой к нижней стороне круга.

Самый круг делается из толстых досок (до 9 см. толщины), и вырезывается как можно правильнее. Диаметр круга бывает ок. 0,75 мт. Верхняя сторона его гладко обстругивается. Требуется особая точность прикрепления „штыря" к кругу, т. к. только при полном равновесии круг легко и плавно вертится. Это влияет на качество изготовляемой посуды.

Более старой формы ручной круг не имел железного „штыря" описанного типа, а вращался на кленовом „штыре", который крепился не к кругу, а к скамейке, остриём вверх. Круг на таком „штыре" надевался особым приспособлением сверху.

В движение ручной круг обоих типов приводится сильным или слабым толчком руки в ту или другую сторону, в зависимости от хода работы над сосудом.

Таковы типы гончарных кругов у мордвы с. Шалкино. Ручной круг иного типа употребляется у женщин-мордовок, занимавшихся гончарством в с. Зеренцее б. Кокчетавского у., б. Акмолинской губ.[1]) Такими, видимо, будут гончарные круги и у других гончаров-мордвы как на территории Мордовской АССР, так и в других областях.

Но это ещё не самое архаическое приспособление для делания горшков у мордвы. В 1931 г. нами было обследовано изготовление горшков в Кочкуровском районе,

1) Д. К. Зеленин—Примитивная техника гончарства „налепом" в Восточной Европе. Этнография, № 1, 1927 г., стр. 87.

Мордовской АССР, где работали исключительно женщины. Посуда при этом изготовлялась на доске, на простой доске.

Такой вид приспособления для изготовления горшков следует считать чрезвычайно архаичным, пережитком далёкого прошлого. Аналогии к нему мы будем иметь, несомненно, только у древних народов и у народов, находящихся на низких ступенях культурного развития, обитающих в Африке или Азии, а так же у отдалённых предков мордвы, начала 1-го тысячелетия н. э. и, возможно, ранее. Благодаря этому обстоятельству указанный выше материал, собранный нами у Кочкуровской мордвы, приобретает особое, весьма важное значение, как недостающее звено в цепи истории развития гончарства в Восточной Европе.

Ниже мы дадим подробное описание гончарства у кочкуровской мордвы, а сейчас вернёмся к описанию процесса изготовления посуды шалкинскими гончарами, которые, несмотря на применение весьма совершенных гончарных кругов—„машинок", всё же в технике изготовления посуды продолжают сохранять некоторые архаические приёмы.

Процесс изготовления любой формы глиняной посуды в общих чертах таков: берётся кусок глины „комошка", которому мастер руками придаёт форму пышки. „Комошка" кладётся на круг и в ней мастер наружной стороной кулака выбивает углубление—будущее дно с зачатками стенок, к которым затем прилепляет новые куски глины —валикообразные короткие „сосульки". В зависимости от величины сосуда количество „сосулек" бывает различно. „Сосулька" держится в правой руке и прилепляется одним концом к основанию стенки близ дна. Круг медленно вращается и „сосулька" расплющивается между пальцами левой и правой руки и приклеивается нижней стороной к основанию горшка. Так наращиваются стенки и в результате получается цилиндр с дном (рис. 3).

Когда окончится процесс лепки, цилиндр слегка смачивается водой снаружи и внутри при помощи „платочка"—тряпочки. После этого кругу придаётся предельная скорость вращения— у ручного круга рукой, а у „машинки" ногой, и уже приступают к отделке „края" со-

суда, а затем тянут „пузо“ стенки сосуда—и отделывают шейку и плечики.

Круг вращают слева направо, если левая рука находится внутри горшка, и справа налево, если правая рука внутри.

Как только сосуд приобретает нужную форму и величину, вытягивание стенок прекращается. Тогда мастер берёт в руки „ножичек“—деревянную кинжалообразную лопаточку с заострёнными краями—и срезает с наружной стороны все неровности и лишнюю глину, вращая для этого круг быстро то в одну, то в другую сторону.

По окончании обработки стенок „ножичком“ сосуд опять смачивается водой и наружные стенки отделываются „гладилкой“—дощечкой в виде „ножичка“, но с тупыми краями. Близ дна стенки отделываются „уторником“—дощечкой же с уступом.

В основном сосуд готов. Остаётся украсить его орнаментом при помощи ногтя, „ножичка“, краски или пережжённого медного купороса. В большом ходу раскрашивание стенок посуды водным раствором пережжённого медного купороса, дающего в обжиге под поливой зелёный цвет, или водным же раствором особой покупной белой глины, дающей после обжига рисунок белого цвета. Раскраска делается обыкновенной кисточкой.

После того, как сосуд украсят тем или иным способом, дно его подрезают ниткой или чаще тонкой проволокой, чтобы снять с круга. Снятая посуда просушивается на полатях или на специальных стеллажах. Просушка производится только в тени и не на ветру, в противном случае посуда потрескается.

Таким путём на гончарном круге, без употребления каких бы то ни было шаблонов и измерительных приборов шалкинская мордва изготовляет все виды гончарной посуды, причём как форма так и объём отдельных видов всегда бывают одинаковы.

Процесс изготовления посуды на „машинке“ тот же, что и на ручном круге. Тут сохраняется пережиточно тот же архаический приём „налепом“, что и на ручном круге, хотя „машинка позволяет применять другие более совершенные способы—„вытягивание“ стенок сосуда из одного куска глины. Кое-какие мастера знают и применяют этот способ, более выгодный и продуктивный.

Изготовленная посуда затем просушивается. Если хотят готовить чёрную посуду, то её не допускают до полного просыхания и „ластят“, употребляя для этого гладкий камень. Просушенная посуда поступает на обжиг в „горн“. Если хотят приготовить „обливную“,глазированную посуду, то её перед тем, как уложить в „горн“, окрашивают водным раствором свинцового сурика. Для хорошей обливки требуется не менее 20 кг. сурика на горн. Шалкинские мастера говорят, что их глина нуждается в большом количестве „обливки“, т. к. только тогда она получает достаточную прокалку. Вместе с тем эта глина не выдерживает „обливку“ свинцом, т. к., по словам тех же мастеров, она не выдерживает высокой температуры.

Ввиду того, что гончарство у шалкинской мордвы носит явно промышленный характер, для обжига посуды устраиваются специальные обжиговые печи—„горны“, вместительные, чтобы быть эффективными.

„Горн“ устраивается следующим образом: в обрыве оврага, на склоне, а иногда и на ровном месте выращивается яма до 2,5 м. в квадрате. Стены ямы обкладываются кирпичём и сводятся сводом формы, полушария в центре которого находится „жерело“. Высота свода от пода до 1,5 м. Кроме того, устраивается ещё один свод над камерой для топлива, на котором держится под верхней камеры. В этом поду оставлены отверстия, через которые пламя свободно проникает из печи в камеру для обжига посуды. В верхнюю камеру можно попасть только через „жерело“ сверху, а в нижнюю камеру имеется вход обычно из под навеса, со стороны обрыва или склона оврага. Служит вход для закладки топлива.

Зарядка „горна“ производится через „жерело“. При этом посуда укладывается всегда в строгом порядке. Сначала укладываются все виды крупных изделий, затем более мелкие, наверх же помещается мелочь. Делается это из тех соображений, что крупной посуде нужно больше жара для обжига. Количество разнообразной посуды в „горне“ почти всегда одинаково—400—420 штук.

Как свойство шалкинской посуды следует отметить то, что она разваливается, если горшки положили в „горн“ холодными. Горшки разваливаются вследствие

отпотевания стенок. Поэтому следует класть в „горн" просушенную и тёплую посуду.

Вследствие „недокала" шалкинская посуда разваливается от удара и от воды. Если же посуду „перекалят", то нижние её ряды в „горне" „садятся", т. е. сплавляются в одну шлаковую массу.

Процесс обжига в „горне" довольно сложен. Сначала в нижней камере „горна" разжигают всего одно полено, а затем количество дров увеличивается так, чтобы в печи получился большой огонь. Когда „огонь" выйдет из „жерела" наружу, т. е. вся посуда раскалится, обжиг кончается и посуда считается готовой.

Для нормального обжига „горна" посуды требуется 0,5 саж. сухих дров и около 12 часов времени. Во время обжига мастер неотлучно сидит у горна и следит за огнём.

Как только обжиг закончится, нижнее отверстие печи заваливается землёй, так чтобы холодный воздух не мог проникнуть в „горн" В потушенном горне посуда медленно остывает в течение 3—4 часов.

Обычный цвет обожжённой посуды—красный. Если хотят посуде придать чёрный цвет, то её „коптят". Делается это так: когда посуда в „горне" уже достаточно прокалилась, то „горн" „заваливают", т. е. засыпают наглухо землёй не только нижнее отверстие печи, но и „жерело", вместе с оставшимся в „горне" жаром и копотью. В таком заглушенном состоянии „горн" находится с утра до вечера. Даётся так же ещё 2-3 часа для остывания посуды. Посуда получается серо-синяя, если в горне оставалось достаточное количество жара, и светло-серая, если жара оставалось мало.

Остывшую готовую посуду из горна вынимают через „жерело" кочергой и складывают на земле для окончательного остывания.

Таков процесс изготовления глиняной посуды у Шалкинских гончаров. В нём мы, наряду с явлениями прогрессивными (употребление „машинки", „горна" для обжига), можем отметить ряд приёмов пережиточного порядка. Сюда, в первую очередь, следует отнести применение так называемой техники „налепом".

Техника „налепом" у шалкинской мордвы имеет некоторое своеобразие. Здесь вылепляются стенки сосуда из куска глины—„сосульки", которому придана форма „колбаски", при этом стенки сосуда наращиваются неравномерно, т. е. отсутствуют правильные, определённой ширины кольца и правильная спираль. Но всё же техника именно „спирального налепа" более подходит к тому, что мы имеем у шалкинских гончаров. Правда, при этом отсутствует укладывание длинной глиняной колбаски именно спиралью. Скорее эту технику можно характеризовать как лепку стенок сосуда по спирали.

У шалкинских мастеров процесс лепки стенок сосуда составляет только малую часть общего процесса формовки сосуда, большую часть которого занимает „вытягивание" стенок и шейки. Поэтому мы и квалифицируем этот приём, как пережиток давно оставленной техники „налепом", при помощи которой сосуд делается целиком.

Промежуточное место занимает техника „налепом", описанная в статье Д. К. Зеленина 1). В случае, описанном Д. К. Зелениным, посуду делают женщины—выселенцы б. Хвалынского у., Саратовской губ.—полуобрусевшая мордва, хотя место происхождения этих женщин неизвестно, можно думать, что они выселились именно из Шалкина.

Гончарством занимаются две сестры Ермолаевы—мордовки. Научились делать горшки у матери—русской, уроженки б. Хвалынского у., Саратовской губ., которая, в свою очередь, обучилась гончарству у свекрови—мордовки.

При производстве никакой мордовской терминологии не применяется.

Из инструментов, которые употребляются при лепке горшков следует указать следующие: 1) „доска" дл. 0,46 мт., шир. 0, 39 мт.; толщ. 0,045 мт. В центре „доски" вбит неподвижно „пуп"—берёзовый гвоздь дл. 0,02 мт.; 2) „круг" с диаметром 0,285 мт., толщ. 0, 025 мт., в центре которого с нижней стороны имеется углубление для „пупа" (рис. 4); 3) „лопатка" из дерева дл. 0,2 мт., шир. 0, 085 мт.; 4)„ножичек" из дерева, дл. 0,29 мт., шир. 0, 045 мт., 5) „скалка" берёзовая, дл. 0,34 мт., толщ. 0, 14 мт., (рис. 5) 6) „оварь"—деревянное корыто, дл. 0, 34 мт., шир. 0, 27 мт., глуб. 0,19 мт.

Гончарный круг у этих мастериц очень близок тому типу, что употребляли шалкинские гончары раньше, а именно—со скамейкой и неподвижным деревянным штырем, укреплённым в ней, на котором круг вращался. Но

скамейки здесь ещё нет. Следовательно, здесь перед нами опять-таки промежуточная между кочкуровской доской и шалкинским ручным кругом, форма, притом более совершенная, чем кочкуровская доска и более ранняя, чем шалкинский ручной круг.

Зарендеевские горшечницы помнят то время, когда лепили горшки на простой круглой доске.

Приготовление глины у зарендеевских мастериц мало чем отличается от шалкинских приёмов. В нарытую глину из расчёта на 2 ведра глины выливают ½ ведра воды. Затем глину оставляют на ночь. Утром глину мнут пятками на разостланном половике. После этого глина считается готовой.

Эти приёмы обработки глины, черезвычайно близкие приёмам шалкинских гончаров, дают нам право утверждать, что зарендеевские мастерицы вышли именно из с. Шалкино. К тому же в б. Хвалынском у., Саратовской губ., нигде больше нет горшечников—мордвы и русских, живущих близко друг от друга.

Формовка сосудов у зарендеевских мастериц происходит в следующем порядке: делают из глины лепёшку толщиной в 1 см., это—„начин". Лепёшку „примазывают" к кругу, на который предварительно насыпают золу, чтобы дно не пристало. „Примазывают" к кругу только самые края лепёшки—будущего дна (рис. 6).

Указанный приём укрепления дна сосуда перед дальнейшей обработкой шалкинские мастера уже не знают, но он хорошо знаком кочкуровским горшечницам. Это—пережиток весьма отдалённых времён.

Затем из глины лепят „сканец" или „венчик" (рис. 7) в форме цилиндра, который прикрепляют к „начину", прилепляя снаружи ниже края „начина". Таким же образом вылепляют второй „венчик" и прилепляют его к верхнему краю первого. Прилепляют также с наружной стороны. Обычно венчиков бывает три. Последний, верхний „венчик" прилепляют к верхнему краю второго, но обязательно с внутренней стороны (см. рис. 7, 8, 9, 10.)

Верхний „венчик" несколько отгибают наружу, делают „закраек" или „отворот". Работают пальцами.

Затем приступают к „шлифовке", т. е. соскабливают с наружной стороны сосуда ножичком лишнюю глину и неровности. Неровности выглаживают также и руками. При этом круг с сосудом слегка поворачивается.

Последний этап в обработке горшка на круге—„обрезают дно", т. е. ножичком срезают вдоль дна „примазку", при помощи которой горшок держится на круге. Срезают до того места, где подсыпана зола. Тогда горшок легко отделяется от круга.

Зарендеевские горшечницы делают 9 видов посуды: 1. корчаги для пива; 2. Горшки для борща; 3. Горшечки; 4. Макитры—квашни для теста; 5. жаровни для картошки; 6. Кринки для молока; 7. Кукшины для кваса; 8. полукукшины и 9. мисочки (рис. 11).

Следует запомнить, что зарендеевские мастерицы посуду делают только по заказу, но не на продажу.

В связи с тем, что гончарство в Зарендее не имеет промыслового характера, не имеется никаких особых сооружений для обжига, и посуда обжигается в обыкновенной русской печи.

После обжига следует особая обработка посуды в „оваре", которая делалась из квасной гущи с горячей водой. „Овара" должна иметь при опускании в неё раскалённой посуды температуру парного молока. Раскалённый сосуд опускают в „овару" и держат там $1—1\frac{1}{2}$ минуты. В результате пребывания в „оваре" посуда приобретает чёрный цвет.

Посуда, изготовляемая зарендеевскими горшечницами, чрезвычайно близка по своим формам посуде из древних мордовских могильников и с древнейших мордовских селищ.

Здесь перед нами применение приёмов архаической техники „налепом", но в сочетании с кругом (?), судя по изложению статьи, горшки только лепились, но не вытягивались. При такой технике почти отпадает необходимость в гончарном круге.

Значительно больший интерес представляет собой гончарство, которое нам удалось зафиксировать в Кочкуровском районе, Мордовской АССР. Посуда изготовлялась в сёлах: Пырме, Кочкурове и Тавле. В основном посуду изготовляли для своих нужд, но иногда—по просьбе соседей или родственников, а так же на продажу. Семилейская мордва покупала посуду в с. Пырме, Кочкуровская мордва покупала такую посуду редко.

Ниже мы приведём рассказ Аброськиной Анастасии,

проживавшей в с. Кочкурове, которая занималась в 1931 г. изготовлением горшков.

Выучилась она делать горшки в с. Н. Пырма у матери, которая, в свою очередь, училась у соседей и родных. Мать её умела делать разнообразную посуду и воронки.

Глину для посуды брали в горе, недалеко от села Н.-Пырма. В других местах подходящей глины нет. Глину копали после троицы и в это же время, после „заговенья", делали горшки. Глину таскали женщины на себе лукошками и мешками. Мужчины никогда ничего горшечного не делали и вся работа выполнялась только женщинами.

Привезённую домой глину слегка смачивали водой и колотили обухом топора. В результате такой обработки глина становилась похожей на густое тесто. Затем глину месили руками. Глина имела жёлтый цвет. Обычно в глину ничего не добавляют. Иногда добавляли остатки хмеля после браги—посуда тогда не трескается.

При начале работы обычно говорили молитву русскую или мордовскую.

Процесс изготовления горшка следующий. Берут обыкновенную доску, насыпают на неё золу и делают из куска глины лепёшкообразной формы дно, причём края лепёшки немного загибают вверх. Затем делают из глины колбаску, которую потом превращают в продолговатую полоску. Длина такой полоски всегда определённая, равная длине окружности сосуда. Полоску эту прилепляют к загнутым краям лепёшки—дна. Затем берут вторую такую полоску, более длинную, и прилепляют её к первой полоске. Места соединений концов нижней полоски и верхней не должны совпадать. Полосы имеют ширину 2—3 пальца (4—6 см.) и толщину 1 палец (до 2 см.) или немного потолще. Полос для изготовления горшка делают столько, чтобы получился сосуд, могущий пройти в русскую печь. Вылепленные таким способом стенки затем сглаживают снаружи и внутри.

Изготовляется посуда исключительно для молока и для браги. Посуда изготовляется всегда одной формы, но бывают исключения (рис. 12).

На стенках горшков орнамент делали пальцем, ногтем или же чертили полоски. Иногда применяли штамп.

Иногда на стенке горшка вырезали родовую „мету"

или свою собственную, или же того хозяина, для которого была изготовлена посуда.

В течение рабочего дня мастерица может сделать до 10 горшков из заготовленной глины.

После того, как стенки горшка будут соответствующим образом отделаны, горшок снимают с дощечки и ставят на скамейку для просушки. Бывают случаи, что на просушку ставят вместе с дощечкой. Сушка посуды длится месяц или два, и только после этого она поступает на обжиг. Обжигают посуду преимущественно осенью или зимой, обжигают в русской печи. Сначала высохшие горшки кладут в заднюю часть печи на бок, к огню отверстием. Первый раз печь топится обычным порядком и используется для приготовления пищи. Таким же образом печь топится неделю или две и посуда, находящаяся в печи, „выкаливается". Только после такой предварительной обработки затопляют печь специально для обжига. Топится печь как можно жарче. Горшки кладутся прямо на огонь, где раскаляются до красноты.

Одновременно с обжигом мастерица делает „поспу". Для этого в кадушку наливается горячая вода и насыпается ржаная мука. Получается жидкое тесто.

Раскалённые до красна горшки вынимаются из печи и опускаются в „посуду", где они находятся до тех пор, пока напитаются раствором. Потом их вынимают из „поспы" и ставят на просушку в вольную печь.

В результате такой обработки получается весьма крепкая, но и весьма тяжёлая посуда. Держится эта посуда лет 20 и больше. У матери Аброськиной была посуда для пахтания, изготовленная около 120 лет назад. Делала её ещё отцова бабушка (рис. 13).

В только что описанном способе изготовления глиняной посуды, сохранившемся до наших дней, содержится масса архаизмов, чрезвычайно важных для характеристики далёкого прошлого мордовского народа.

Прежде всего, сам характер производства. Он типичен для того периода в истории мордовского народа, когда глиняную посуду каждая родовая община изготовляла только для своих нужд, но не для обмена или продажи на сторону. Остатки этого можно видеть в обычае кочкуровских мастериц делать посуду только для себя или по просьбе—для соседей. При этом посуда метится родовой тамгой, она—родовая собственность.

Во-вторых, производство глиняной посуды целиком сосредоточено в руках женщин. Это также характернейшая черта древне-мордовского общества. Она пережиточно сохранилась у кочкуровской мордвы и в Зарендее до наших дней и является прекрасным свидетельством былых отношений в мордовской первобытно-родовой общине.

В-третьих начало изготовления посуды у кочкуровской мордвы сопровождалось видом религиозного обряда—чтением мордовской или русской молитвы. Этот факт также является пережитком глубокой древности, когда всякое начало того или иного дела или работы сопровождалось молением и заклинаниями. Цель этих молений и заклинаний—привлечь на свою сторону добрых духов-покровителей и умилостивить злых, а иногда обмануть их.

В-четвёртых, техника „налепом", которая применялась кочкуровской мордвой, так же уводит нас в глубочайшую древность, когда еще не могло быть речи о каких бы то ни было национальных объединениях на территории Восточной Европы.

М. В. Воеводский [1]) приводит многочисленные факты применения техники „налепом" в эпоху неолита и позднее. Очень интересно наблюдение над тем, что „подлепка лент производилась изнутри сосуда" [2]). Что касается территории распространения этой техники, то автор говорит о широком распространении „почти по всему земному шару в виде отдельных очагов" [3]).

Применение техники „налепом" отмечается автором в культурах: Фатьяновской, Срубно-Хвалынской, в культуре городищ „Дьякова" типа, в более поздних славянских памятниках и у современных гончаров.

Мы, со своей стороны, можем присовокупить к вышеперечисленным памятникам городища и селища восточной части Мордовской АССР, относящиеся к 1-й пол. 1-го тысячелетия н. э., где имеются многочисленные следы применения именно этой техники. (рис. 14).

Все перечисленные культурные памятники прошлого так или иначе связанные с территорией расселения мордовских племён, поэтому мы считаем себя вправе говорить о преемственности техники у этих племён со времён весьма отдалённых и до наших дней. Чрезвычайно характерно сохранение ряда черт, типичных для наиболее отдалённого прошлого, именно у мордвы. Это—прямое свидетельство непрерывности исторического процесса у группы мордовских племён, обитавших в междуречьи Ока—Волга—Дон.

Установленные М. В. Воеводским для неолита приёмы подлепа глиняных жгутов—лент—изнутри, повторяются в керамике Карлейского селища [1]) (1-я пол. 1-го тысячелет. н. э. рис. 15), у кочкуровских и зарендеевских мастериц и у шалкинских кустарей. Формы сосудов всех указанных культур древнего времени претерпели многочисленные изменения, но техника лепки сохранялась тысячелетиями.

Ценность открытого нами случая применения наиболее архаических форм делания горшков у кочкуровской мордвы заключается также в том, что вся изготовляемая посуда близка по форме к неолитической посуде. Разница только в форме дна.

В эпоху неолита остродонная и круглодонная посуда являлась простым подражанием окружавшим человека того времени предметам, которые имели всегда округлую форму. К тому же человек не был знаком с приёмами отделения дна сосуда от доски без повреждения всего сосуда, что стало известно значительно позднее.

Мы уверены, что тщательный анализ данной части многих горшков Срубно-Хвалынской культуры, культуры городищ и т. д. установит применение подсыпки под дно песка или золы, благодаря чему к поверхности доски приклеивалась лишь самая небольшая, наружная часть дна горшка, которая легко срезалась при снимании горшка ножем. В этих случаях, как правило, дно имеет небольшое углубление, часто со следами оттисков песка, угольков, травы. Все это отлично прослеживается на керамике городищ и селищ из восточной части Мордовской АССР [2]).

1) М. В. Воеводский К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. Совет. Археология № 1, 1936 г.
Там же, стр. 60.
3) Там же, стр. 61.

1) П. Д. Степанов, Результ. археолог. разведочн. экспедиции 1945 г. архив МНИИ.
2) П. Д. Степанов, Результ. археолог. разведочн. экспед. 1945 г. архив МНИИ.

Заканчивая свой небольшой очерк по истории гончарства у мордвы мы, следовательно, констатируем: 1) сохранение у мордвы чрезвычайно древних приёмов гончарного производства (Кочкурово, Заренда), 2) указание на пути этого развития, как домашнего занятия (б. Акмолинская губ.) и 3) превращение гончарства в кустарный промысел, со значительным, однако, сохранением следов архаической техники (Шалкино).

Все указанные обстоятельства свидетельствуют о самобытности технических приёмов изготовления посуды у мордвы, но не носят следов исключительной национальной замкнутости, поэтому у нас нет оснований говорить о технике, свойственной только мордовским племенам. Эта техника стала достоянием предков мордовских племён в столь отдалённые времена, когда ни о каких национальных отличиях еще не могло быть и речи.

Наши наблюдения над техникой гончарства у мордвы и археологические данные никак не позволяют согласиться с некоторыми положениями, опубликованными в работе Л. К. Зеленина. Если не вызывает возражения утверждение автора о „широком распространении гончарного налепа у всех великоруссов“ и о „древности этой техники в восточной Европе„ [1]), то есть все основания для возражения в том, что „для финнов, как недавних кочевников глиняная посуда вообще много менее характерна, нежели для русских“ [2]). Во-первых,—не обосновано утверждение автора о „недавных кочевниках“. Городища с „рогожной керамикой“, уходящие до VI в. до н. э., оставленные предками мордвы, говорят уже об оседлости, а не о кочевом быте. Так же нет оснований все племена, говорящие на финно-угорских языках, сглаживать под одно. У различных племён Прикамья и Приволожья к моменту исследования культурные комплексы были весьма различны, находились эти племена на весьма различных ступенях хозяйственного и культурного развития. Наше исследование, в частности, гончарной техники у мордвы, показывает чрезвычайно давние традиции, которые никак невозможно объяснить заимствованиями, скорее всего—это самобытное.

1) Д. К. Зеленин. Цитир. соч. стр. 90.
2) Там же. стр. 91.

Мордовское гончарство представляет интерес ещё и тем, что оно сохранилось в формах, уже забытых другими народами, у которых гончарство стало ремеслом узкого круга специалистов.

Мы так же считаем невозможным принять утверждение Д. К. Зеленина о том, что техника налепом широко распространена у всех великоруссов и очень редко у финнов [1]) (подчеркнуто нами—П. С.) Наши материалы, параллели с находками на древних селищах и городищах, которые считаются принадлежащими далёким предкам мордвы, со всей очевидностью говорят о широком применении этой техники и у мордвы. Мы даже решаемся утверждать, что этот технический приём гончарства является универсальным, т. е. в древности он был знаком всем родоплеменным коллективам эпохи городищ бронзовой эпохи и эпохи неолита. Таким образом, мы категорически отвергаем положение о принадлежности техники „налепом“ главным образом великоруссам. Скорее всего, это—приём, широко распространённый у всех народов лесной полосы восточной Европы. Мы его встречаем у коми, мы его встречаем в отличной сохранности и у мордвы.

Рис. 1. Процесс изготовления большого горшка на „машинке“ с. Шалкино Пензенской области.

1) Д. К. Зеленин. Цитир. соч., стр. 91.

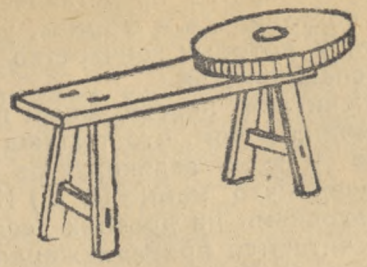


Рис. 2. Ручной гончарный круг Шалкинского типа

Рис. 3.

Рис. 3 и 3 (а) Процесс изготовления банки для масла на ручном гончарном круге. с. Шалкино, Пензен. обл.

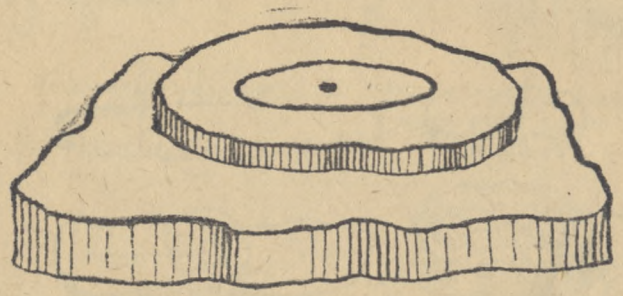


Рис. 4. Круг на диске.

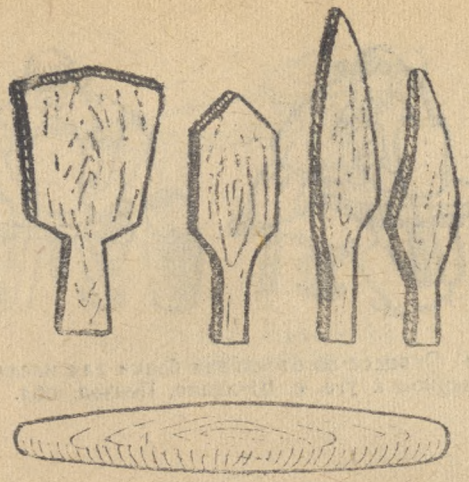


Рис. 5. Деревянные инструменты мастериц.

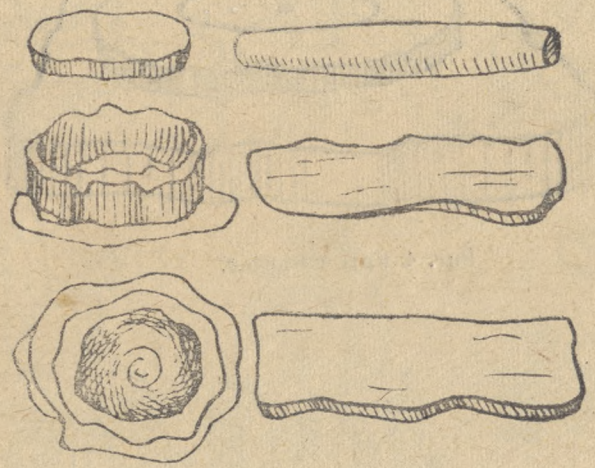


Рис. 6. Отдельные стадии начала лепки горшка.

Рис. 7. Раскатывает скалкой венчик.

Рис. 8. Первый венчик прилепляет ко дну.

Рис. 9. Перед прилепкой второго венчика.

Рис. 10. Прилепка второго венчика.

Рис. 11. Образцы посуды.

Рис. 12 и 13. Образцы глиняных горшков с. Кочкурова.

Рис. 14. Керамика с городищ „Ош Панда" бл. с. Сайнино, Дубенского р-на, МАССР, I-е тыс. н. э.

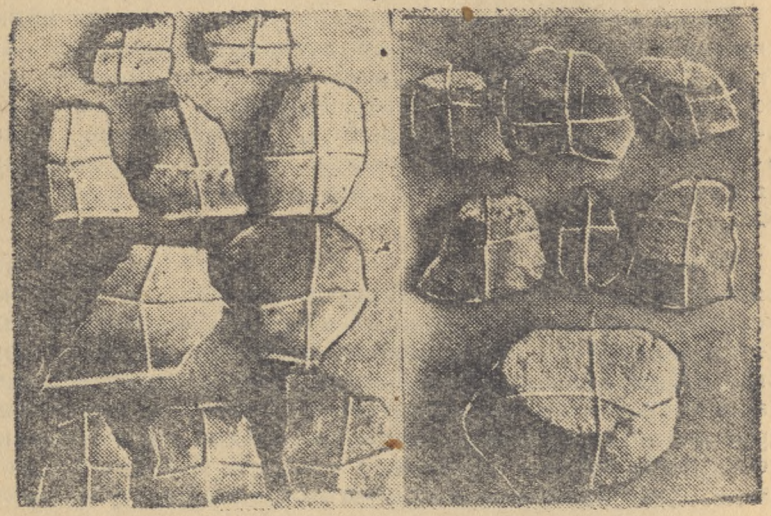


Рис 15. Керамика с Карлейского селища бл. с. Дубенки, МАССР. I-е тыс. н. э.

Е. И. Горюнова.

ТЕНЬГУШЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ.

(Результаты археологических исследований 1939 года).

В начале нашей эры (время, которым датируется Теньгушевское городище) река Мокша представляла собой крупную водную артерию, орошавшую вместе со своими разветвлёнными притоками обширную лесную область к востоку и юго-востоку от Оки. Редкие посёлки местных племён были разбросаны по берегам мелких лесных речек, ютясь на удобных защищённых самой природой высоких береговых выступах.

Природная обстановка вполне удовлетворяла примитивные хозяйственные потребности их обитателей. Почти нетронутые рукой человека леса изобиловали всевозможной дичью, в дуплах деревьев роились дикие пчёлы, реки были богаты рыбой. Прибрежные поймы и лесные поляны представляли прекрасные пастбища для скота—основной хозяйственной ценности „туземных" жителей.

Каждый такой посёлок—городище, защищённое земляным валом и рвом,—представлял собою не более, как усадьбу большой семейной общины, насчитывающей до 50—60 человек своих членов, совместно ведших хозяйство, обрабатывавших под посев лесные участки, вместе пасших скот. Родственные семьи селились неподалеку друг от друга, образуя родовое гнездо из нескольких посёлков-городищ, обитатели которых хранили родовые связи, выражавшиеся в совместном владении угодьями и в других правах и нормах неписанного закона патриархально-родового строя.

Одно из таких городищ было исследовано археологической экспедицией 1939 года, организованной Мордовским Научно-исследовательским институтом совместно с Институтом истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии наук СССР. В работах принимали участие научные сотрудники и аспиранты Мордовского Научно-исследовательского института, а также студенты исторического факультета 1 Московского Гос. Университета.

Несмотря на некоторые нарушения культурного слоя кладоискательскими раскопками, археологические работы экспедиции дали исключительно интересные результаты, особенно ценные ввиду скудности накопленного материала по поселениям данной территории.

Теньгушевское городище находится в 5 километрах к северу от большого районного села Теньгушева Мордовской АССР (в 6 км. от правого берега реки Мокши).

Среди местного населения городище известно под разными названиями. Теньгушевцы называют его „городцом", жители соседнего с Теньгушевым села Дудникова именуют его „Ошлей" (мордовск. *ош*—гора, *лей*—вода, ручей, река), криушинцы—„куканами", или гражданскими вершинами.

Место, где находится городище ещё недавно было покрыто вековым лесом. Теньгушевцы вспоминают о мощных дубах и дуплистых липах, в которых ещё с полвека назад роились дикие пчёлы. Под городцом протекала небольшая, но полноводная речка, ныне представляющая сухое русло, в которое у подножия стрелки городища впадает такой же сухой овраг (повидимому также пересохшее русло реки).

Окрестное русско-мордовское население связывает с этим местом много легенд, в которых наряду с позднейшими сюжетами сохранились элементы народного творчества и древнейших религиозных воззрений мордвы. Во всех многочисленных вариантах фигурирует клад, несметные сокровища—„козна", накопленные жившими здесь разбойниками Амаем и Куцясом, и зарытые или в глубоких подземельях в недрах горы. Сокровища эти стережёт утка, по другим вариантам бык или свинья. Иногда клад выходит из подземелья в образе этих животных, однако

овладеть им можно лишь ценою человеческого жертвоприношения [1]).

Городище расположено среди живописного холмистого ландшафта на выступе высокого плато, изрезанного глубокими оврагами—сухими руслами речек, впадавших в р. Мокшу.

Выравненная площадка, на которой располагался посёлок, имела очертание удлинённого четырехугольника (около 3000 кв. м.) с вытянутыми в виде мыса южным углом, на котором возвышалась округлая насыпь „курган". Насыпь эта, привлекавшая особое внимание кладоискателей, почти сравнялась с уровнем площадки городища. Крутые, почти неприступные склоны горы являлись естественной защитой городища с южной, юго-восточной, юго-западной и северо-восточной сторон. С северо западной, открытой, напольной стороны, городище было защищено небольшим кокошникообразным валом и вырытым с внешней его стороны рвом, который наполнялся при подъёме рек водой. Как показывает стратиграфия поперечного разреза вала, первоначальная его высота была очень незначительной. Культурные наслоения, соответствующие ранней стадии жизни посёлка, поднимаются на вершину этого древнего вала. Впоследствии потребовалось увеличить земляную насыпь вала, причём для прочности в основные подсыпки во всю длину насыпи были заложены продольно брёвна, которые зажигались и забрасывались сверху сырой глиной, являясь конструктивной частью. Такая основа служила прочным фундаментом нового вала, сохранившего в основном свои первончальные очертания и приблизительные размеры вплоть до наших дней. [2]) Однако и увеличившаяся подсыпкой земляная насыпь вала едва достигала высоты трёх метров. Такое укрепление вряд ли отвечало требованиям военной защиты и с нашей точки зрения не могло играть роль военного оборонительного сооружения. Следов дополнительной деревянной ограды в виде тына, шедшего вдоль гребня вала, не обнаружено. Вал был разделён на две части выемкой, которая

[1]) Легенды записаны научным сотрудником Мордовского Научно-исследовательского Института А. Маскаевым.

[2]) Такую же конструкцию имел вал Половского городка (Кириллова городка), исслед. Селивановым.

служила, повидимому, въездными воротами в посёлок, жилые и хозяйственные постройки которого группировались у подножия вала, занимая не больше трети всей площадки городища.

В плане расположения жилых построек можно заметить некоторую правильность: жилища расположены симметрично по отношению к центральной дороге—„улице", по два с каждой стороны, причём вход их всегда обращён в сторону дороги.

Из четырёх построек посёлка исследованию подвергались лишь три. Следы четвёртой удалось обнаружить в перекопанном кладоискателями участке культурного слоя. Перед входом жилища № 4 (не сохранившегося) находилась округлой формы землянка, имевшая, вероятно, хозяйственное назначение.

Центральная часть посёлка—почти две трети занимаемой им площади—была необитаемой. Проведённой здесь шурфовкой не удалось обнаружить никаких признаков культурного слоя. Непосредственно под слоем современной почвы залегал материк, лишённый каких бы то ни было культурных остатков. Культурный слой вновь появляется в восточном углу площадки городища, где обнаружена ещё одна постройка, в виде глубокой землянки, врытой в склон горы, которая в этом месте несколько понижалась и имела пологий, заметно выравненный спуск к реке, служивший, вероятно, для обитателей посёлка „водной тропой". Сама землянка, отнесённая на самый край посёлка, отличавшаяся по конструкции от других сооружений, не являлась жильём. Это подтверждается специфическим составом вещевых находок, которые позволяют считать её специально ремесленным помещением. Очертания её в плане представляют почти правильный круг 5,5—5,7 м. в диаметре. От входа, обращённого к восточному склону горы, внутрь помещения вели четыре земляные ступени, спускающиеся к земляному полу. Первоначальная глубина пола от дневной поверхности равнялась двум метрам. Скопившийся с течением времени слой сократил глубину землянки до полутора метров. Основное содержание этих отложений составляет зола и мелкий уголь, который, повидимому, систематически втаптывался в пол. Благодаря обильным углистым включениям слой окрашен в чёрный цвет. Помимо золы и угля культурные наслоения пола содержат

огромное количество отходов различных ремесленных производств: мелкие отщепы кремня, обломки рога и кости, железые шлаки и пр. Найдено большое количество обтёсанных костей и кусков рога, а около землянки были сложены запасы материала: крупные ножные кости лося, лошади, рёбра коровы, из которых делались струги, обрубки лосиных рогов, а также куски кремня. Повсюду в большом количестве находились обломки грубых толстостенных сосудов. В самой землянке найдено большое количество поделок из кости и рога: костяные иглы, шилья, проколки, дротики, кочедык, нож, резные втулки, а также свыше 30 заготовок орудий из рога и кости. Тут же найдены орудия обработки кости: небольшой железный ножик и несколько точильных брусков.

Повидимому землянка служила мастерской, где преимущественно производилась обработка кости. Здесь же производились и кузнечные работы, а также медное литьё о чём свидетельствуют находки глиняных льячек, шлакированных тиглей со следами медных окислов на стенках и застывшими каплями распавленной меди, железных шлаков и кусков железных крич.

Посреди землянки находился глинобитный очаг с большим количеством угля и золы вокруг него. Второй очаг находился у северо-восточной стенки. Характерно, что в культурных наслоениях пола землянки отсутствуют пищевые отбросы и такие предметы, как прялица от веретён, которые обычно находят в жилых землянках. Мощные пласты золы и угля свидетельствуют о том, что в очагах этой ремесленной мастерской постоянно пылал огонь, что и заставило по соображениям ограждения от пожарной опасности, отнести её ближе к воде и подальше от жилья.

Жилые дома Теньгушевского городища представляли собою характерные для мокшанских поселений полуземлянки. Пол их находился на глубине 75—90 см. от дневной поверхности. Конструкция надземных частей стен и кровли не выяснена. Повидимому они сооружались из лёгкого материала и потому полностью уничтожены временем.

Нам кажется реальным предположить, что стены таких жилищ делались из двойного плетня, с засыпкой внутри и обмазкой их глиной как с внешней, так и с внутренней стороны. При такой конструкции стен объяснимы

закруглённые очертания углов жилищ, что даёт вытянутую овальную форму. В засыпке ям не удалось обнаружить никаких следов кровельных перекрытий, что даёт основание полагать, что жилища крылись лёгкой кровлей из камыша, болотной травы на два ската, подобно соломенным крышам современных деревенских построек.

Внутреннее устройство жилых построек чрезвычайно примитивно. От входа внутрь жилища к земляному полу спускались 2 земляных ступени. В каждом жилище, имевшем до 11 м. в длину и 3 м. в ширину, было по 2—3 небольших глинобитных очага, типа чувала, которые местами сохранились у мордвы-мокши вплоть до XIV в. (селище Полянки). [1]) В летнее время для приготовления пищи пользовались открытыми кострами вне жилищ. Следы таких костров, со скоплением вокруг них пищевых отбросов в виде костей и чешуи рыб, раздробленных мозговых костей крупных животных, а также черепков битой глиняной посуды, обнаружены во многих местах вблизи жилых построек.

Для спанья были устроены земляные лежанки—выступы вдоль стен, выложенные слоем глины. Такой тип лежанок обычен в землянках ранних дьяковских городищ. [2]) Постелью, вероятно, служили войлоки или шкуры животных.

Основным материалом для изготовления несложной домашней утвари, как и в современном быту местных мордовских племён, несомненно было дерево. Однако, кроме небольшого фрагмента деревянного ковша с медной обкладкой никаких деревянных вещей не сохранилось. Найденные предметы хозяйственного обихода сделаны исключительно из глины. Обломки глиняной посуды и другие изделия из глины составляют преобладающее количество среди находок на Теньгушевском городище. Керамическое производство у теньгушевцев было чрезвычайно развито. Форма, величина и тщательность отделки бытовой посуды соответствовали её хозяйственному назначению

---

1) Раскопки 1940 г. Эксп. Мордовского Научно-исследовательского института и ИМК. Ковылк. р-н. МАССР.
2) В. Л. Городцов, Старшее каширское городище. Изв. Ак. Ист. Мат. К. том 85, М. Л. 1934 г.

Крупные массивные корчаги с гладкими стенками очевидно служили для хранения пищевых запасов. Для приготовления пищи пользовались меньшими по размеру горшками, иногда украшенными несложным орнаментом. Выбор орнаментальных украшений был не только связан традиционными навыками, но зависел также от изобретательности и личного вкуса хозяйки, которая являлась и мастерицей, изготовляющей посуду для своих хозяйственных потребностей. В основном, однако, форма и орнамент теньгушевской керамики сохраняют много архаических черт, унаследованных от предыдущей эпохи.

Производство посуды и других глиняных изделий было узко домашним ремеслом. У мордвы-мокши, сохранившей много консервативных традиций домашнего быта, этот характер ремесла местами сохранился вплоть до XIX века.

Глина для лепки посуды иногда бралась в чистом виде, но чаще к ней примешивался мелко толчёный кварцит, или толчёные черепки старой посуды. Лепилась посуда без помощи гончарного круга. Мелкие горшки, плошки и миски формовались от руки, путём выдавливания их из глиняной лепёшки. В одной из жилых землянок (2) были найдены запасы глины и засохшие глиняные лепёшки в начальной стадии формовки. Крупная посуда лепилась ленточным способом, причём дно выправлялось рукой на плоской основе. В результате получались грубые закраины днищ (карнизики) со следами пальцевых вдавлений. Обжиг производился в печах.

Почти 25 проц. всей найденной керамики представлено фрагментами гладкой неорнаментированной посуды. Стратиграфически они соответствуют преимущественно верхнему горизонту культурного слоя. Однако, встречаются, наряду с другими типами посуды, также и в нижнем.

Гладкостенная керамика неоднородна как по составу глиняного теста, так и по форме и тщательности отделки сосудов.

Самый незначительный процент гладкой керамики представлен крупными сосудами, повидимому, специального назначения, с массивными стенками, имеющими гладкую или шероховатую, небрежно отделанную поверхность, с толстыми, грубо вылепленными плоскими днищами. Примеси в глиняном тесте—крупная дресва или толчёная керамика (шамот). Цвет этих сосудов красный, черепок плотный, хорошо обожжённый. Бытовая посуда, предназначенная для таких хозяйственных надобностей, как варка пищи более тонкостенна. Горшки баночной формы с несколько вздутыми стенками, иногда отвёрнутым венчиком, вылеплены из хорошо промешанного глиняного теста. Примесь из мелко толчёного кварцита почти незаметна для невооружённого глаза. Сосуды хорошо обожжены, черепки плотные в изломе, звонкие. Внешняя поверхность тщательно заглажена. Венчик и шейка сосудов украшены ямочным орнаментом, опоясывающим верхнюю часть горшка в один или несколько рядов. Посуда этого типа довольно крупных размеров, мелкие сосуды единичны.

Ассортимент бытовой посуды теньгушевцев был довольно разнообразен. Кроме горшков, служивших для хранения и варки пищи, найдены фрагменты мисок, глиняная сковорода и обломки глиняных цедилок. Последние находки особенно любопытны. Цедилки эти в виде неглубоких мисок с плоским, продырявленным мелкими сквозными отверстиями дном, служили для стока сыворотки со створоженного молока. Находки глиняных цедилок указывают на известную высоту культуры животноводческого хозяйства теньгушевцев, которым была уже знакома техника переработки молочных продуктов и их консервация. Это не только разнообразило пищевой рацион жителей посёлка, но позволяло сохранять и заготавливать молочные продукты на длительный срок.

Помимо хозяйственной посуды найдено несколько маленьких, грубо вылепленных и слабо обожжённых баночек, имеющих в диаметре 4—5 см. Такие толстостенные миниатюрные баночки довольно характерны и широко распространены в период бытования городищ дьякова типа в первые века до начала н. э. и первые столетия н. э. Встречаются они также в ранних мордовских могильниках и могильниках пьяноборского типа. Назначение этих горшочков не вполне ясно. Некоторые исследователи видят в них детские игрушки, большинство же считает их культовыми предметами.

Наиболее многочисленны (около 75 проц.) фрагменты так называемой „сетчатой" керамики. По технике нанесения сетчатого рисунка на поверхность сосуда можно наметить несколько типов этой керамики. Сосуды с „сетчатым" орнаментом обычно крупных разме-

ров, толстостенные, с массивными днищами, напоминают банку с прямыми или слегка вздутыми стенками. Венчик прямо обрезан, часто с натёками на внешней и внутренней поверхности в виде двух валиков. Толстое днище имеет выступ—карнизик с пальцевыми вдавлениями. Глиняное тесто хорошо промешано с примесью песка, или мелко толчёного кварцита. В изломе черепок серый или слоистый. Орнамент покрывает всё тело сосуда, заходя иногда и на днище. Часто на сплошной сетчатый фон нанесён дополнительный орнамент в виде пояска из лунок, ромбиков, треугольных или круглых ямок, расположенных по краю венчика, горлышку и плечикам сосуда. Рисунок этот наносился концом щепки или кости, или выдавливался ногтем большого пальца руки. Характер самой „сетки" довольно разнообразен, зависит от техники её нанесения и в основном отличается от „сетки" типичной дьяковской керамики. В некоторых случаях это результат заглаживания поверхности широкой щепкой с неровным краем, оставляющим штриховатый след. Иногда для этого применялся какой-то многозубчатый штамп, отчего получалась бороздчатая поверхность. Иногда можно различить отпечатки кручёного шнура вдавленного по сырой глине частыми параллельными и взаимно пересекающимися рядами. Такой шнуровой или „верёвчатый" орнамент наиболее типичен для теньгушевской керамики.

В этой серии сплошь орнаментированных сосудов имеются образцы „вафельной" керамики, орнамент которой в виде квадратных или удлинённых ячеек нанесён специальным штампом. Этот тип можно назвать псевдо-рогожным. Однако, кроме поверхностного зрительного впечатления ничего общего с типичным рогожным орнаментом он не имеет. Он представлен всего лишь 36 образцами (из общего количества найденных фрагментов керамики свыше 7000).

Все эти сосуды часто сохраняют на своей внутренней поверхности следы сглаживания пучком травы.

Особо нужно упомянуть несколько черепков, значительно отличающихся от описанных выше типов теньгушевской керамики. Найденные фрагменты позволяют реконструировать сосуды с бомбовидным очертанием тела, широкой высокой шейкой и небольшим валиком по кругу венчика (толщина стенок 3—4 мм). Глина чистая,

хорошо отмученная, без примесей, обжиг хороший, черепок в изломе плотный. Цвет керамики тёмно-серый, внешняя и внутренняя поверхность лощёная. Орнамент опоясывает шейку и плечики сосуда, представляя собою две параллельные ломаные линии с штриховкой между ними. Найденные черепки имеют ближайшие аналогии в фатьяновской керамике, именно в находках в Ядринском районе Чувашской АССР. На Мокше и в ближайших к ней районах Мордовской АССР памятники фатьяновской и близкой ей культуры пока неизвестны, однако, ещё в 1931 году П. Н. Третьяков высказывал предположение, что фатьяновская культура не является собственностью лишь верхнего Поволжья [1]).

Наличие в теньгушевских культурных наслоениях керамики типа „Атли-касы" указывает на то, что примерно за две тысячи лет до возникновения теньгушевского поселения, в эпоху бронзы здесь обитали племена, культура которых была близка культуре племён верхнего Поволжья. Имелось ли здесь погребение бронзовой эпохи, сказать трудно. Возможно допустить, что упомянутое нами выше курганообразное возвышение на южном мысу городища являлось действительно курганом, содержащим погребение „обашевского" типа. Кладоискательские раскопки не только разрушили насыпь, но углубились в материк, нарушив погребение, если таковое действительно имелось под насыпью. Части костяка и сопровождающие его вещи были выброшены на поверхность, причём фрагменты керамики, по материалу более стойкие, не подверглись разрушению. Найденные обломки принадлежат, повидимому, двум разным сосудам. Все они найдены в южном раскопе, метрах в 10 от кургана, на глубине 10 см. от поверхности. Высказанное предположение нуждается в подтверждении путём дополнительного исследования памятника.

Возвращаясь к материалам, относящимся непосредственно к теньгушевскому поселению, нужно сказать, что керамическое ремесло теньгушевцев не ограничивалось изготовлением посуды. Из глины выделывались разнообразные предметы, необходимые в домашнем хозяйстве, ремёслах и промыслах, и даже украшения—бусы.

1) П. Н. Третьяков, Из материалов средне-волжской экспедиции ГАИМК, Сообщ. ГАИМК, 193[illegible] г., № 3, стр. 13—16.

Особенно многочисленны находки грузиков для ткацких станов и рыболовных сетей. Первые, более миниатюрные, часто украшались точечным орнаментом. Сравнительно многочисленны также находки пряслиц от веретён, что является показателем развития прядения и ткачества, которые тесно связаны с животноводством. Древнейшие ткани, как показывает анализ остатков из древних могильников, изготовлялись из шерстяного волокна.

Наряду с керамическим производством огромную роль в хозяйстве обитателей теньгушевского городища играло костеобрабатывающее ремесло. технические приёмы обработки кости и рога в основном близки приёмам обработки дерева, однако, прочность, рабочие и боевые качества орудий и оружия из кости оставляют несомненное преимущество за последними. Железо в это время (в первые века н. э.) в данном районе представляло ещё редкий и довольно ценный металл. Добывалось оно из местной болотной руды трудоёмким кричным способом. Поэтому большая часть орудий продолжала изготовляться из кости и рога. В обработку шли, главным образом, длинные кости конечностей коровы, лошади, лося и медведя, а также лосиные рога. Для обработки кож—первичной очистки их от мездры пользовались обычно широкими рёбрами коровы.

Первичная обработка кости и рога, их оболванивание производилось при помощи металлических ножей. Дальнейшая отделка, шлифовка, производилась каменными шлифовальниками, для чего выбирался подходящий песчаник. Среди находок имеются полированные камни с гладкой, сильно сработанной поверхностью, а также небольшие песчаниковые камни с многочисленными бороздками и желобками, образовавшимися от многократной заточки костяных игол, шильев и проколок. Этими же камнями пользовались и для обточки металлических шильев и игл. Среди многочисленных изделий из кости и рога имеются: гарпуны, остроги, наконечники стрел и дротиков, долота, кочедыки, гладкие и орнаментированные рукоятки металлических ножей и кинжалов, ножи, шилья и т. п.

Многие найденные предметы, повидимому, брошены в процессе их обработки как производственный брак, некоторые имеют характер заготовки. Иногда поломанная вещь из рога или кости, переделывалась в другую. Например, гарпун с обломанным зубцом переделывался в наконечник дротика, или стрелы и т. п.

Большинство костяных орудий обработано довольно грубо. Шлифовались лишь концы, которые должны были быть заострёнными. Лишь единичные предметы были хорошо сформированы и тщательно зашлифованы.

Всего найдено 80 поделок из рога и кости, причём из них 21—костяные иглы (или шилья). Весьма возможно, что они служили для универсальных целей, в качестве вязальных спиц и в качестве проколок для протыкания кож при сшивании. Некоторые шилья вставлялись в рукоятку, выточенную из дерева, кости или рога. Найдено несколько обломков костяных рукоятей; некоторые из них покрыты геометрическим нарезным или точечным орнаментом. Большая же часть проколок или шильев сделана весьма просто: рукоятью служил толстый необработанный конец кости, который при работе упирался в ладонь.

Добывание железа из болотной руды примитивным кричным способом было делом трудоёмким и сложным. Получалось незначительное количество чистого металла в крицах, которые поступали в кузнечную обработку. Найденные предметы из железа немногочисленны и очень миниатюрны. Это: небольшая мотыжка, кузнечный молоток, 2 ножа, из которых один серповидно изогнут, обломок шила, наконечник стрел и несколько неопределённых обломков. Выплавка железа производилась очевидно, в земляных горнах простейшей конструкции, которые, к сожалению, раскопками обнаружить не удалось.

Помимо керамического, относительно слабо развитого литейно-кузнечного производства, дерево и костеобрабатывающего ремесла, следует упомянуть ещё ремёсла: шорное, валяльное, прядильное, ткацкое, плетение сетей и, несомненно, плетение из лыка и стеблей волокнистых растений. Первоначальная обработка шкур, очистка их от мездры производилась, как говорилось выше, при помощи длинных и широких бычьих или коровьих рёбер. Их острый режущий внутренний край прекрасно играл роль струга и не нуждался в дополнительной обработке. Костяные струги, впервые найденные В. А. Городцовым при раскопках старшего каширского городища, считаются исследователем нетипичными для дьяковской

культуры. В 1926 г. А. П. Смирновым были найдены подобные же костяные струги в одном из позднейших (X—XII в. н. э.) городищ на р. Чепце (в Донцы-Карском р-не Вотской обл). Большое количество подобных стругов было найдено при раскопах городища на „торфеле“ (I-ые века н. э.) [1].

Прядильно-ткацкое производство, тесно связанное с животноводством, в частности, с овцеводством, было теньгушевцам хорошо известно. Глиняные пряслица от веретён и ткацкие грузики составляют едва ли не большую часть находок на городище (помимо керамики). Ткацкие станы были, повидимому, типа вертикальных станов, хорошо известных народам Зап. Сибири. В. А. Городцовым этот тип назван „форрерским“ [2]. Для пряжи и тканья шло преимущественно шерстяное волокно. По крайней мере, древнейшие известные нам ткани, например, из рязанских могильников первых веков н. э., были шерстяными. Культура технических растений вряд ли была известна древним насельникам теньгушевского городища. Однако опыт плетения цыновок из дикорастущих волокнистых растений (крапивы) мог быть ими использован и в ткачестве. Шерстяная пряжа шла не только на изготовление тканей, известно было также и вязание.

Найденные в значительном числе костяные иглы могли служить вязальными спицами. Обломок костяного предмета, сделанный из полой кости с четырьмя зубцами, аналогичный находке на Старом Каширском городище табл. V, рис 2 служил для плетения рыболовных сетей. Шерсть использовали также в валяльном производстве, знакомство с которым относится, повидимому, к глубокой древности. Войлоки служили постельной подстилкой на земляных нарах, из шерсти валялись мужские шляпы, которые носились круглый год. При плетении из лыка пользовались костяными кочедыками, по форме напоминающими современный железный инструмент, употребляемый лапотниками.

---

1) Город „Торфель“, близ г. Орджоникидзеграда, р. Десна. Раск. Е. И. Горюновой 1937 г.

2) В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. Гос. Ак. Ист. Мат. К. Вып. 65, М—Л, 1934 г., стр. 12.

Все перечисленные ремёсла имели вполне домашний, узкопотребительский характер, который соответствовал патриархально-родовому укладу жизни насельников теньгушевского городища.

Хозяйство древних обитателей Теньгушевского городища имело комплексный характер, с явным преобладанием животноводства, которое составляло основу их благосостояния. Животноводство, помимо продуктов питания, давало материал для одежды и обуви: кожи, овчины, шерсть и ценное сырьё в виде шкур, кож и щетины, служивших меновым товаром в торговых операциях.

Земледелие занимало второстепенное место. О его существовании свидетельствуют находки маленькой железной и обломка костяной мотыжки, серповидного ножа и каменной жерновки для растирания зерна. Орудия эти так миниатюрны и примитивны, что позволяют говорить лишь о самой незначительной роли подсечно-мотыжного земледелия. Отсутствие широколезвийных железных топоров и мотыг делало невозможным освоение крупных лесных участков и затрудняло подготовку лесной почвы под посев. Поэтому естественно, что основную, ведущую роль в хозяйстве играло животноводство и подсобные промыслы—охота и рыбная ловля, которые обеспечивали жителей посёлка мясными продуктами.

Из огромного количества найденных при раскопках костей домашних животных всего 1753 фрагмента удалось точно определению. Из них 714 принадлежали свинье, (45 неделимых особей), 572—лошади (14 неделимых особей), 319—крупному рогатому скоту (15 неделимых особей), 85—собаке (4 неделимых особи), 13—барану (1 неделимая особь). Свинья в стаде занимала первое место. Свиноводство—характерный тип примитивного лесного животноводства. Второе место занимает лошадь, которая была, в первую очередь, убойным животным. Рогатый скот, малорослый, близкий к мещерской породе, являлся источником мясной и молочной пищи. Теньгушевцам известно было различное приготовление молочных продуктов, квашение молока, заготавливание его на длительный срок. Об этом свидетельствуют находки цедилок, служившие для стока сыворотки из створоженного молока. Одним из излюбленных видов молочных про-

дуктов у современной мордвы-мокши является особым образом заквашенное молоко, имеющее острый вкус. Летом при полевых работах оно является незаменимым освежающим напитком.

Животноводство носило ещё очень примитивный характер. Свиньи свободно паслись в течение лета в лесу, где был в избытке питательный корм (жолуди), а осенью с приплодом загонялись в посёлок. На одичавших животных устраивались облавы. Эта традиция местами сохранилась в марийских и мордовских деревнях до сравнительно недавнего времени.

Крупный рогатый скот, особенно дойных коров, держали ближе к посёлку, загоняя их домой. Были ли специальные помещения или хотя бы навесы для скота—неизвестно.

Крупное значение скотоводства в хозяйстве рождало особую заботу об охране скота. Как видно из плана застройки, жилые строения занимают едва одну треть площади посёлка. Вся центральная, свободная от застройки, защищённая со всех сторон часть могла служить загоном для скота. Главная опасность грозила ему со стороны леса, откуда волки и другие лесные хищники могли напасть на посёлок. Единственно доступной со стороны леса являлась северо-западная его часть узкий перешеек между двумя речными руслами, которую жители посёлка укрепили земляным валом, вырыв с внешней стороны глубокий ров. Незначительность этого земляного сооружения с точки зрения военно-оборонительных целей совершенно очевидна. В глухих лесных дебрях, вдали от границ с иноплеменным населением, опасность вражеских вторжений вряд ли была реальной. Земельные просторы и редкость населения в данном районе не создавали также обстановки для разрешения войной межплеменных споров. Поэтому нам кажется правдоподобнее объяснить роль земляных укреплений городищ данной территории стремлением обезопасить домашний скот от нападений лесных хищников.

В системе хозяйства обитателей теньгушевского городища огромную роль играли также подсобные промыслы и в первую очередь звероловство и рыбная ловля. Насельники городища несомненно были знакомы и с добыванием мёда диких пчёл из естественных бортей в дуплах старых деревьев. Мокшанские лиственные леса

славились обилием в них пчёл. Однако, никаких специальных орудий, которыми пользовались бортники, не найдено. Повидимому, добыча мёда производилась хищнически. Обилие бортей позволяло неограниченно пользоваться готовыми запасами дикого мёда и не заставляло задумываться о сохранении залётного пчелиного роя. Добывали мёд с помощью универсальных орудий:—топора и долота, которыми расширяли отверстие летка, и ножа, которым вырезали соты.

Охота или вернее звероловство и рыбная ловля почти не уступали по своему значению в хозяйстве животноводству. Охотились в первую очередь на крупных мясных животных, таких, как лось и медведь, которые ценились также за шкуру. Их массивные кости и лосиные рога служили материалом для выделки всевозможных орудий и оружия. Несомненно в числе охотничьей добычи были и пушные звери, однако, найденные при раскопках кости позволили определить всего лишь 7 видов: 1) лося, 2) медведя, 3) куницы, 4) лисицы, 5) бобра, 6) зайца, 7) барсука. Повидимому, мелкую лесную дичь свежевали на месте промысла, отдавая тушки собакам. Домой приносили снятые с убитых животных шкурки. Лишь в случае неудачной охоты на лося или другую крупную дичь, не гнушались мясом и других мелких животных. Среди последних заячье мясо пользовалось особым почётом. Известно, что у всех современных мордовских племён, особенно у мокши, зайчатина была излюбленным традиционным блюдом. Специально пушная охота была развита ещё мало. Главный её стимул—торговый обмен—был, повидимому, очень ограничен.

Приёмы охотничьего промысла были очень примитивны и напоминали очевидно те, которыми ещё в прошлом столетии пользовались охотничьи племена Сибири. Преимущественно применялись всевозможные ловчие приёмы: кулемами, капканами, петлями, ловчими ямами. На некоторых животных охотились с луком. Возможно, что на охоте пользовались собакой, которая также охраняла домашнее стадо. Собак в посёлке было много. Большое количество найденных костей обглодано собачьими зубами.

Наряду с охотой большое значение имело рыболовство, которому благоприятствовало обилие водоёмов.

Для ловли рыбы пользовались преимущественно сетями, на что указывает масса найденных рыболовных грузил. Крупную рыбу били острогой или гарпуном — приём также известный многим сибирским племенам. Рыбу ловили в огромных количествах. Культурный слой, вскрытый раскопками, местами насыщен рыбьей чешуей и перегнившими костями, образующими довольно мощные прослойки.

Как уже упоминалось, торговые связи теньгушевских насельников с отдалёнными племенами были налажены, повидимому, слабо. Привозным товаром являлась медь и некоторые украшения. Найдена всего одна бусина южного происхождения. Медь попадала, видимо, в таких малых количествах, что служила лишь для отливки самых мелких украшений, бляшек, обкладок и т. п. Многие украшения, как например: браслеты, овальные застёжки — сюлгамы и другие выковывались из железа.

Наиболее вероятной датой Теньгушевского городища можно считать первые века н. э. Датирующими находками являются железные наконечники стрел римского типа (табл VII, рис. 6).

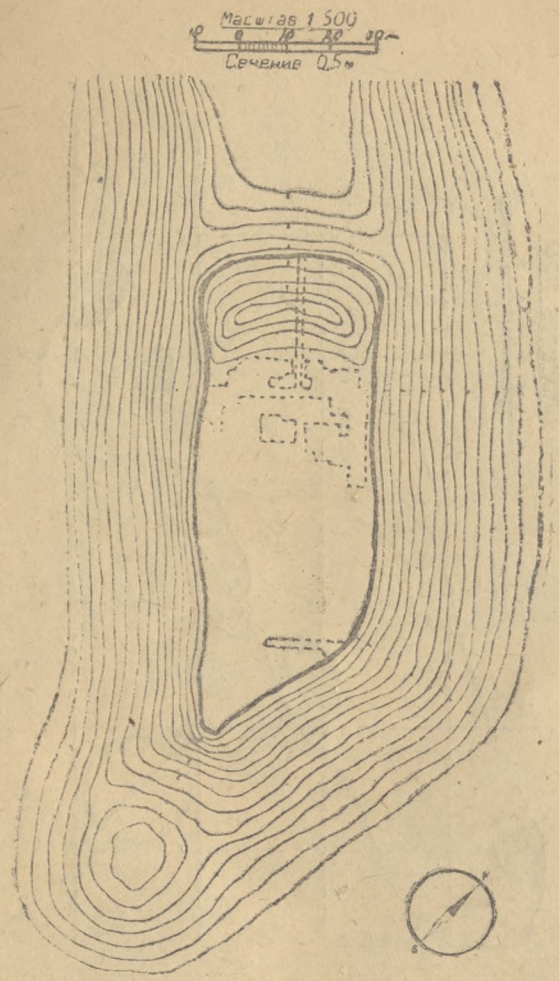
Архаический облик культуры городища, особенно ярко выраженный в типе керамики, имеющей много общего с керамикой предшествующей эпохи бронзы, типичен для городищ данной территории. Городища типа Теньгушева и Нароватова [1]) имеют много своеобразных черт, отличающих их, как от городищ дьякова типа, так и от городищ с рогожной керамикой.

Повидимому, в эту раннюю пору в процессе этногенеза уже наметились региональные культурные особенности мокшанских племён.

---

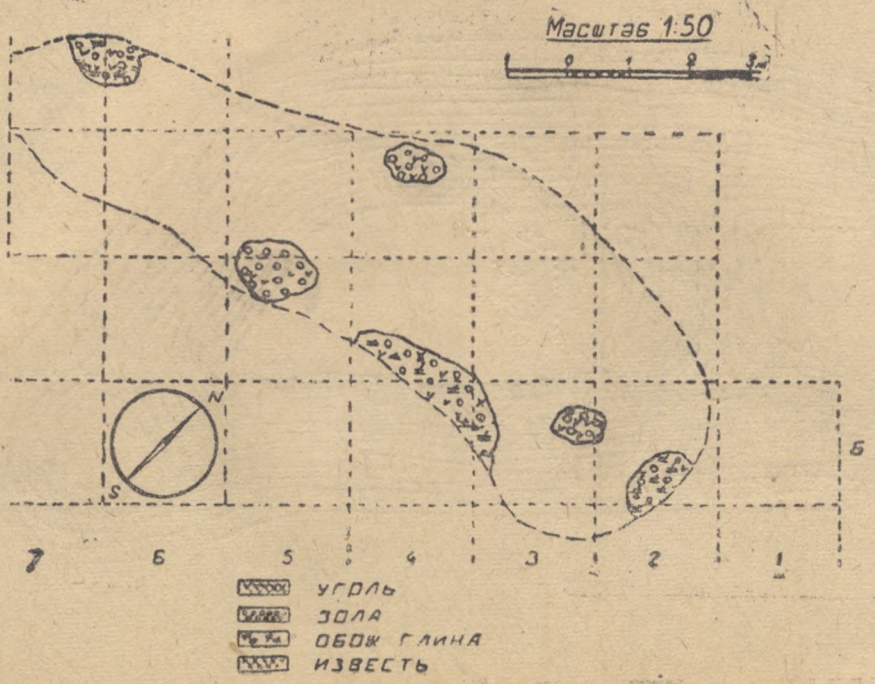
1) Нароватовское городище исследовано археолог. экспед. Мордовского Научно-исслед. института в 1939 г.

ТЕНЬГУШЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ



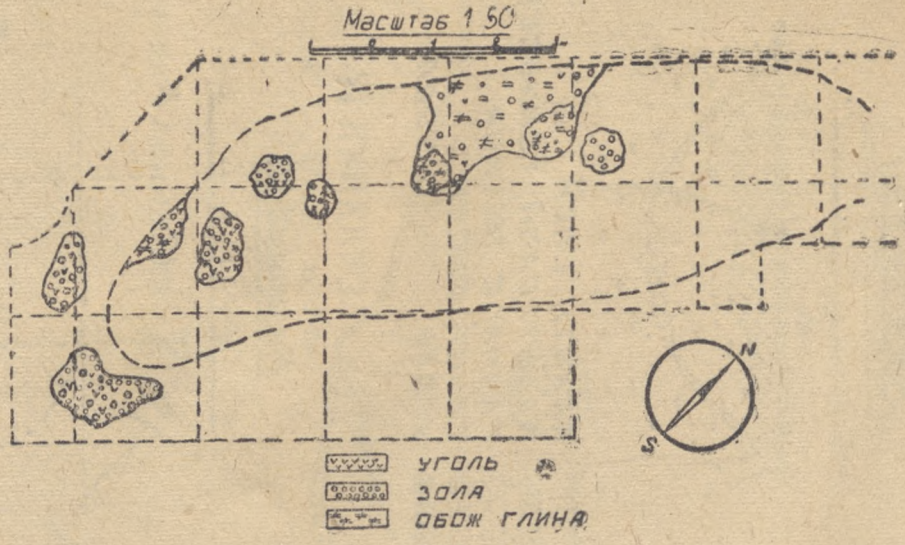
ТЕНЬГУШЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

ПЛАН ЗЕМЛЯНКИ II



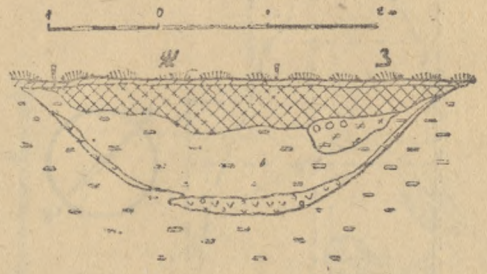
ТЕНЬГУШЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

ПЛАН ЗЕМЛЯНКИ III



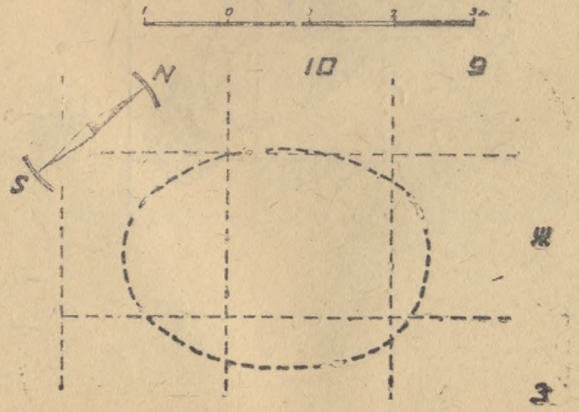
ПРОФИЛЬ ЗЕМЛЯНКИ IV ПО СТЕНКЕ NO

Масштаб 1:40

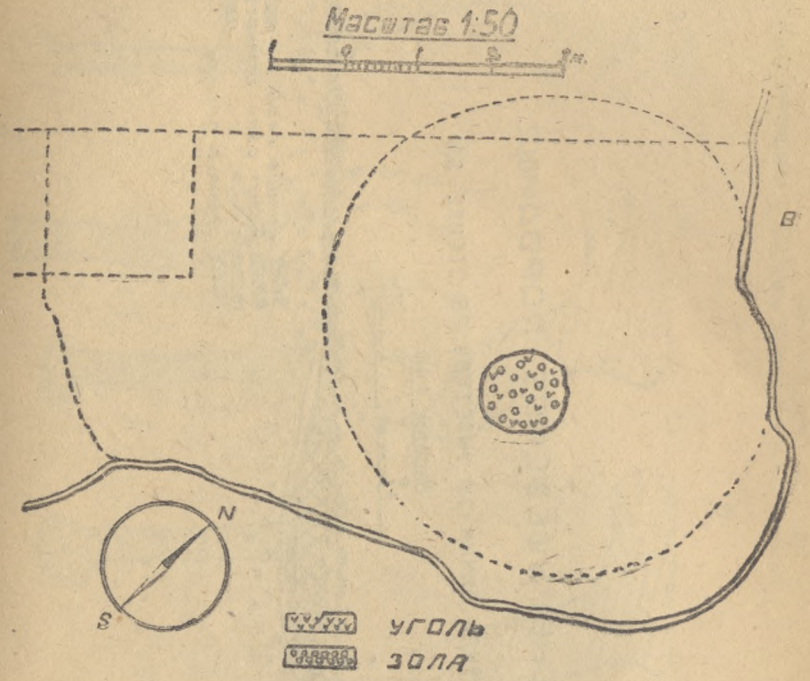


ПЛАН ЗЕМЛЯНКИ IV

Масштаб 1:50



Масштаб 1:50



ПЛАН ЗЕМЛЯНКИ V

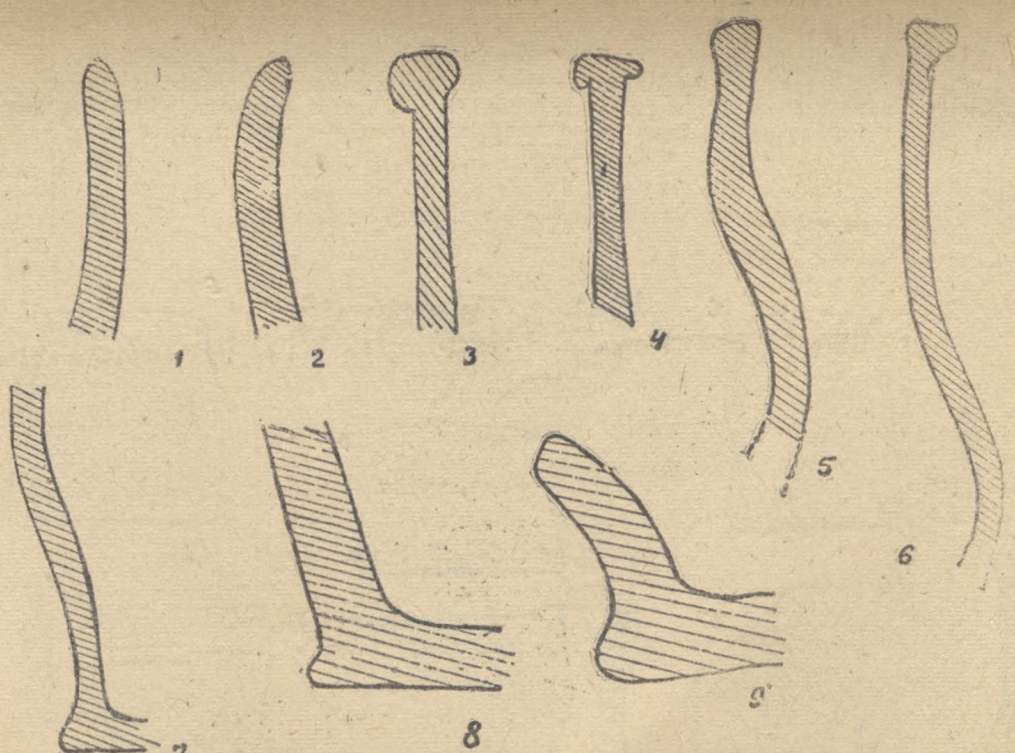


Таблица I. Рис. 1—6 Профили стенок и шеек сосудов (наиболее типичные)
7—9. Профили днищ сосудов.

Таблица II. Рис. 1—3 и 6. Образцы наиболее типичной керамики.
Рис. 4. Реконструкции глиняной чашки (ок. 1/3 нат. вел). Рис. 5 и 7. Реконструкция наиболее типичных сосудов с верёвочным орнаментом (1/4 нат. вел.)

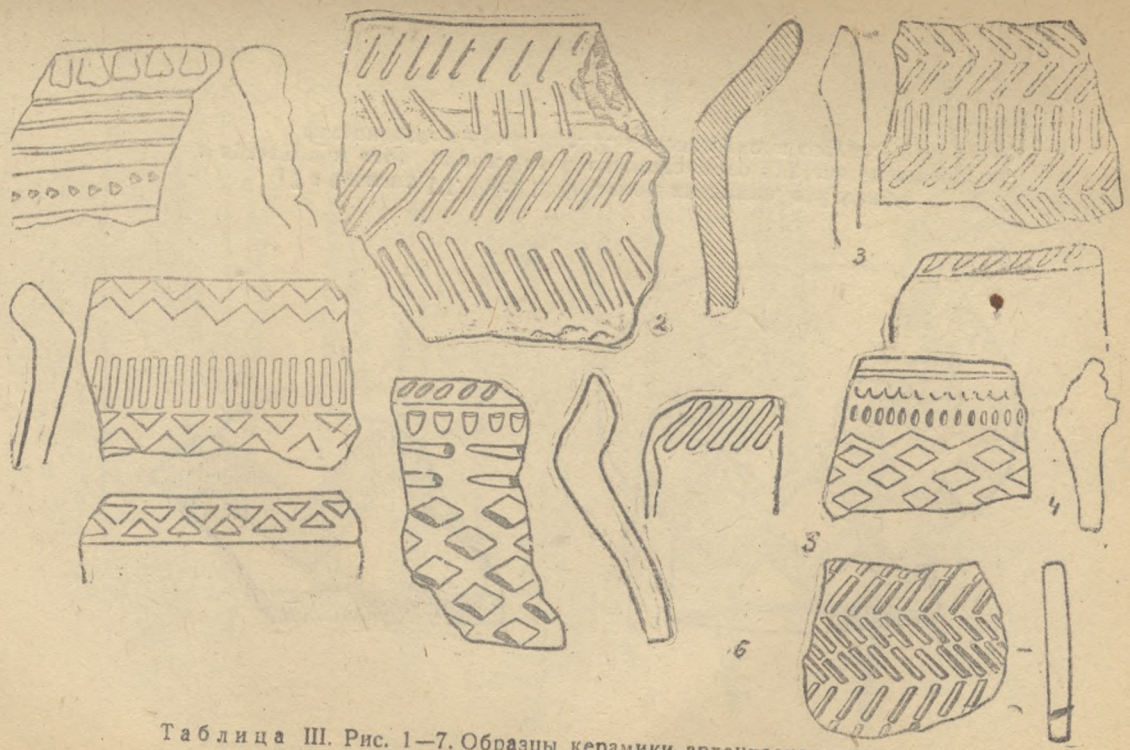


Таблица III. Рис. 1—7. Образцы керамики архаического типа (характ. для эпохи бронзы)

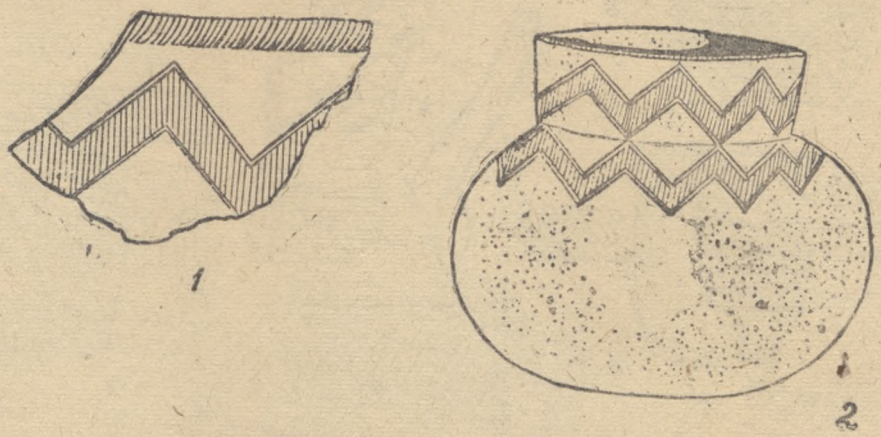


Таблица IV. Рис. 1. Обломок керамики, найденный в культурном слое пород. (из предполагаемого кургана эпохи бронзы, фатьяновск. к—ры). Рис. 2. Реконструкция сосуда.

Таблица V. Рис. 1—9. Орудия из кости.

Таблица VI. Рис. 1—6. Орудия из кремня

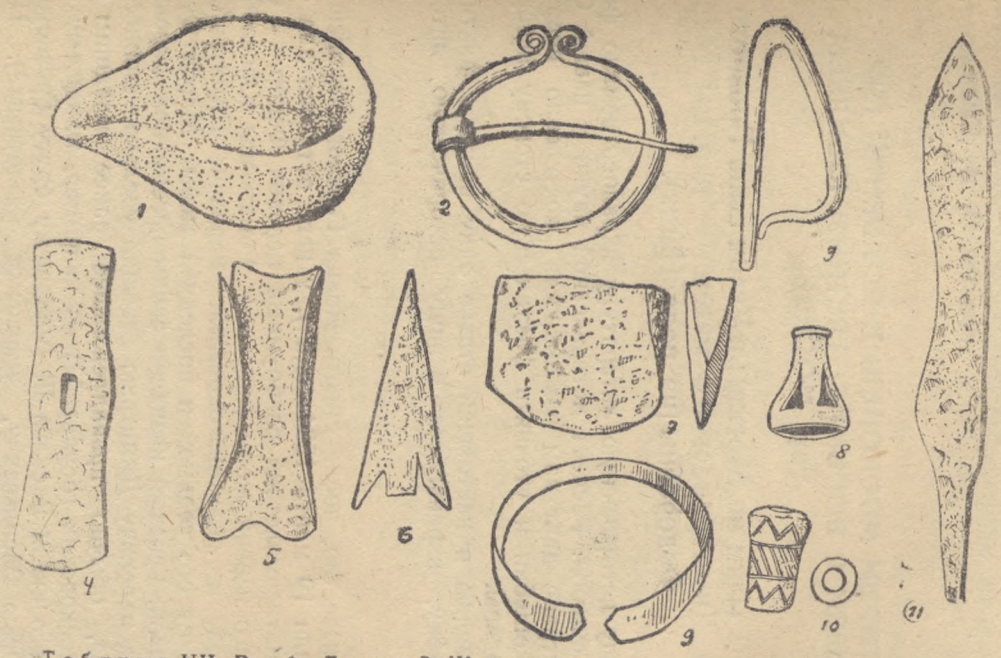


Таблица VII. Рис. 1. Лъячка; 2. Железная пряжка—сюлгама; 3. согнутый железный стержень; 4. Кераечный молоток железный; 5. Полевая мотыжка; 6. Железный наконечник стрелы; 7. Обломок железного топора; 8. Бронзовый предмет ввиде колокольчика; 9. Бронзовый браслет; 10. Бронзовая орнаментированная втулка; 11. Железный нож.

Кандидат исторических наук,
доцент ***О. А. Яковлева.***

К ИСТОРИИ МОСКОВСКИХ ВОЛНЕНИЙ 1584 г.— В СВЯЗИ С ВОСЬМИСОТЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ гор. МОСКВЫ.

(Время высылки из Москвы в Углич сына Грозного — царевича Димитрия и его матери — царицы Марьи Федоровны из рода Нагих).

В нашу историческую литературу вкралось немало фактических ошибок. Расцвет исторической науки в нашей Советской стране дает нам возможность постепенно исправлять эти ошибки и уточнять фактическую сторону истории нашей Родины.

Исправляю в настоящей статье одну важную фактическую ошибку, вкравшуюся в нашу историческую литературу. *)

* * *

Как известно, после смерти Ивана Грозного, происшедшей 18 или 19 марта 1584 года [1]), у него осталось два сына: двадцатисемилетний слабоумный царевич Федор — сын царя от его первой жены Анастасии Романовны Юрьевой — Захарьиной и полуторагодовалый царевич Димитрий — сын царя от его седьмой и последней жены Марьи Федоровны Нагой. Грозный назначил своим преемником царевича Федора, а царевичу Димитрию завещал удельное княжество Угличское, обычно принадлежавшее ранее младшим сыновьям московских государей [2]) — например, младшему сыну великого князя Василья III (младшему брату Грозного)— князю Юрью Васильевичу, умершему бездетным [3]). Царь Федор Иванович венчался на царство 31 мая 1584 г. [4]) —

*) Примечания см. в конце статьи.

через два с половиной месяца после смерти отца. Историкам хорошо известно, что весной 1584 года, в промежуток времени между смертью Грозного и венчанием на царство Федора, царевич Димитрий, мать его — царица Марья — и их родня — Нагие — были высланы из Москвы на жительство в г. Углич (центр завещанного Димитрию отцом Угличского княжества) и в Москве в правящих кругах и в народе произошли какие-то волнения, связанные с борьбой за власть лиц, близких к двум одинаково неспособным к самостоятельной государственной деятельности сыновьям Грозного — малоумному Федору и маленькому Димитрию. Историки наши много раз останавливались в своих трудах на этих событиях [5]). Но, описывая эти события, наши историки не могли установить точно время высылки из Москвы в Углич царевича Димитрия и его матери и указывали (как мы сейчас увидим, совершенно ошибочно): 1) что высылка их произошла сейчас же после смерти Грозного, не была связана с московскими волнениями и не была карательной мерой московского правительства по отношению к высылаемым, а была лишь мерой предосторожности этого правительства и 2) что московские волнения были после этой высылки и имя царевича Димитрия не играло в них никакой роли [6]). В некоторых случаях историки наши даже указывали ошибочно, что высылка эта произошла в первую же ночь после смерти Грозного [7]). Между тем, правильное разрешение вопроса относительно времени высылки из Москвы в Углич царевича Димитрия и его матери важно по следующей причине: правильное разрешение этого вопроса покажет: 1) присутствовали ли царевич Димитрий и мать его в Москве во время весенних волнений 1584 г.; 2) связаны ли эти волнения с именем царевича Димитрия; 3) произошла ли высылка царевича и его матери из Москвы в Углич в связи с этими волнениями; 4) была ли высылка царевича и его матери из Москвы неторопливой, спокойно обдуманной мерой московского правительства, или же она была внезапной и экстренной мерой этого правительства; 5) была ли высылка царевича и его матери карательной мерой московского правительства по отношению к ним.

Время высылки царевича Димитрия и его матери из Москвы в Углич можно установить совершенно точно: они были высланы 24 мая 1584 года. Это видно из нижеследующего. В московских записях расхода царских полотен и полотняных изделий за 1583—1584 гг. 24 мая 1584 г. запи-

сано: «Маия в 24 день отпущено с царицею Марьею да с царевичем Дми..... двесте полотен прозоровских и кадашовских, сто убрусов шитых и браных, сто столпцов скатертных, десять утирал/ь/ников, четыре полотна нитей, да мыленных дватцать пять простин да десять наволок зголовейных» [8]). Итак, из этой записи о расходе царских полотен и полотняных изделий выясняется следующий очень важный факт: царевич Димитрий и мать его царица Марья были высланы из Москвы в Углич 24 мая 1584 года, то-есть через два с лишним месяца после смерти Грозного и за одну неделю до венчания Федора на царство. Запись эта указывает на поспешность выезда царевича и его матери из Москвы — так как из неё видно, что выдача им полотен и полотняных изделий была произведена в самый день их отъезда, если же бы они собирались в дорогу не спеша, исподволь — то выдача эта безусловно была бы произведена не в день их отъезда, а заранее.

Всё это указывает на следующее: 1) во время московских волнений, происшедших вслед за смертью Грозного, царевич Димитрий и мать его ещё были в Москве, и они были высланы из Москвы в Углич уже после окончания этих волнений; 2) поэтому волнения эти были без сомнения в какой-то степени связаны с именем царевича Димитрия — тем более, что вслед за ними последовала высылка царевича Димитрия и его матери из Москвы; 3) высылка царевича и его матери из Москвы несомненно связана была с этими московскими волнениями; 4) московское правительство вовсе не выслало царевича и его мать из Москвы сейчас же после смерти Грозного, а дало им жить в Москве более двух месяцев после кончины царя Ивана и, возможно, вообще оставило бы их жить в Москве [9]), если бы они не вызвали чем-то неудовольствие этого правительства, которое, по этому случаю, произвело их высылку 24 мая, когда после весеннего половодья дорога, несомненно, уже давно просохла (и, следовательно, ехать в Углич было уже давно возможно) и перед самым венчанием Федора на царство — то-есть в качестве внезапной и экстренной меры, явно не желая оставлять царевича и его мать в Москве в момент венчания на царство Федора; 5) высылка царевича и его матери из Москвы перед самым венчанием Федора на царство, несомненно, была не только внезапной и экстренной мерой московского правительства, но и мерой правительства, которая в обидной форме покарала за что-то высылаемых. Царевич и его мать были высланы из Москвы за неделю до венчания Федора на царство, а кроме Федора и жены его Ирины из рода Годуновых, царевич и мать его были единственными членами царской семьи, мать эта была мачехой Федора, вдовствующей царицей, а Димитрий был братом Федора по отцу, царевичем, наследником московского престола — несомненно, неучастие в торжествах Федорова венчания, высылка из Москвы перед самым этим венчанием была для них карой и оскорблением. И эта высылка явно свидетельствует о том, что к моменту венчания Федора на царство отношения его и жены его Ирины с царицей Марьей и её родней были уже совершенно испорчены. И, несомненно, что оскорбительная высылка эта посеяла непримиримую вражду между ними. Вспомним, что через семь лет после этой высылки, живя в Угличе, Нагие жаждали смерти царя Федора и царицы Ирины — смерти, которая открыла бы путь к престолу царевичу Димитрию — и занимались гаданием при посредстве колдуна: сколько времени проживут Федор и Ирина, а по увереньям агента Москвы в Угличе — дьяка Битяговского — старались испортить их через посредство колдунов [10]). То, что царевича Димитрия с матерью выслали из Москвы именно 24 мая, вполне естественно: 24 мая приходилось в воскресенье и было последним воскресным днём перед воскресеньем, приходящимся 31 мая — в которое Федор венчался на царство. По моим наблюдениям все важные и торжественные события при царском дворе Московского государства обычно приурочивались к воскресным дням (при этом, конечно, ко времени после обедни): напр., венчания царей на царство, царские свадьбы, приемы царями послов, царские пиры, выступления царей в военные походы и пр. [11]). И, хотя отъезд из Москвы царевича и его матери был оскорбительной для них высылкой, — несомненно, этому отъезду была придана внешность мирного выезда царевича в его удел и отъезд этот был обставлен подобающей мирному выезду торжественностью. Он совершился в воскресенье и, конечно, царевич и его мать выехали из Москвы после обедни и напутственного молебствия и выехали с целой свитой сопровождающих их лиц. Об официальной торжественности проводов и выезда царевича Димитрия и царицы Марьи из Москвы свидетельствуют рассказы XVII века об этом событии, не указывающие, однако, даты этого события [12]). Выехав из Москвы 24 мая 1584 года, царевич и мать его, веро-

ятно, достигли Углича в начале июня этого года, и царевич, погибший в Угличе 15 мая 1591 года, восьми с половиной лет от роду, прожил в нём ровно 7 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Дата смерти Грозного указывается в наших исторических источниках противоречиво — в некоторых источниках сообщается, что он умер 18 марта на память св. Кирилла Иерусалимского, а в других источниках сообщается, что он умер 19 марта на память св. св. Хрисанфа и Дарии. Уточнение этой даты требует специального исторического исследования.

2) Смотри Ф. Киссель «История города Углича», Ярославль, 1844 г. В своем духовном завещании, писанном в 1572 г. (т. е. за 10 лет до рождения царевича Димитрия) Грозный упоминает о том, что Угличское удельное княжество было завещано его отцом — великим князем Василием III — младшему брату Грозного — князю Юрию Васильевичу. В этой же духовной Грозный завещает Угличское удельное княжество тому сыну, который может у него родиться в будущем от его жены царицы Анны (из рода Колтовских, с которой он жил в 1572 г.). Смотри духовное завещание Грозного в «Дополнениях к Актам Историческим», т. I, № 222, стр. стр. 371 — 389.

3) Смотри то, что указано в моих примечаниях 2 и 9.

4) О венчании царя Федора на царство смотри «Путешествия в Московию Еремея Горсея», перевод с английского Юрия Толстого, Москва, 1907 г., стр. стр. 47 — 52 и «Записки о Московии 16 века сэра Джерома Горсея» перевод с английского Н. А. Белозерской, СПБ, 1909 г., стр. стр. 109 — 114. Горсей пишет, что венчание Федора на царство состоялось в воскресенье, 10 июня 1584 г., в день рождения Федора. 10 июня нового стиля в 16 веке было 31 мая старого стиля. 31 мая 1584 г. действительно приходилось в воскресенье и действительно было днём рождения Федора, т. к. он родился 31 мая 1557 г. (смотри о рождении Федора: «Полное Собрание Русских Летописей», т. 13, первая половина, СПБ, 1904 г., стр. 283). Смотри также в Москве в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в фонде Главного Архива Министерства Иностранных Дел среди дел «Польского Двора» дело № 15 (подлинник, с 14

января 1584 г. по февраль 1586 г.). Здесь на обороте листа 101 говорится: «И того ж лета, 7092-го, майя в 31 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии — как венчался царским венцом и саном на царьство и на великое княжество всеа Русии — приговорил з бояры литовских полоняников всех, что ни есть у государя в полону: литовских, и польских, и неметцких, и угорских людей отпустити в Литву к Стефану королю даром без окупу и без омены». 31 мая 1584 г. — в день своего венчания на царство — царь Федор устраивал пир для своих придворных — см. «Синбирский Сборник», указанный в моём примеч. 11, стр. 86.

Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского», в томе 10, в главе первой и в примеч. 14 верно указывает дату венчания на царство Федора, ссылаясь на сочинение Горсея и на вышеуказанный лист 101, № 15 «Дел Польских».

Дата венчания царя Федора на царство указывается в некоторых исторических источниках неверно — так, например, во второй части «Собрания Государственных Грамот и Договоров», в заголовке к № 51 (к чину венчания Федора на царство) ошибочно указано, что Федор венчался на царство 30 июня 1584 г.; в «Новом Летописце», упоминающемся в моём примечании 6, ошибочно указывается, что Федор венчался на царство на Вознесеньев день (1584 г.), который в 1584 г. приходился в четверг 28 мая (см. стр. 35 «Нового Летописца»); иностранец Исаак Масса в своём сочинении «Краткое известие о Московии в начале 17 в.» ошибочно сообщает, что Федор венчался на царство 1 сентября 1584 г., явно путая дату венчания на царство Федора с датой венчания на царство Бориса Годунова, который венчался на царство 1 сентября 1598 г. (смотри эту ошибку в сочинении Массы, изд. Москва, 1937 г., на стр. 33; о венчании Бориса Годунова на царство 1 сентября 1598 г. — см. указанный выше «Новый Летописец», стр. 51).

5) Особенно подробно останавливался на этих событиях академик С. Ф. Платонов в своих трудах: «Очерки по истории Смуты в Московском Государстве 16 — 17 в. в.», изд. 2, СПБ, 1901 г., на стр. стр. 145—151 и 451 и «Борис Годунов», Петроград, 1921 г., на стр. стр. 23—25. Платонов собрал здесь весь известный ему исторический материал, касающийся этих событий.

6) Эта ошибка распространена очень широко в нашей исторической литературе и находится в сочинениях многочисленных авторов. Она находится, например, в следующих сочинениях: Карамзин «История Государства Российского», том 10, глава первая в начале; Соловьев «История России», издание «Общественная Польза», книга вторая, том 7, глава вторая, столбцы 538 — 539; Костомаров «Собрание сочинений», книга вторая, том 4, СПБ, 1904 г., стр. 12 — 13; Иловайский «История России», т. 3, Москва, 1890 г., стр. стр. 332 — 333; Забелин «История города Москвы», часть первая, Москва, 1902 г., стр. 441; Платонов «Очерки по истории Смуты в Московском Государстве 16 — 17 в. в.», изд. 2-е, СПБ, 1901 г., стр. стр. 146 — 147 и его же — «Борис Годунов», Петроград, 1921 г., стр. стр. 23 — 25; «История СССР», т. 1-й, Москва, 1939 г., редакция проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. Акад. Наук С. В. Бахрушина, стр. 404 (текст В. И. Пичета) и во многих других исторических сочинениях (напр. в труде Ф. Кисселя «История города Углича», Ярославль, 1844 г., на стр. стр. 224 — 225).

/В «Истории СССР» — учебнике для неисторических факультетов — под редакцией В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова (т. 1, 1941 г.) — время высылки царевича Димитрия и его матери из Москвы в Углич не указано совсем (см. стр. 150)/.

Из нашей исторической литературы ошибка эта проникла в наши Энциклопедии — она встречается: в «Энциклопедическом Лексиконе» Плюшара в статьях на слова: «Бельский Богдан Яковлевич» (И. Д.), «Борис Феодорович» (А. А. Краевского), «Годунов Борис Федорович» (Ф. Н. Менцова), «Димитрий Иоаннович царевич» (князя Дмитрия Кропоткина); в «Русском Биографическом Словаре», изд. Половцовым, в статьях на слова: «Борис Феодорович Годунов» (Бестужева-Рюмина), «Бельский Богдан Яковлевич» (без подписи), «Димитрий Иоаннович — царевич» (А. Николаева) и «Феодор Иоаннович» (В. Корсаковой); в «Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Ефрона» — в 1-м издании этого словаря в статье на слова: «Бельский Богдан Яковлевич» (В. Рудакова) и во 2-м издании этого словаря в статьях на слова «Борис Федорович Годунов» и «Бельский Богдан Яковлевич» (обе статьи П. Любомирова). В «Большой Советской Энциклопедии» эта ошибка не встречается (ни в одной из статей, помещенных в ней, авторы статей не останавливаются на

вопросе о времени высылки царевича Димитрия и его матери из Москвы в Углич). (Смотри в энциклопедических словарях статьи на слова: «Бельский Богдан Яковлевич», «Битяговский», «Борис Федорович Годунов», «Волохова», «Годуновы», «Димитрий Иванович — царевич», «Иван (Иоанн) Васильевич Грозный — царь», «Ирина — царица», «Мария Федоровна — царица», «Нагие», «Посадские люди» (по поводу их восстания в Москве весной 1584 г.), «Углич», «Федор (Феодор) Иванович»).

Корень ошибки наших историков, несомненно, таится в рассказе о высылке царевича Димитрия, его матери и их родственников — Нагих — из Москвы в Углич, помещенном в так называемом «Новом Летописце». «Новый Летописец» — источник очень популярный, поздний и испещрённый очень многими и очень грубыми фактическими ошибками. В «Новом Летописце» рассказ о высылке царевича Димитрия, его матери и Нагих в Углич помещен ранее рассказа о московских волнениях весны 1584 г. Рассказ об этих волнениях ошибочно помещен здесь даже позже рассказа о венчании царя Федора на царство. См. «Новый Летописец» в «Полном Собрании Русских Летописей», т. 14, первая половина, СПБ, 1910 г., стр. 35. На основании этого рассказа «Нового Летописца» сделал ошибку в указании времени высылки царевича Димитрия, его матери и Нагих из Москвы в Углич Карамзин, знавший «Новый Летописец», как часть «Никоновской Летописи», изданной в 18-м веке (см. Карамзин «История Государства Российского», т. 10, глава первая в начале и примечания к этому началу первой главы). Позднейшие наши историки заимствовали эту ошибку у Карамзина, повторили её в своих сочинениях и в этих сочинениях распространили её дальше.

7) Эта ошибка находится, например, в сочинении И. Забелина «История города Москвы», часть первая, Москва, 1902 г., стр. 441. Из текста Забелина ясно, что в качестве исторического источника он, несомненно, пользовался тем же «Новым Летописцем», который указан мной в примеч. 6 — но исказил смысл рассказа «Нового Летописца» о высылке царевича Димитрия, его матери и её родни—Нагих—из Москвы. «Новый Летописец» говорит о том, что Борис Годунов арестовал Нагих в первую же ночь после смерти Грозного, но вовсе не говорит о том, что царевич, мать его и Нагие высланы были из Москвы в Углич в эту же ночь, как пишет Забелин. Такие искажения текста документа во-

обще встречаются в трудах И. Е. Забелина.

8) Документ, в котором находится эта запись — подлинник 16-го века — издан в первой части «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы», собранных и изданных И. Забелиным (Москва, 1884 г.) на столбцах с 1201 по 1223 под заголовком «Расход полотен в обиходе царского дворца 1583—1587 г.г.» (но, в действительности, он охватывает время с сентября 1583 г. по август 1589 г.). В конце документа здесь написано о нём следующее: «Подлинник писан в тетрадях книгою, в которой нижняя доля от сырости истлела и некоторых строк недостает. Хранится в Моск. Архиве Министерства Юстиции». Частично документ этот переиздан из вышеуказанного издания в труде И. Забелина «Домашний быт русских цариц в 16 и 17 столетиях» (Москва, 1901 г.) на стр. стр. 737 — 746 (и здесь опять таки ошибочно указано, что документ охватывает 1583—1588 годы, в то время как он охватывает 1583—1589 гг.). Как это ни странно, но ни И. Е. Забелин, ни другие наши историки не заметили того, что документ этот, имеющий громадную историческую ценность, разрешает важный вопрос о том, когда были высланы в 1584 г. из Москвы в Углич царевич Димитрий и мать его — царица Марья. На мой запрос в Московском Центральном Государственном Архиве Древних Актов (в который вошел Московский Архив Министерства Юстиции) о нахождении и выдаче мне подлинника этого документа — он пока найден не был и я пользовалась исключительно вышеуказанным изданием текста его. Царевич Димитрий упоминается в этом документе всего только в одном месте — в том месте, которое цитировано мною, а мать его — царица Марья, будущая мамка его — Василиса Волохова и кормилица его — упоминаются в документе несколько раз. Приведу здесь все эти упоминания. При жизни Грозного: в сентябре, октябре, ноябре и декабре 1583 г. и в январе, феврале и первой половине марта 1584 г. в документе записано: «Лета 7092-го сентября в 15 день взяла боярыня Василиса Волохова к царице и великой княгине Марье девять полотен прозоровских да две ущины да тритцать два убруса шитых. Октября в 3 день взяла боярыня Онтонида Бокеева к царице и великой княгине Марье на сорочки пятнатцать полотен прозоровских да на простинки два полотна.....» Затем в документе значится, что 25 ноября и 3 декабря этого же года

из казны царицы и великой княгини взяты полотна, из которых сшиты рубашки и ширинки, розданные нищим старцам для заупокойного поминовения старшего сына Грозного — царевича Ивана Ивановича и отца Грозного — великого князя Василия III. Далее записано: «Генваря в 1 день взяла боярыня Василиса Волохова государю, царю и великому князю на полотенца пятнатцать полотен прозоровских да на простинки четыре полотна тверских». «..... Лаврова кормилице на рубашки два полотна кадашовских да два полотна тверских. Генваря в 7 день взяла боярыня Овдотья Волохова кормилице ж на рубашки полотно кадашовское да полотно тверское. Генваря в 26 день взяла боярыня Василиса Волохова к царице и великой княгине Марье три скатерти да полотно тверское. Февраля в 11 день взяла боярыня Василиса Волохова государю, царю и великому князю на полотенца пятнатцать полотен прозоровских. Февраля в 20 день взяла боярыня Онтонида Бокеева царице и великой..... прозоровских да десять полотен тверских да четыре ущины. Марта в 5 день взяла боярыня Василиса Волохова царице и великой княгине Марье да царевичеве княж Федорове Ивановичя царице княгине Орине на сорочки пятьдесят полотен прозоровских. Марта в 8 день взяла боярыня Ва..... на полотенца пять полотен прозоровских. Того ж дни взяла боярыня Василиса Волохова к царице и великой княгине Марье полотно тверское»..... «Того ж дни (9 марта) взяла боярыня Василиса Волохова государю на порты три полотна прозоровских да на простины четырнатцать полотен тверских». Далее следует запись о том, что 10 марта этого же года из казны царицы и великой княгини взяты полотна, из которых Грозному скроены мыленные простыни и полавочник. Через несколько дней после смерти Грозного и ровно за два месяца до выезда царицы Марьи и царевича Димитрия из Москвы в Углич записано: «Марта в 24 день взяла боярыня Василиса Волохова к царице Марье на полотенца пять полотен кадашевских». В этом же документе под октябрем 7097 (1588) г. записано: «Октября в 10 день по государеву царя и великого князя указу послано на Углечь с Яковом з Зюзиным царице Марье сто полотен прозоровских и кадашовских да дватцать убрусов да десять столпцов скатертных» — эти полотна и полотняные изделия, конечно, посланы были царем Федором в Углич в качестве подарка ко дню рожденья (19 октября) и именин (26 октября) царевича Димитрия

(которому 19 октября 1588 г. минуло шесть лет и который был именинником 26 октября — на память св. Димитрия Селунского).

Упоминающаяся в документе боярыня Василиса Волохова — женщина, приближенная к царице Марье, её «верховая боярыня», впоследствии знаменитая мамка царевича Димитрия. Она, несомненно, пользовалась в семье Грозного очень большим доверием и была своим человеком в этой семье, т. к. была «верховой боярыней» и ведала бельём самого Грозного, царицы Марьи и царицы Ирины — жены царевича Федора. В Московской Руси, как известно, считалось, что через белье можно передать порчу, отраву и пр., и, поэтому, царским бельем всегда ведало особенно доверенное лицо. Василиса Волохова называется в документе «боярыней», а на семь лет позже в угличском следственном деле о смерти царевича Димитрия (весна 1591 г.) — она называется «боярыней вдовой». Следовательно муж её — Волохов — умер между весной 1584 г. и весной 1591 г. Василиса Волохова, несомненно, уехала в Углич вместе с царицей Марьей и царевичем Димитрием — она, поэтому, и не упоминается в документе позже весны 1584 г. Из угличского следственного дела о смерти царевича мы видим, что будучи мамкой царевича — 15 мая 1591 года, в день его смерти, происшедшей на заднем дворе его усадьбы — Василиса Волохова присутствовала при этой смерти, сын Василисы — Осип Волохов — был обвинен царицей Марьей и её родней — Нагими — в том, что он зарезал царевича и был по наущению их убит толпой, Василиса была жестоко избита ими, а затем посажена под караул, слуги Волоховых, заступавшиеся за своих господ, также были убиты толпой по наущению царицы и Нагих.

«Сказание о царстве царя Феодора Иоанновича» сообщает, что Василиса Волохова была женщиной незнатного рода и сначала была она постельницей при дворе, а уже затем царица Марья, возлюбив её, сделала её своей «вящей боярыней», всегда находящейся при ней и при царевиче Димитрии, и жаловала её больше всех других своих боярынь. Это же «Сказание» сообщает, что Борис Годунов подкупил Волохову и других лиц для того, чтобы они убили царевича Димитрия, и они много раз, но безуспешно, пытались отравить его.

«Житие царевича Димитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Иоанна Милютина» сообщает, что Борис Годунов,

желая погубить царевича Димитрия, вошел для этого в контакт с Василисой Волоховой — «вящей боярыней», находившейся в штате царевича, и с другими лицами, подкупил их, и они много раз, но безуспешно, пытались отравить царевича. Затем Волохова, договорившись с убийцами, предала царевича в их руки, велев кормилице вывести его на двор, якобы для детской игры, и на дворе убийцы зарезали царевича. (Смотри «Русская Историческая Библиотека», т. 13, изд. 2-е, СПБ, 1909 г., столбцы 765, 901 и 903).

«Новый Летописец» сообщает, что мамка царевича Димитрия — Волохова — и сын её уехали из Москвы в Углич вместе с царицей Марьей и царевичем, и что в Угличе и она и сын её вошли в контакт с клевретами Бориса Годунова, присланными им в Углич, чтобы убить царевича.

Далее «Новый Летописец» сообщает, что 15 мая 1591 г. сообщница убийц царевича — мамка Волохова — насильно, несмотря на протесты кормилицы царевича, вывела его из дома на двор и здесь сын Волоховой и другие убийцы зарезали царевича, за что были убиты разъяренной толпой и брошены в яму псам на съедение, но затем были погребены по повелению Бориса Годунова. Мамка же Волохова была щедро вознаграждена Борисом Годуновым материально за своё предательство царевича (вотчинами и пр.). (Смотри «Полное Собрание Русских Летописей», т. 14, первая половина, СПБ, 1910 г., стр. стр. 35, 41 и 42).

Д. И. Языков в своей статье в «Энциклопедическом Лексиконе» Плюшара на слово «Волохова» ошибочно написал, что невероятно, чтобы Василиса Волохова была боярыней, т. к. из числа Волоховых — мужчин никто не имел боярского чина (следовательно, муж Волоховой не был боярином). Языков неверно понимал термин «боярыня». Волохова вовсе не была женой боярина, а была «верховой боярыней», т. е. женщиной, приближенной к царице, состоявшей в штате царицы.

Упоминающаяся в документе Авдотья Волохова без сомнения была родственницей мужа Василисы Волоховой и, как видно из документа, была так же, как и Василиса, женщиной, приближенной к царице Марье, «верховой боярыней» царицы. Она, вероятно так же, как и Василиса, уехала в Углич вместе с царицей Марьей и царевичем Димитрием. В последние годы царствования Грозного члены рода Волоховых упоминаются в исторических источниках в его окружении. См., напр., Н. Лихачев «Дело о приезде в Москву Антония Поссевина», СПБ, 1903 г., стр. стр. 4, 5, 6, 12, 106 и др.

«Приложения». Здесь упоминается — Залешанин Никифорович Волохов — он в 1581 — 1582 гг. был в приставах у посла Римского папы в Россию иезуита Антония Поссевина; он же в 1584 г. строил город Архангельск — см. Карамзин «История», т. 10, изд. 1824 г., стр. 70 и примечание 135; следует обратить внимание на то, что в ноябре 1551 г. гонцом из Казани от князя Дмитрия Федоровича Палецкого в Москву был некий сын боярский Митька Волохов — см. «Полное Собрание Русских Летописей», т. 13, 1-я половина, стр. 172 и т. 13, 2-я половина, стр. 472. Под сокращенным именем «Митьки» может разуметься и имя «Дмитрий» — как обычно разумеется теперь и имя «Никита» или, как выговаривалось в просторечии, «Микита» (см. «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. 2, изд. Академии Наук СССР, 1945 г., стр. 72), а может быть и имя «Никифор» (в просторечии «Микифор»).

Упоминающаяся в документе «верховая боярыня» царицы Марьи — Антонина Бокеева — жена одного из Бокеевых; члены рода Бокеевых упоминаются в исторических источниках в окружении Грозного (см., напр., «Древняя Российская Вивлиофика», изд. Н. Новиковым, изд. 2-е, часть 13, Москва, 1790 г., стр. стр. 91 и 96).

Упоминающаяся в документе кормилица — без сомнения, кормилица царевича Димитрия, которому шёл в это время второй год — вероятно, та самая кормилица царевича Димитрия — Ирина Тучкова — которая упоминается в угличском следственном деле 1591 г. о смерти царевича. Муж её, также упоминающийся в этом деле, звался: Ждан Тучков («Ждан» было очень распространенным в Московской Руси прозвищем) — смотри о нём угличское следственное дело в издании, указанном в моём примеч. 10. Это дало повод некоторым нашим историкам ошибочно писать, что фамилия кормилицы Ирины была «Жданова» (смотри эту ошибку, например, в сочинении С. М. Соловьева «История России», издание «Общественная Польза», книга вторая, том седьмой, глава пятая, столбец 677 и в «Энциклопедическом Лексиконе» Плюшара в статье Д. И. Языкова на слово «Волохова»).

Упоминающийся в документе Яков Зюзин, вероятно, тот самый Яков Васильевич Зюзин, который упоминается в «Истории» Карамзина в т. 12, в примеч. 133 (он служил воеводой в царствование царя Василия Шуйского). Упоминающаяся в документе царица княгиня Ирина — жена царевича

Федора Ивановича — Ирина Федоровна из рода Годуновых.

Интересно отметить следующее: в Московском государстве эпохи Грозного титул «царицы и великой княгини» носила только одна женщина в государстве — жена живого, царствующего «царя и великого князя» — пока она была женой его. Поэтому, когда Грозный умер, жена его — «царица и великая княгиня Марья» утратила титул «великой княгини» и стала просто «царицей», а титул «царицы и великой княгини» перешел к жене нового царя — Федора Ивановича — Ирине. Если «царица и великая княгиня» постригалась при жизни мужа-царя (как, напр., четвертая жена Грозного — Анна Колтовская) — она также утрачивала титул «великой княгини» и оставалась просто «царицей».

Из документа мы видим, что отпуск полотен и полотняных изделий из царской казны совершался и в будничные и в воскресные дни — так, например, 15 сентября 1583 года приходилось в воскресенье, 9 марта 1584 г. приходилось в воскресенье, 24 мая 1584 г. (день отъезда царевича Димитрия и его матери из Москвы) приходилось в воскресенье.

Объясню термины вещей, упоминающихся в документе:

Полотна назывались по месту своего изготовления: тверскими (изготовленные в г. Твери, славившемся своими полотнами), прозоровскими (изготовленные в селе Прозоровском, Моложского уезда, входящего позже в Ярославскую губернию, славившуюся своими полотнами) и кадашевскими (изготовленные в Москве в Кадашевской слободе).

«Зголовьем» называлась подушка в виде валика — такие подушки были очень распространены в Московской Руси (см. о «зголовье» И. Забелин «Домашний быт русских царей в 16 и 17 столетиях», ч. 1, Москва, 1862 г., стр. 203 и см. также Савваитов «Описание старинных утварей и пр.», СПБ, 1896 г., стр. стр. 39 — 40). Изображения зголовий сохранились на рисунках 16 — 17 столетий (например, на рисунках, иллюстрирующих описание свадьбы царя Михаила Федоровича со Стрешневой — это рукописное описание с рисунками хранилось в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел и было издано вместе с рисунками Платоном Бекетовым в Москве в 1810 г.; на рисунках, на таблицах 1-й и 8-й, приложенных в конце второй половины 13 тома «Полного Собрания Русских Летописей», СПБ, 1906 г.). Подушки в виде валиков были распространены в старину и в Западной Европе.

«Наволокой зголовейной» называлась наволочка на такое зголовье.

«Мыленной простыней» называлась банная простыня, т. к. «мыльней» в Московской Руси называлась баня.

Как мы видим из многих мест документа, нити для шитья измерялись полотнами (см., напр., столб. 1201, 1202, 1206 в вышеуказанном издании документа).

«Полавочником» назывался и называется холст, или другая ткань, употребляющаяся для покрытия лавки (например, в бане) (см. анализируемый мной документ и Даль «Толковый Словарь». изд. 1912 г., т. 3, столб. 643):

«Порты» — нижние мужские штаны.

«Скатертный столбец» — скатертное полотно (см. И. Забелин «Домашний быт русских цариц», 1901 г., стр. 561).

«Убрусом» называлась головная повязка замужней женщины. «Убрусы» делались полотняные вышитые («шитые») и затканные («браные») различными рисунками (см. И. Забелин «Домашний быт русских цариц», 1901 г., стр. 484, рисунки в конце этого труда и описание этих рисунков в начале этого труда; «браная ткань» — белая полотняная ткань, тканая узором — см. Даль «Толковый Словарь», изд. 1912 г., т. 1, столб. 308).

«Узчина»—узкий простой крестьянский холст (см. Даль «Толковый Словарь», изд. 1912 г., т. 4, столб. 976).

«Утиральником» назывались, а иногда называются и ныне, и полотенце и салфетка (от глагола «утираться») (см. Даль, «Толковый Словарь», изд. 1912 г., т. 4, столб. 1093—1094); в Московской Руси между «полотенцем» и «утиральником» делалось различие — см. И. Забелин «Домашний быт русских царей в 16 и 17 столетиях», ч. 1, Москва, 1862 г., стр. стр. 207 — 208.

«Ширинкой» назывался, а иногда называется и ныне, платок (из документа видно, что «ширинка» и «платок» одно и то же — сравни столбцы: 1201, 1206, 1210, 1213 со столбцами: 1219, 1220, 1221, 1222, 1223).

9) Младший брат Ивана Грозного — угличский удельный князь Юрий Васильевич — обычно жил в Москве, а не в Угличе — смотри Ф. Киссель «История города Углича», Ярославль, 1844 г., и «Полное Собрание Русских Летописей», т. 13 (первая и вторая половина) — по указателю, помещенному во второй половине т. 14 «П.С.Р.Л.», на слова: «Юрий Васильевич (степень 20)».

10) См. «Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия» — фототипическое издание с приложенной к нему транскрипцией текста В. Клейна, Москва, 1913 г., стр. стр. 16 и 18 транскрипции текста.

11) Приведу примеры венчаний царей на царство, совершившихся в воскресенье: Грозный венчался на царство 16 января 1547 г., царь Федор Иванович венчался на царство 31 мая 1584 г., царь Василий Иванович Шуйский венчался на царство 1 июня 1606 г., царь Михаил Федорович венчался на царство 11 июля 1613 г., царь Алексей Михайлович венчался на царство 28 сентября 1645 г., царь Федор Алексеевич венчался на царство 18 июня 1676 г., цари Иван и Петр Алексеевичи венчались на царство 25 июня 1682 г. Все вышеуказанные числа — приходились в воскресенье.

Приведу примеры великокняжеских и царских свадеб, совершившихся в воскресенье: дочь великого князя Ивана III — великая княжна Елена — торжественно въехала в г. Вильно для бракосочетания с великим князем Литовским Александром в воскресенье 15 февраля 1495 г. и в этот же день была обвенчана с ним и по православному и по католическому обряду; другая дочь Ивана III — великая княжна Евдокия — вышла замуж за крещеного казанского царевича Петра в воскресенье 25 января 1506 г. (царевич торжественно крестился в г. Москве, в Москве реке, в воскресенье 21 декабря 1505 г.); великий князь Василий III женился на княжне Глинской 21 января 1526 г., Иван Грозный женился на Собакиной 28 октября 1571 г., сын Ивана Грозного — царевич Иван Иванович — женился на Сабуровой 4 ноября 1571 г., царь Василий Шуйский женился на княжне Буйносовой-Ростовской 17 января 1608 г., царь Михаил Федорович женился на княжне Долгорукой 19 сентября 1624 г., на Стрешневой—5 февраля 1626 г., царь Алексей Михайлович женился на Милославской 16 января 1648 г., на Нарышкиной — 22 января 1671 г., царь Федор Алексеевич женился на Грушецкой 18 июля 1680 г., Петр I женился на Лопухиной 27 января 1689 г. Все вышеуказанные числа приходились в воскресенье.

В «Синбирском Сборнике», изданном в Москве, в 1845 г., Языковым, Хомяковым и Валуевым, смотри, например, за время царствования Грозного, царя Федора Ивановича и Бориса Годунова: на стр. стр. 126 и 131 (24 декабря 1592 г., 3 октября 1596 г., 22 мая 1597 г.) — примеры приемов послов в воскресенье; на стр. стр. 102, 103, 140 — 141 (21 сентября и 26 октября 1589 г., 19 августа 1599 г.) — примеры

царских пиров в воскресенье (последняя дата — дата встречи гостя-королевича и пира); на стр. стр. 36, 109, 119, (21 сентября 1572 г., 14 декабря 1589 г., 11 июня 1592 г.) — примеры выступления в военные походы в воскресенье. Все вышеуказанные числа приходились в воскресенье.

Так называемая «Александро-Невская Летопись» обнимает период времени с февраля 1563 г. по август 1567 г. (она издана в 3-м томе «Русской Исторической Библиотеки», СПБ, 1876 г., на столбцах 161—294). И, несмотря на краткость того периода, который охватывает эта летопись, мы находим в ней множество действий, приуроченных Грозным и другими лицами к воскресным дням. Приведу примеры: Столб. 173—174 — торжественный въезд Грозного в Москву после взятия им г. Полоцка (21 марта 1563 г.). Столб. 246—247 — торжественный выезд Грозного из Москвы в село Коломенское перед учреждением им опричнины (3 декабря 1564 г.) и выезд его из села Коломенского в дальнейший путь (17 декабря 1564 г.). Столб. 177, 222 — 223, 283, 290 — выезды Грозного (в некоторых случаях вместе с его семьей) из Москвы в объезды городов, сёл и монастырей и въезды его в Москву после этих объездов (9 мая 1563 г., 7 мая 1564 г., 17 ноября 1566 г., 29 июня 1567 г.). Столб. 287 — въезд царя в его новый двор (12 января 1567 г.). Столб. 220—221 — добровольный торжественный постриг невестки Грозного (30 апреля 1564 г.). Столб. 187 — торжественное освящение в присутствии Грозного церкви (3 октября 1563 г.). Столб. 215, 218—219, 259, 260, 281, 287—288 — поставление церковных иерархов (5 и 12 марта 1564 г., 18 марта 1565 г., 8 апреля 1565 г., 11 августа 1566 г., 19 января 1567 г.). Столб. 275—уход митрополита с митрополии (19 мая 1566 г.). Столб. 175 — создание Грозным Полоцкой «архиепископии» (4 апреля 1563 г.). Столб. 190—191, 193—194, 194—195, 213—214, 231 — 232, 262, 265, 272, 286, 287, 290 — въезды иноземных послов в Москву и выезды их из Москвы (24 октября 1563 г., 28 ноября 1563 г., 5 декабря 1563 г., 9 января 1564 г., 13 февраля 1564 г., 24 сентября 1564 г., 17 июня 1565 г., 15 июля 1565 г., 13 января 1566 г., 22 декабря 1566 г., 12 января 1567 г., 2 февраля 1567 г.). Столб. 179—180, 182, 281, 290 — отправление русских послов в иноземные страны (20 июня 1563 г., 11 июля 1563 г., 25 августа 1566 г., 2 февраля 1567 г.). Столб. 188, 190—191, 193—194, 213—214 — въезд в Москву русских послов при возвращении их из иноземных стран (3 октября 1563 г., 24 октября 1563 г., 28 ноября 1563 г., 13

февраля 1564 г.). Столб. 245—извещение воеводами Грозного относительно военной победы (12 ноября 1564 г.). Все вышеуказанные числа приходились в воскресенье.

Грозный, приехав в Новгород для погрома его, начал этот погром в воскресенье 8 января 1570 г. (см. «Полное Собрание Русских Летописей», т. 3, СПБ, 1841 г., стр. стр. 256—260).

12) О торжественности проводов и выезда царевича и его матери из Москвы в Углич — смотри: 1) «Русская Историческая Библиотека», т. 13, изд. 2-е, СПБ, 1909 г., столбцы 756—757 («Сказание о царстве царя Феодора Иоанновича», вошедшее в так называемый «Морозовский Летописец», — смотри об этом здесь же стр. стр. 24—25 в начале тома; в этом «Сказании» на столбце 756-м сказано, что царь Федор отправил царевича Димитрия с матерью в Углич из-за «всякаго прекословия и кромолы люцкой» — это ясно указывает на то, что царевич Димитрий был выслан в Углич в связи с московскими волнениями); 2) Карамзин «История Государства Российского», т. 10, текст с примечанием 9-м и само это примечание, в котором Карамзиным сделана выписка из «Морозовского Летописца»; 3) сочинение Горсея, указанное в моём примечании 4-м, стр. 48 перевода Толстого и стр. 110 перевода Белозерской (из сочинения Горсея ясно, что царевич Димитрий и его мать были высланы из Москвы в Углич в мае, после московских волнений и перед венчанием Федора на царство).

Кандидат исторических наук,
доцент О. А. Яковлева.

К ИСТОРИИ ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ.

Одна источниковедческая ошибка Н. М. Карамзина в „Истории Государства Российского", не замеченная и повторенная нашими историками. *)

I.

20-го декабря 1811 года архивист и будущий начальник Московского Архива Министерства Иностранных Дел — Алексей Федорович Малиновский — подарил библиотеке этого архива рукописную псковскую летопись. Летопись эта есть единственная псковская летопись, подаренная Малиновским данной библиотеке. Она доходит до 1464-го года включительно и после этого года в ней имеется лишь небольшая приписка, относящаяся к 1481-му году. Данная летопись хранится с Москве в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в фонде библиотеки Архива Министерства Иностранных Дел за № 68/91 (№ 34). Она сохранилась ныне совершенно в том же виде, в каком была подарена библиотеке А. Ф. Малиновским. [1]) При издании в 1837-м году историком М. П. Погодиным «Псковской Летописи» летопись эта вошла в данное издание, как один из вариантов текста псковской летописи. [2]) При издании в 1848-м году в IV томе «Полного Собрания Русских Летописей»—«Псковской Первой Летописи» —данная летопись также вошла и в это издание, как один из вариантов текста псковской летописи. [3]) Подробное описание внешнего вида и состава этой летописи находится на стр. стр. XI—XII введения первого выпуска труда А. Н. Насонова «Псковские Летописи» (изд. Ленинград, 1941 г.).

*) Примечания см. в конце статьи.

II.

В первой четверти XIX века историограф Н. М. Карамзин писал свою знаменитую «Историю Государства Российского». В этом труде Карамзин широко использовал в качестве исторического источника псковскую летопись, принадлежавшую в XVII-м веке стольнику Василью Никифоровичу Собакину и подаренную в 1791-м году в эту же библиотеку Московского Архива Коллегии Иностранных Дел нашим знаменитым архивистом Николаем Николаевичем Бантыш-Каменским. Эта псковская летопись — рукопись, хранящаяся в Москве в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в фонде библиотеки Архива Министерства Иностранных Дел за № 69/92 (90) (447/915). Об этой рукописи мной написана статья, помещенная в № 6 «Записок Мордовского Научно-исследовательского института» (Саранск, 1946 г.). Данной рукописью Карамзин пользовался в подлиннике и испещрил её своими пометками, сделанными им чернилами, карандашом и ногтем. [4]) Когда Карамзин писал свою «Историю», он пользовался и подлинными документами и копиями с подлинных документов, сделанными специально для него. [5]) Когда Карамзин писал VII-й том своей «Истории», вышедший первый раз в 1816-м году, а второй раз в 1819-м году — он пользовался сделанными для него выписками из псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского). Конечно, выписки эти сделаны были для Карамзина по распоряжению А. Ф. Малиновского, так как псковская летопись Собакина (Бантыш-Каменского) хранилась в библиотеке Московского Архива Министерства Иностранных Дел, которым тогда заведывал Малиновский, так как эти выписки, как мы сейчас увидим, Карамзин принял за выписки из псковской летописи Малиновского и так как Малиновский вообще постоянно снабжал Карамзина историческими материалами и в подлинниках и в копиях. [6]) На этих выписках из псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского), сделанных для Карамзина, не было указано из какой летописи они сделаны. Пользуясь этими выписками, Карамзин не заметил того, что они сделаны из того псковского летописца Собакина (Бантыш-Каменского), который он хорошо знал в подлиннике. Это объясняется тем, что летописные известия в псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского) расположены не в хронологическом порядке, и известия одних и тех же лет расположены в разных местах летописи, а Карамзин, несомненно, не обследовал де-

тально всего текста псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского).[7]) Не заметив того, что выписки эти сделаны из псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского), Карамзин использовал эти выписки в VII-м томе «Истории Государства Российского», ошибочно думая, что они сделаны из псковской летописи, подаренной в 1811-м году библиотеке Московского Архива Министерства Иностранных Дел А. Ф. Малиновским, и в 23-х примечаниях к VII-му тому «Истории» ошибочно сослался на псковскую летопись Малиновского, или цитировал текст летописи, ошибочно указав, что он заимствовал его из псковской летописи Малиновского. Это следующие 23 примечания к VII-му тому «Истории»: 54, 55, 57, 58, 60, 61, 64, 66, 68, 69, 70, 71, 73 (в начале), 76, 77, 78, 95, 99, 119, 123, 132, 168 и 279.[8]) В действительности же во всех указанных примечаниях Карамзин испсльзовал текст псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского), ошибочно полагая, что он использовал текст псковской летописи Малиновского, который он вообще нигде не использовал в своей «Истории». Вследствие этой ошибки и в предисловии к своей «Истории» Карамзин написал, что он использовал в этой «Истории» псковскую летопись Малиновского.[9]) Отмечу, что псковская летопись Малиновского обрывается на 1464-м годе и имеет краткую приписку, относящуюся к 1481-му году, так что она и не охватывает времени княжения великого князя Василия III (1505 г.—1533 г.), описанного Карамзиным в VII-м томе его «Истории». Мнение Карамзина, что выписки, сделанные для него из псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского), относящиеся к XVI-му веку, выписаны из псковской летописи Малиновского, — ясно указывает на то, что Карамзин совсем не был знаком с составом псковской летописи Малиновского. М. П. Погодин знал об этой ошибке Карамзина и вскользь упомянул о ней в 1837-м году в предисловии к своему изданию «Псковской Летописи».[10]) Но замечание Погодина было оставлено нашими историками без внимания, и ошибка Карамзина укоренилась очень прочно. В последующих изданиях его «Истории» она перепечатывалась целиком без всяких оговорок.[11])

Ошибка Карамзина дала проф. Иконникову повод ошибочно написать в его капитальном труде «Опыт русской историографии», что Карамзин в своей «Истории» использовал псковскую летопись Малиновского.[12])

III.

В тех 23-х примечаниях к VII-му тому «Истории Государства Российского», в которых Карамзин ошибочно ссылается на псковскую летопись Малиновского и в которых он ошибочно указывает, что он цитирует эту летопись, — он в действительности ссылается на следующие листы и цитирует текст со следующих листов псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского), хранящейся в Москве в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в фонде библиотеки Архива Министерства Иностранных Дел за № 69/92 (90) (447/915):

в примечании к тому VII—54—л. 334(186) оборот—л. 335(187) лицо
» » —55—л. 335 (187) лицо
» » —57—л. 335 (187) лицо и оборот
» » —58—л. 335 (187) оборот
» » —60—л. 335 (187) оборот и л. 336 (188) лицо и оборот
» » —61—л. 336 (188) оборот и л. 337 (189) лицо
» » —64—л. 337 (189) лицо и оборот и л. 338 (190) лицо
» —66—л. 338 (190) лицо и оборот
» » —68—л. 339 (191) лицо и оборот
» » —69—л. 339 (191) оборот и л. 340 (192) лицо и оборот
» » —70—л. 341 (193) лицо
» » —71—л. 341 (193) оборот
» » —73 (в начале) — л. 340 (192) лицо и оборот
» » —76—л. 339 (191) оборот
» » —77—л. 341 (193) лицо и оборот и л. 342 (194) лицо и оборот
» » —78—л. 342 (194) оборот
» » —95—л. 342 (194) оборот и л. 343 (195) лицо
» » —99—л. 343 (195) лицо и оборот
» » —119—л. 344 (196) лицо
» » —123—л. 344 (196) лицо
» » —132—л. 343 (195) оборот и л. 344 (196) лицо и оборот

» » —168—л. 344 (196) оборот и л. 345 (197) лицо

» » —279—л. 308 (160) лицо.

Итак, в этих 23-х примечаниях Карамзин использовал текст со следующих листов псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского): с лица листа 308 (160) и начиная с оборота листа 334 (186) и кончая лицом листа 345 (197) включительно — всего с 13-ти листов. Так как Карамзин пользовался текстом этих листов не в подлиннике, а в копии, то, естественно, что на этих листах против текстов, использованных Карамзиным, нет ровно никаких его пометок (которые он обычно делал около использованных им текстов) и, используя текст этих листов, Карамзин нигде не указал №№ листов (которые, конечно, не были обозначены в копии). В примечаниях 72-м и 73-м (в конце) к этому же VII-му тому «Истории» Карамзин использовал текст этой же псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского) и правильно указал здесь, что использовал текст этой летописи (которую он обычно называл «Архивской Псковской Летописью», так как, начиная с 1791 года, когда эту Собакинскую псковскую летопись подарил библиотеке Архива Коллегии Иностранных Дел Бантыш-Каменский и до 1811 года, когда этой библиотеке Малиновский подарил свою псковскую летопись — Собакинская псковская летопись была единственной древней рукописной псковской летописью, хранящейся в этой библиотеке). Карамзин сделал правильное указание, что текст летописи, использованный им в примечании 72-м и в конце примечания 73-го к тому VII-му, заимствован им из «Архивской Псковской Летописи» /т. е. из псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского)/ потому, что он заимствовал в этих примечаниях текст с оборота листа 306 (158) и с лица листа 307 (159) этой летописи, а текст на этих листах летописи Карамзин видел в подлиннике летописи и даже поставил в этом подлиннике летописи около текстов, использованных им в примечании 72-м и в конце примечания 73-го, свои отметки ногтем. [13]) И любопытно то, что в силу вышесказанного, в примечании 73-м к VII-му тому своей «Истории» Карамзин цитировал псковскую летопись Собакина (Бантыш-Каменского) дважды — и в первый раз назвал её ошибочно «Псковской Летописью Малиновского», а во второй раз назвал её верно «Архивской Псковской Летописью». Следует отметить, что Карамзин в примечаниях: 66, 68, 77 и 132 к VII-му тому своей «Истории» соединил текст псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского) (ошибочно принятый им за текст псковской летописи Малиновского) с текстом так называемой «Псковской Летописи Толстого». [14])

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Кроме того, летопись эта в XIX веке имела следующий временный шифр: «Государственнаго Древлехранилища памятники письменные. V Отдел, рубрика 2, № 2». Летопись эта, размером в четверть листа, переплетена в картон, обклеенный мраморной бумагой коричневого тона, с корешком из светло-коричневой кожи. Она заключает в себе 94 листа летописного текста, писанного полу-уставом, и испещрена пометками XIX века, сделанными её издателями. В начале этой летописи (на листах I и II) сделаны надписи XIX века: «Псковская летопись (без начала и конца) от мирабытия по 1464 год. (внесена в Библиотеку от Г-на Действ. Ст. Сов. Малиновскаго 1811 года.)» и «Псковская летопись От миробытия по 1464. год Рукопись XV века. Взнесена в библиотеку Московскаго Государственной Коллегии Иностранных дел Архива Д. С. С. Алексеем Малиновским 1811. года». В рукописном «Каталоге Славяно-Русских рукописей Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел», 1845 года, хранящемся в Москве в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в фонде библиотеки Архива Министерства Иностранных Дел (составленном Ундольским), в части 1-й этого каталога за № 181/1 (№№ рукописей 1—100) летописец этот за № 68/91 описан на листах 169—170 и о нём сказано: «Рукопись XV-го века, писана полууставом. Внесена в библиотеку Московскаго Главнаго Архива М. И. Дел Действительным Статским Советником Алексеем Малиновским в 1811 году». Летопись эта является единственной псковской летописью, подаренной библиотеке Архива Иностранных Дел Алексеем Федоровичем Малиновским. Это видно из каталога (описи или реестра) портфелей А. Ф. Малиновского, хранящегося в Москве в Центральном Государственном Архиве Древних Актов за № 197/1 (составленного в 1851 г. управляющим Архивом Министерства Иностранных Дел кн. Мих. Андр. Оболенским). В конце этой описи (листы её 219—224) вшит реестр рукописей Малиновского, подаренных им в библиотеку архива 20-го декабря 1811-го года. В конце этого реестра Малиновский своею рукой написал (л. 224): «Означенныя рукописи, книги и проч. дарю в

Библиотеку Московскаго Государственной Коллегии Иностранных дел Архива Алексей Малиновской 1811-го года декабря 20-го дня». В этом реестре псковская летопись Малиновского описана под № 2 и из этого реестра видно, что Малиновский подарил в библиотеку архива всего одну только эту псковскую летопись и она в 1811-м году была точно в таком же виде, в каком она сейчас (1946 г.)—из неё после 1811 г. ничего вырвано не было.

2) Из предисловия М. П. Погодина к его изданию 1837 г. «Псковской Летописи» видно: 1) что она издана Погодиным по предложению председателя «Общества Истории и Древностей Российских» тайного советника А. Ф. Малиновского—сделанному им 28-го ноября 1834-го года и 2) что, сделав это предложение, Малиновский представил для опубликования три списка псковского летописца и в числе этих трех списков тот, который был пожертвован им самим в библиотеку Архива Министерства Иностранных Дел /другие два списка: Собакина (Бантыш-Каменского) и Синодальный/. На стр. VIII—IX «Предисловия» Погодиным описан список псковского летописца, «пожертвованный в библиотеку архива нынешним начальником онаго, А. Ф. Малиновским». Из этого описания мы видим, что в 30-х годах XIX-го века летописец этот был совершенно в том же виде, в каком он теперь. Текст псковского летописца Малиновского оканчивается в издании Погодина на стр. 96 издания — 1464-м годом, а приписка, сделанная в летописце и относящаяся к 1481-му году, помещена Погодиным на стр. 159 его издания.

3) Смотри стр. стр. 169—170 предисловия к этой «Псковской Первой Летописи», в котором псковская летопись Малиновского описана. Из этого описания видно, что в 1848-м году она была в том самом виде, в каком она теперь. В этом описании о ней сказано, что она «в 1811 году принесена в дар Московскому Архиву Коллегии Иностранных Дел тайным советником А. Ф. Малиновским». В этом издании псковская летопись Малиновского продолжается до середины стр. 226 издания (1464 г.), а находящаяся в ней позднейшая приписка помещена на стр. 265 издания (1481 г.).

4) О пометках Карамзина, находящихся в псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского), смотри мою статью «К истории псковских летописей», помещенную в № 6 «Записок Мордовского научно-исследовательского института» (Саранск, 1946 г.) на стр. 134 и примечание 16 на стр. стр. 142—143.

5) Карамзин при писании им «Истории» очень часто пользовался не подлинниками документов, а их копиями, снятыми с документов специально для него, и на этих копиях даже не было помечено с каких подлинников и с каких листов этих подлинников они сняты и где хранятся эти подлинники. Яркими примерами таких копий, на которых не указано ничего относительно подлинников, с которых они сняты, использованных Карамзиным в его «Истории», являются две рукописи Карамзинского собрания рукописей (хранящегося в Ленинграде в Публичной Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина) за шифрами: «Латинская буква Ф. IV. № 341» (земский приговор 1611 г.) и «Латинская буква Ф. IV. № 344» (сборник различных актов конца XVI — начала XVII века). О копиях рукописей, сделанных для Карамзина, смотри: 1) описание его рукописей в «Отчетах Императорской Публичной Библиотеки» за 1867 г., стр. стр. 55—109 и за 1878 г., стр. стр. 9—19 и сами эти рукописи в Публичной Библиотеке; 2) подлинные письма Карамзина к архивисту, а потом директору Московского Архива Министерства Иностранных Дел — А. Ф. Малиновскому (щедро снабжавшему Карамзина историческими материалами и в подлинниках и в копиях), хранящиеся в Москве в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в фонде Московского Архива Министерства Иностранных Дел за шифром: «№ 15532 (№ 5) (№ 6)» (письма эти изданы в 1860 г. в Москве «Обществом Любителей Российской Словесности при Московском Университете» под редакцией М. Н. Лонгинова); 3) портфели А. Ф. Малиновского, хранящиеся в этом же Центральном Государственном Архиве Древних Актов (опись их № 197/1) — содержащие в себе копии первой четверти XIX века многих документов, использованных Карамзиным в его «Истории» и 4) труд М. П. Погодина: «Николай Михайлович Карамзин», ч. II, Москва, 1866 г.

6) Среди портфелей А. Ф. Малиновского (с 1814 года начальника Московского Архива Министерства Иностранных Дел), хранящихся в Москве, в Центральном Государственном Архиве Древних Актов в фонде Архива Министерства Иностранных Дел, хранится портфель № 2 и в этом портфеле под № 36 (см. опись этих портфелей № 197/1, лист 41 оборот) хранится копия первой четверти XIX века текста псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского) /№ 69/92 (90) (447/915)/: начиная с конца оборота листа 333 (185) и кончая концом оборота листа 342 (194), причём на этой ко-

пии не было указано с какой летописи она снята, и это установлено мною и написано на ней. Текст этих листов псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского) /и кроме них текст листов 343 (195), 344 (196), 345 (197) и 308 (160)/ именно и принял Карамзин за текст псковской летописи Малиновского. Очень вероятно, что именно данной копией этих листов, сохранившейся в портфелях Малиновского, и пользовался Карамзин, приняв её за копию текста псковской летописи Малиновского. Именно Малиновский постоянно снабжал Карамзина копиями с документов, сделанными им специально для Карамзина (смотри об этом моё примечание 5), именно Малиновский работал в Московском Архиве Министерства Иностранных Дел и был начальником этого архива, в котором с 1791-го года хранилась псковская летопись Собакина (Бантыш-Каменского), и за текст псковской летописи именно Малиновского принял Карамзин текст псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского).

7) Об этой перепутанности событий в псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского) смотри стр. VIII предисловия М. П. Погодина к его изданию 1837 года «Псковская Летопись». Работая над темой «Исторические источники «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина» и изучая при этом источники «Истории» Карамзина, я неоднократно наблюдала то, что Карамзин, торопясь писать свою «Историю», не имел обыкновения детально обследовать те источники, которыми он пользовался, и подробно вникать в них.

8) В примечании 54-м к VII-му тому своей «Истории» Карамзин в первый раз ссылается на псковскую летопись Малиновского (см. «История», т. VII, изд. 1819 г., примеч. 54). Он пишет здесь: «Смотри Псковскую Летопись, подаренную в Библиотеку Архива Иностранной Коллегии Его Превосходительством Алексеем Федоровичем Малиновским. Мы будем означать сию любопытную рукопись, стараго письма, его именем». В примечаниях: 95, 99, 119, 123, 132, 168 и 279 — Карамзин называет эту летопись «Архивской Псковской Летописью Малиновского»; в примечаниях: 55, 57, 58, 60 (в первом случае), 61, 64, 66, 68, 69, 73 (в начале), 76, 77, 78 — Карамзин называет её «Псковской Летописью Малиновского»; в примечаниях: 60 (во втором случае) и 70 — Карамзин называет её просто «Псковской Летописью», явно разумея здесь всё эту же псковскую летопись Малиновского; в примечании 71 Карамзин никак не называет

её, но также явно разумеет здесь эту же псковскую летопись Малиновского. В других примечаниях к VII-му тому своей «Истории» и в других томах этой «Истории» Карамзин вовсе не упоминает этой псковской летописи Малиновского.

9) См. статью Карамзина, помещенную в начале 1-го тома «Истории Государства Российского» и озаглавленную: «Об источниках российской истории до XVII века». Здесь, в примечании, Карамзин сообщает, что он пользовался в своей «Истории» в качестве источника: «списком Псковского Летописца — Архивским А. Ф. Малиновского» (см. «Историю», т. 1, изд. 1818 г., стр. XXIX):

10) Погодин написал на стр. VIII этого предисловия, что Карамзин «Архивный Псковский Летописец Н. Н. Бантыша-Каменского» «в примечаниях к «Истории Государства Российского» по ошибке называет Малиновским». Об этой ошибке сделана была (видимо Погодиным же) надпись на внутренней стороне верхней доски переплета псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского) — смотри об этой надписи труд А. Насонова «Псковские Летописи», выпуск 1-й, 1941 г., стр. VII. Надпись эта гласила следующее: «эту рукопись Карамзин называет псковскою летописью Малиновского и Архивскою. См. Ист. Г. Р., т. VII, прим. 54». О надписях Погодина на псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского) — смотри мою статью, озаглавленную «К истории псковских летописей», помещенную в № 6 «Записок Мордовского Научно-исследовательского института» (Саранск, 1946 г.), стр. стр. 135, 143 и 144. Но замечание Погодина об ошибке Карамзина верно лишь в отношении примечаний к VII-му тому «Истории» Карамзина — в остальных томах своей «Истории» Карамзин нигде не упоминает псковской летописи Малиновского, а, пользуясь псковской летописью Собакина (Бантыш-Каменского), правильно ссылается на последнюю, называя её обычно «Архивской Псковской Летописью» (такие правильные ссылки имеются и в примечании 72-м и в конце примечания 73-го к тому VII-му «Истории» Карамзина).

11) См., напр., Карамзин «История Государства Российского», изд. 5-е Эйнерлинга, 1842 — 43 гг. и др. издания этой «Истории».

12) См. В. С. Иконников «Опыт русской историографии», т. 2-й, книга первая, Киев, 1908 г., стр. 848—здесь Иконников повторил ошибку Карамзина, заимствовав из «Истории» Карамзина сведения о том, что Карамзин пользовался псковской летописью Малиновского.

13) В псковской летописи Собакина (Бантыш-Каменского) на полях оборота листа 306 (158) против использованного Карамзиным в т. VII, в примеч. 72-м текста, Карамзин поставил ногтем горизонтальную черточку, а на лице листа 307 (159) в тексте использованных Карамзиным в т. VII, в конце примеч. 73-го фраз после слов «но не у бе» Карамзин поставил ногтем вертикальную черточку.

14) Летопись, названная Карамзиным «Псковской Летописью Толстого», иначе называется «Псковской Летописью Карамзина». Она была взята Карамзиным из собрания рукописей гр. Ф. А. Толстого (хранящегося ныне в Ленинграде в Публичной Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина), не была возвращена им в это собрание, после смерти его была отдана его вдовой Археографической Комиссии (см. Полн. Собр. Русск. Лет., т. IV, 1848 г., стр. 170) и позже поступила в Ленинградскую Публичную Библиотеку. Здесь она хранится в рукописном отделе за шифром «Латинская буква Ф. IV. № 603». В примеч. 66-м к т. VII Карамзин использовал её листы 494 оборот и 495 лицо и оборот и на основании текста на этих листах вставил «ь» в слово «вечье», вставил букву «с» перед словом «деды» (переделав её из буквы «з»— так как в «Псковской Летописи Толстого» — здесь стоит буква «з»), переделал в слове «Снетогорской» букву «я» на букву «е», слова «ко Иоанну» переделал на «к Ивану» и из этой летописи заимствовал фразу «где ныне Наместничь двор». В примеч. 68-м к т. VII Карамзин использовал её лист 496 лицо и оборот (на лице листа 496 на полях имеется чернильная отметка Карамзина) и на основании текста этой летописи перед цифрой — «24» — вставил букву «в», переставил слова «приехал порану», заменил слово «Смоленской» словом «Коломенской», вставил перед словом «хотеша» букву «и», переставил слова во фразе «у образа в поли встретити государя». В примеч. 77-м к т. VII Карамзин использовал её листы 498 лицо и оборот, 499 лицо и оборот и 500 лицо и на основании текста этой летописи переделал слово «дияков» на «дьяков», слово «оне» на «они», слово «два» на «2» и из этой летописи заимствовал фразу: «Только одны Псковичи осташа: ано земля не раступитца, а вверх не взлетишь». В примеч. 132-м к т. VII Карамзин использовал её лист 502 лицо и оборот и на основании текста этой летописи исправил слова: «сослан на Кубено озеро, на Камено в монастырь».

30180
БИБЛИОТЕКА
№

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. *Проф. В. Н. Бочкарев.* Из истории борьбы русского народа за свою национально-политическую независимость в XV веке . . 3
2. *Смирнов И. И.*, Восстание Болотникова и народы Поволжья. 24
3. *Кандидат наук Самаркин В. И.*, Мордовия в пореформенный период 49
4. *Корсаков И. М.*, Крестьянское движение на территории Мордовии в пореформенный период (1861—1894 г.г.- 79
5. *Руткевич Н. П.*, Чёрная металлургия на территории Мордовии в XVIII—XIX веках 106
6. *Цыганов Н. Ф.*, Заметка о древне-мордовской денежной единице 137
7. *Кандидат наук Степанов П. Г.*, Гончарство у мордвы . . 147
8. *Горюнова Е. И.*, Теньгушевское городище 170
9. *Доцент Яковлева О. А.*, к истории Московских волнений 1584 г.—в связи с восьмисотлетним юбилеем гор. Москвы . . . 200
10. *Доцент Яковлева О. А.*, К истории псковских летописей . 218